АРТЮР РЕМБО

Жан Батист Баронян

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

АРТЮР РЕМБО
Ж. Б. Баронян
ЖЗЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жизнеописание французского поэта Артюра Рембо (1854—1891) — «преждевременного гения», пославшего мощный импульс поэзии XX века, — воссоздано на документальной основе известным бельгийским писателем, критиком Ж.Б. Бароняном и в русском переводе издаётся впервые. Жизнь такого неординарного человека, как Рембо, похожа на сюжет авантюрного, в чем-то даже криминального, романа. Уроженец провинциального городка Шарлевиль, в отроческом возрасте проявивший редкий поэтический талант и сочинивший несколько десятков стихотворений — большинство их ныне причислено к шедеврам мировой поэзии, — он не получил сколько-нибудь заметного признания у своих современников. При жизни скандальную известность Рембо принесла дружба, похожая на роман, с талантливым французским поэтом Полем Верленом, закончившаяся стрельбой из револьвера и заключением в тюрьму одного из друзей. После разрыва двадцатилетний Рембо навсегда распрощался е поэзией и продолжил свои странствия, к чему был склонен с детства, на Востоке: солдат-наёмник в Нидерландской Индии (ныне Индонезия), администратор в строительных и торговых компаниях, частный коммерсант в Адене и Эфиопии, водивший по этим малоисследованным землям караваны с оружием… Он собирался стать учёным-востоковедом, но в тридцать семь лет судьба поставила в его жизни точку.

- Жан Батист Баронян
  - РАЗОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК
  - ЖЕНЩИНА С ПОНЯТИЯМИ О ДОЛГЕ
  - ПЛОЩАДЬ ГРОБА ГОСПОДНЯ
  - ДОМАШНЯЯ ТИРАНИЯ

- ЦЫГАНЩИНА
- В СЕРОЙ ГАММЕ
- БЕСПУТСТВО
- В БУДУАРЕ МАТИЛЬДЫ
- НЕЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ
- АНГЕЛ СКАНДАЛА
- ПЛАН ПОБЕГА
- С КОММУНАРАМИ
- В ЦЕНТРЕ ЛОНДОНА
- ЖЁНКА
- ДВА ВЫСТРЕЛА В БРЮССЕЛЕ
- ДУРНАЯ КРОВЬ
- СНОВА ТЕ ЖЕ
- ТУДА-СЮДА
- РЕМБАД-МОРЕХОД
- КИПР: ТУДА И ОБРАТНО
- УРОКИ ГЕОГРАФИИ
- В ОГАДЕНЕ
- С ОРУЖИЕМ НА РУКАХ
- «БЕДСТВЕННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ»
- ГРОЗА СОБАК
- МАРСЕЛЬ, ПОСЛЕДНЯЯ ОСТАНОВКА
- ВМЕСТО ЭПИЛОГА
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АРТЮРА РЕМБО
- БИБЛИОГРАФИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96

- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140

- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150

Жан Батист Баронян
АРТЮР РЕМБО

Жизнь ®
замечательных
людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВЫПУСК
42

РАЗОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

…Но вот летит под облаками
Далёкий, еле различимый птичий клин.
Какая страсть, какие силы их толкали
В неведомую даль от их родных долин?
…
Смотрите, как летят над лесом, над горами!
Летят куда хотят, по зову их души
Над волнами морей, над птичьими дворами,
И ветер пьют такой, что вас бы задушил…

Жан Ришпен. Перелётные птицы[1]

«Бывают странные сближенья», — заметил однажды Александр Сергеевич Пушкин. То, что он имел в виду, сейчас называют совпадениями. Одно из таких сближений отметило и его судьбу.

За три с лишним столетия до гибели нашего поэта, в 1520 году, в Риме от сердечного приступа скончался в возрасте *тридцати семи лет* живописец и архитектор Рафаэль да Урбино. Сорок лет спустя в Париже умер французский поэт Жоаким Дю Белле. Ему было *тридцать семь лет.* Через полвека после него, в 1610 году, в итальянском городке Порто-Эрколе предположительно из-за приступа малярии на *тридцать седьмом году* ушёл из жизни живописец Микеланджело Меризи да Караваджо. За 13 лет до роковой дуэли *тридцатисемилетнего* первого поэта России в Греции на *тридцать седьмом году* жизни умер первый поэт Британии Джордж Гордон Байрон. Через пятнадцать лет после гибели Пушкина в петербургской больнице Всех Скорбящих на *тридцать седьмом году жизни* скончался живописец Павел Федотов. В 1890 году во Франции свёл счёты с жизнью голландский художник Винсент Ван Гог — ему было *тридцать семь лет.* Год спустя в марсельской больнице Непорочного Зачатия в страшных мучениях испустил дух почти ровесник Ван Гога французский коммерсант и исследователь Эфиопии, в ранней юности считавший себя поэтом, Артюр Рембо — ему суждено было прожить *тридцать семь лет.* В 1920 году Париже на *тридцать седьмом году* жизни умер итальянский художник Амедео Модильяни. Через два года в Новгородской губернии на *тридцать седьмом году жизни* скончался поэт Велимир Хлебников. А через восемь лет после него в Москве

погиб, не дожив трёх месяцев до тридцатисемилетия, первый поэт советской России Владимир Маяковский. Мистическое присутствие числа 37 в биографиях поэтов стало сюжетом песни Владимира Высоцкого «О фатальных датах и цифрах».

Ну и что из того? — может сказать по этому поводу читатель. — Миллионы людей в разные времена в разных местах Земли и по разным причинам умирали именно в таком возрасте!

Мистика здесь в том, что названных исторических персонажей объединяет не только срок отмеренной им жизни, но и место, которое они занимают в нашей памяти и мировой культуре: все они были гениями.

Впрочем, Артюр Рембо стоит особняком в этом ряду тридцатисемилетних. Роковое число относится только к продолжительности его земного странствия. Поэт же, известный под этим именем, закончил свой творческий путь гораздо раньше, в том возрасте, когда большинство его собратьев на него только вступают, — к двадцати годам. Не появись в Париже за три дня до кончины Рембо книга его юношеских стихов, опубликованная без ведома автора, мало кто за пределами его родного города Шарлевиля в Арденнах и помимо знатоков артистической богемы Парижа начала семидесятых годов XIX века знал бы о существовании этого француза, про которого к нашему времени написано множество книг, научных трудов, чьи стихи переводятся на все европейские и многие другие языки. Не угасающий уже более столетия интерес к нему порождён не только тем, что он по праву признан одним из самых ярких предтеч современной европейской поэзии, но и удивительной судьбой этого человека.

* * *

Биография Артюра Рембо, написанная бельгийским писателем Жаном Батистом Бароняном[2], привлекает прежде всего тем, что автор использовал столь многообещающий сюжет не как удачный повод для литературного самовыражения, а сосредоточил своё внимание на предельно достоверном описании всех подтверждённых более или менее надёжными свидетельствами событий жизни этого одинокого скитальца основных перипетий его долгого странствия.

В сущности, таким странствием была вся жизнь Рембо. Поначалу, в школьные годы, оно было воображаемым, навеянным сюжетами приключенческих книг, которыми увлекаются едва ли не все подростки. Но если у большинства из них этим да освоением малой родины и её окрестностей дело ограничивается,

а более дальние поездки совершаются позднее по семейным, деловым обстоятельствам или ради отдыха, то у Рембо «охота к перемене мест», как у истинного первопроходца, всегда была основным мотивом всех его поступков и не давала ему покоя до самого смертного часа. То была всепоглощающая страсть, в известном смысле действительно «весьма мучительное свойство», которое обычно приносило ему не столько ощущение полноты бытия, сколько бесконечные разочарования. Но здесь вероятна и обратная причинно-следственная связь: доходившее иногда до отчаяния разочарование во всём, что он видел вокруг себя, толкало его на поиски чего-то иного, и круг этих поисков неуклонно расширялся, притом что центр его был всегда один — родительский дом в Арденнах.

По-видимому, первым его разочарованием стало обидное несоответствие однообразного и тусклого существования в провинциальном Шарлевиле, по его выражению, «самом идиотском из всех небольших провинциальных городов», да ещё под гнётом материнской тирании, — кипению жизни в больших городах, особенно в Париже. Но не одно это влекло его в столицу. Только там он мог в полной мере раскрыть свой дар поэта, который почувствовал и осознал в себе очень рано.

Первые его стихотворения были написаны на том самом мёртвом языке, в изучении которого ещё совсем недавно школьник Артюр не видел никакого смысла, — на латыни. Три из них, по инициативе его преподавателя в коллеже, были опубликованы в журналах. К пятнадцати годам он сочинил, уже на французском, несколько десятков стихотворений. Среди них наряду с явно подражательными были по-настоящему оригинальные, отмеченные его неповторимым стилем произведения, позднее признанные шедеврами и вошедшие во все антологии французской поэзии и хрестоматии. Одно стихотворение, не самое примечательное, подросток сумел даже опубликовать в популярном парижском «Журнале для всех». Артюр был убеждён, что вправе рассчитывать на понимание со стороны глубоко почитаемых им старших собратьев по перу. Но его обращение к одному из них, Теодору де Банвилю, осталось без ответа.

Это первое литературное разочарование не остановило его попыток добиться признания в качестве поэта и лишь укрепило решимость «штурмовать» Париж. Первая попытка такого штурма, предпринятого самовольно, без ведома матери, сорвалась из-за полного отсутствия денег и ареста Артюра за безбилетный проезд, в результате чего его знакомство со столицей началось с десятидневного заключения в арестном доме Мазас и им же

закончилось.

Но и эта неудача ненадолго удержала его в родительском доме, откуда он, вновь тайком, отправился в путешествие по дорогам северо-западной Франции и Бельгии, впервые осуществив свою детскую мечту о вольной кочевой жизни — «цыганщине». Неискоренимая непоседливость Артюра стала горьким и тяжёлым испытанием для его матери, у которой жизнь и без того была не сахар. Витали Рембо оказалась в положении вдовы при живом муже, годами не появлявшемся в доме, а потом и вовсе забывшем к нему дорогу. Ей пришлось одной вести хозяйство, растить и воспитывать четырёх детей. Она полагала, что у неё есть все основания надеяться на то, что её необыкновенно одарённого, образованного сына Артюра ожидает благополучная карьера чиновника, может, даст Бог, священника или, на худой конец, тихое существование почтенного фермера. Но вместо этого его всё время несёт неведомо куда и зачем, а занятие он себе выбрал хуже некуда — поэт, прости Господи!

Такого рода драматическую коллизию, переживаемую теми буржуазными семействами, в которых ни с того ни с сего появлялись дети с подобными наклонностями, описал в стихотворении «Торгаши» современник и знакомец Рембо, поэт, драматург и романист Жан Ришпен:

Буржуа, торгаши,
Вы, лаская от души
Супругу,
Помолясь, не спеша,
Замышляли малыша,
Сыночка:
Подрастёт, станет он
Гладко выбритым, с брюшком, —
Юристом…
Но, увы, как назло,
Крепко вам не повезло
С потомством:
От сынка проку нет —
Не юрист он, а поэт
Косматый!..

Как раз таким косматым, с волосами, отросшими до плеч, и давно не мытым увидела своего непутёвого сына госпожа Витали Рембо, когда тот после очередной самовольной отлучки пришёл домой пешком из Парижа.

Твёрдую приверженность Рембо поэтической стезе отчасти

питали и те жестокие разочарования, которые довелось переживать впечатлительному и думающему подростку: бесславное поражение его страны в войне с Пруссией, осада и оккупация родного города вражескими войсками и, наконец, разгром Парижской коммуны, с которой он связывал свои самые горячие надежды на возможность иного, более справедливого жизнеустройства. Поэзия давала выход его чувствам и настроениям. В стихи изливались и его отроческие желания, предчувствия любви, телесной близости с женщиной.

Когда в семнадцатилетнем возрасте Рембо приобщился к корпорации парижских литераторов, те не оценили по достоинству его поэзию, слишком необычную даже на фоне исканий других стихотворцев. Сам же юный новатор не только осознавал собственную самобытность, но и дал ей определение, назвав присущий ему способ мировосприятия «ясновидением». Он даже попытался, правда, несколько невнятно, определить, что это такое. Но главное, он был твёрдо убеждён, что поэзия рождается из «алхимии слов» и смыслов и что «он один владеет ключом к этому дикому ремеслу».

Что же касается личности новоявленного ясновидца, то она разочаровала едва ли не всю литературную и артистическую парижскую братию, даже тех из неё, кто отличался смелостью и широтой взглядов. При внешности херувима этот юный провинциал был крайне самонадеян, бесцеремонен, дерзок, нетерпим к чужому мнению, груб, несдержан на язык, неопрятен и не стеснялся прибирать к рукам то, что плохо лежит. В нетрезвом состоянии, а это случалось с ним нередко, он был вспыльчив и агрессивен. Однажды, пустив в ход острую трость, он уколол одного из своих обидчиков в руку и в пах, что едва не привело к вмешательству полиции. С букетом таких особенностей он не сумел ужиться под одной кровлей даже с теми, кто великодушно соглашался приютить его у себя, и в итоге его прибежищем стали самые дешёвые ночлежки. Словом, в Париже он всюду пришёлся не ко двору, и, казалось, ему оставалась одна дорога — домой в Арденны.

Но не тут-то было. Не сумев покорить столичный поэтический олимп, он покорил одного из его обитателей, возможно, наиболее даровитого (по крайней мере, сам Рембо ставил его выше других) — Поля Верлена. Роман двух поэтов, ставший едва ли не самым известным в истории литературы примером любви, рассмотрен в книге последовательно и подробно, но автор не склонен придавать ему значение центрального факта биографии обоих. Вместе с тем из книги явствует, что нарочито демонстрируемая этой парой в Париже, а

позднее в Брюсселе и Лондоне интимная близость стала своего рода психологическим триумфом юного Рембо. Ему мнилось, что он подчинил себе душой и телом человека, которого ещё совсем недавно почитал чуть ли не за небожителя. Он увёл его из состоятельной семьи от молодой жены с грудным младенцем, приобщил к своей «цыганщине» и, казалось, почти внушил ему свои понятия об истинном счастье истинного поэта, освободившегося от всех пут мещанского существования, в том числе и семейных.

В действительности же триумф Артюра оказался далеко не полным и не долгим. Метания Верлена между семейным альковом и похождениями по европейским городам и весям вдвоём с требовательным, язвительным и несдержанным на слова партнёром привели к закономерному разрыву, притом в самой скандальной форме — со стрельбой из револьвера, арестом, судом и тюремным заключением слабейшего участника этого странного союза. Финал их бурного сожительства стал разочарованием для обоих. Верлена оно обратило на путь богоискательства, а Рембо перевернул страницу в своей судьбе поэта — почти перестал сочинять стихи, словно решив, что более ничего для себя нового в этом не найдёт, и написал две *поэмы в прозе*: «Одно лето в аду» и «Озарения».

Дальше случилось самое большое и бесповоротное, самое загадочное и прискорбное для всех его будущих почитателей разочарование Рембо — в своём призвании поэта и, как следствие или самооправдание, — в поэзии как таковой и вообще в литературе. Здесь вспоминается сказанное Верленом по другому поводу: «…всё прочее — литература!»

Автор книги не предлагает какой-либо гипотезы, объясняющей случившееся с Рембо, оставив читателю право судить об этом. Но содержащийся в книге очерк психологических эволюций юного искателя приключений не даёт оснований предполагать ни какого бы то ни было «кризиса жанра», ни внезапно постигшего поэта неверия в свой талант, ни радикальной переоценки им сочинённого — вроде той, что когда-то побудила Гоголя уничтожить второй том «Мёртвых душ». Здесь скорее можно говорить о том, чего так опасался и о чём написал другой поэт, Владимир Маяковский, — о «страшнейшей из амортизаций — амортизации сердца и души». Сам Рембо сказал о подобном состоянии в одном из ранних стихотворений: «Как жить с украденной душой?» И случилось это, возможно, потому, что стихотворец-вундеркинд, стремительно пройдя путь, который у других обычно занимает долгие годы, созрел до времени. Эпоха ещё не была готова понять и принять такую поэзию. В новейших

изданиях словаря «Малый Лярусс» о нём так и написано — «преждевременный гений». Все старания Рембо опубликовать сборник своих стихов оказались тщетными: ни одного издателя его творения не заинтересовали. Для автора это гораздо хуже любой уничижительной критики. Если твоё словотворчество не находит спроса, значит, ты дилетант, а то и вовсе графоман. Писать «в стол» в те времена было не принято.

Стало быть, вам мои стихи непонятны и неинтересны? Тогда чего ради тратить себя на их сочинение! А поскольку вы публикуете множество пустопорожних виршей, то я волен думать, что и само это ремесло нынче гроша ломаного не стоит… Безуспешными были и его попытки стать журналистом: в парижских редакциях от услуг юного соискателя отказывались, а местная арденнская газета, куда его приняли сотрудником, вскоре была закрыта.

Как бы то ни было, Рембо-поэт внезапно кончился, но Рембо-странник продолжил свои перемещения по земле. Европы ему уже было мало. Даже Лондон, ещё недавно его вдохновлявший, больше не мог утолить жажды новых горизонтов. Его манил Восток — Азия и Африка: иной климат, иные ландшафты, иные народы и культуры. Но на далёкие экспедиции требовались немалые средства, а где их было взять молодому человеку, изредка пробавлявшемуся уроками французского языка? Пришлось наняться в колониальную армию Нидерландской Индии, что позволило совершить большое плавание из Европы через Суэцкий канал, Красное море, Аденский залив в Индийский океан к острову Ява. Именно во время этого плавания он увидел, наконец, те самые картины южных морей, которые за несколько лет до этого красочно описал в стихотворении «Пьяный корабль» — может быть, самом известном произведении всей мировой поэтической маринистики.

Скорое разочарование в службе наёмником и дезертирство были закономерными. Вернувшись после долгого и опасного обратного плавания домой, Рембо там не засиделся. Можно было податься в миссионеры куда-нибудь в Индию или в Китай, но этому препятствовало отсутствие богословского образования, к тому же он был убеждённым безбожником. Оставалась наёмная служба в заморских коммерческих учреждениях, которые нуждались в грамотных молодых людях, владеющих иностранными языками. Однако доставшиеся ему мелкие административные должности в строительных и торговых компаниях на Кипре, в Адене и провинции Харар в Эфиопии не приносили приличного дохода и не давали развернуться открывшейся в нём дерзкой предприимчивости.

Всякая торговля сопряжена с риском. Торговля в регионе, где столкнулись колониальные интересы крупнейших европейских держав, да ещё на территориях, охваченных постоянными войнами и восстаниями, рискованна вдвойне, а если это торговля оружием, то риск становится уже смертельно опасным, хотя и сулит большую выгоду. И всё же Рембо пошёл на это, совершив с большим караваном невероятно трудный, долгий и опасный переход по каменистой полупустынной местности. И… пережил очередное разочарование. Сделка с будущим правителем Эфиопии прижимистым Менеликом оказалась для Рембо почти убыточной, на что он потом не раз сетовал. Впрочем, это его, как он полагал, фиаско не подорвало в нём готовности при удобном случае повторить опыт с торговлей оружием.

В целом его деятельность на поприще коммерции нельзя назвать такой уж безуспешной. Хотя Рембо постоянно жаловался на непомерные издержки, дороговизну жизни на Востоке, поборы местных властей, ненадёжность партнёров и контрагентов, на своё «бедственное существование» и т. п., дела он всё же закончил далеко не банкротом, если ему удалось депонировать в каирском отделении банка «Лионский Кредит» восемь килограммов золотых монет. Но какой был от этого прок, когда судьба поставила его перед новым препятствием, оказавшимся непреодолимым: начались серьёзные проблемы со здоровьем.

Тем не менее возвращаться домой, чтобы работать на семейной ферме, на что надеялась мать, он не собирался. Да, коммерция не оправдала его ожиданий, но его увлекло другое — исследование неизведанных земель. В этом он не был оригинален: среди молодых предприимчивых европейцев в эпоху активных колониальных захватов обострился интерес к заморским землям. Исследователи-первопроходцы пользовались уважением, и их трудную судьбу стремились разделить многие. Без кропотливой подготовительной работы таких энтузиастов эффективная колониальная политика была бы невозможна.

Рембо обладал всеми необходимыми качествами, чтобы стать учёным-востоковедом, африканистом и арабистом. У него был большой опыт путешественника, ему доводилось общаться с местными людьми всякого рода и звания — от погонщиков верблюдов и домашней прислуги до первых лиц в государстве. Он владел, хотя и в разной степени, несколькими европейскими языками, осваивал арабский, знакомился с местными наречиями, верованиями, обычаями, обрядами, материальной культурой, изучал флору и фауну. В работе исследователя, как когда-то в стихотворчестве, он намечал себе самые высокие цели. Тот комплексный метод изучения территории, который он

намеревался применить в Эфиопии, содержал практическое, непосредственное знание предмета, полноту и достоверность наблюдений с использованием новейших для того времени технических средств от точных измерительных инструментов до фотографии. Ко всему этому добавлялись присущие его аналитическому уму строгая обоснованность и меткость суждений и свойственная его поэтическому зрению выразительность описаний. Эти особенности исследовательского стиля Рембо проявились в его первых опытах на новом поприще — в отправленном им в парижское Географическое общество научном отчёте об Огадене и в опубликованных двумя выпусками в каирской франкоязычной газете «Босфор Эжипсьен» путевых заметках об эфиопской местности Шоа. Задумав большую книгу об Эфиопии, он намеревался написать нечто «добротное и полезное». Можно предположить, что, если бы судьба отвела ему ещё несколько лет жизни, он стал бы автором солидного учёного труда.

Остановить неукротимого искателя новых горизонтов смогла только преждевременная смерть. Уже став калекой, превозмогая страшные боли и отчётливо осознавая приближение конца, он упорно и мужественно боролся за жизнь. Она была нужна ему для того, чтобы продолжить своё бесконечное, хотя и полное горьких разочарований, странствие. Поразительным свидетельством этого стало его последнее письмо, которое он уже в предсмертном бреду продиктовал своей сестре Изабель. Смысл этого странного, адресованного неведомо кому текста — словно брошенное в море послание в бутылке — заключён в его последних словах: «… Скажите мне, в котором часу меня должны доставить на борт…»

Была ли в жизни Артюра Рембо пора, когда он чувствовал себя счастливым, или же вся она состояла из череды несбывшихся надежд, утраченных иллюзий, неудач, скорбей и печалей? Судя по биографии, написанной Бароняном, можно заключить, что и радостями судьба его не обделила. Он рос без отца и под строгим надзором деспотичной матери, но, возможно, отчасти из-за этого с младых ногтей необыкновенно глубоко чувствовал природу и, когда в одиночку бродил по дорогам Европы, по-видимому, испытывал сладостные минуты и часы полного слияния с нею, какие только и могли стать истоком творений такой благоуханной свежести и красоты, как «Моя цыганщина» или «Ощущение»:

В вечерней синеве пойду вдоль поля ржи
По травам через луг тропой едва приметной,
Прохладой мне роса лодыжки освежит,

А волосы волной омоет ветер летний.
Ни слов, ни мыслей, ни тревоги, ни забот,
В душе — одна любовь, какой не ведал сроду,
И, как цыгана, вдаль дорога позовёт,
И приютит меня, как женщина, природа.

В юности, когда все чувства так обострены, он не познал радостей любви к женщине, но ожидая, предчувствуя, предощущая их, смог навсегда сохранить эти переживания в изысканных эротических вариациях. Он не испытал родительской ласки, но был по-настоящему дружен со своим так не похожим на него старшим братом Фредериком, испытывал глубокую симпатию к сестрёнке Витали, ранняя смерть которой стала для него большим ударом, а в последние месяцы его жизни другая сестра, Изабель, с которой до этого он много лет общался только по почте, забыв даже, как она выгладит, одарила его преданной заботой и как смогла облегчила его предсмертные страдания. С детства у него был единственный настоящий друг Эрнест Делаэ, его земляк, ровесник и однокашник, человек скромный и непритязательный, но очень надёжный. Во многом благодаря ему поэзия Рембо стала известна широкой публике.

И наконец, пожалуй, главное: можно предположить, что аккуратно, без описок и помарок переписывая набело тексты своих стихотворений, этот «преждевременный гений», самоуверенный обладатель ключа к «алхимии слов» испытывал моменты несказанного тайного удовольствия, предчувствуя то глубокое волнение, с каким его грядущие ценители будут их читать и перечитывать.

Владислав Зайцев Москва, 2012

ЖЕНЩИНА С ПОНЯТИЯМИ О ДОЛГЕ

В начале 1860-х годов в городе Шарлевиль, что в Арденнах[3], если заходил разговор о госпоже Витали Рембо, то все обычно удивлялись, как это ей удалось воспитать четверых детей, притом что муж её, капитан Фредерик Рембо, почти никогда не бывал дома.

Мнения по этому вопросу высказывались разные. Одни говорили, что госпожа Рембо — женщина необыкновенного мужества. Это качество она унаследовала от своих предков, арденнских землепашцев, и проявилось оно у неё уже с пятилетнего возраста, после внезапной смерти в 1830 году её матери. Они тогда жили в селении Рош в долине Эны, между Вузье и Аттиньи. То было небольшое местечко, где когда-то располагалась одна из резиденций королей династии Меровингов и где, возможно, сам Карл Великий принимал изъявление покорности от грозного предводителя саксов Витикинда.

Про Витали говорили, что уже в свои шестнадцать лет она управлялась со всем хозяйством семьи: со стариком-отцом Жаном Никола Кюифом, с двумя своими братьями, наёмными работниками, курятником и скотиной, кухней, стиркой и другими делами по дому, включая ведение семейного бюджета. Она работала не покладая рук, никогда не жалуясь на судьбу. И не позволяла себе никаких развлечений, даже участия в традиционных праздниках по случаю сбора урожая в Вузьере или Вонке, селении на противоположном берегу Эны. Многие полагали, что годы трудов и забот укрепили в ней понятие долга, привычку к добросовестной работе и умение довольствоваться самым необходимым.

Глубоко верующая католичка, Витали соблюдала все христианские заповеди и предписания, исходившие из Рима. Она строго исполняла все обряды и старалась непременно присутствовать вместе с детьми на воскресной службе в новой местной церкви Богоматери. Словом, считалась почти святошей.

У неё было слегка загорелое лицо с широким лбом, голубыми глазами, прямым носом и тонкими губами. Её энергичная походка выдавала решительный и гордый нрав. Про неё говорили, что она женщина с характером. Во всяком случае, это была мать семейства, внушавшая уважение.

Вместе с тем многие отзывались о Витали Рембо не столь похвально. Злословили и по поводу её мужа, который оставил её с детьми на руках под предлогом служения отечеству в дальних гарнизонах: в Лионе, Аннонэ, Балансе, Дьеппе, Гренобле.

Что за человек был этот профессиональный военный, носивший такие же светлые усы, как у императора[4], этот *чужак*? Он был мужчиной среднего роста, курносый, с мясистыми губами, родившийся в 1814 году в Оле и поступивший на военную службу в восемнадцатилетнем возрасте. Про него говорили, что он был хорошо образован, знал несколько иностранных языков, включая арабский, который якобы выучил в Алжире, где в 1841 году отличился, служа в чине младшего лейтенанта в батальоне пеших охотников.

Что толкнуло его в феврале 1853 года, когда он нёс гарнизонную службу в Мезьере, остановить свой выбор на Витали Кюиф после встречи с нею на концерте, который давал для публики на Музыкальной площади Шарлевиля оркестр 47-го пехотного полка из Живе? Внезапная влюблённость?

Едва ли. Тем более что Витали не была ни миловидной, ни привлекательной, ни привязчивой, ни удачливой девушкой. Возможно, брак этот случился лишь потому, что она в свои двадцать восемь лет всё ещё была незамужней, а он к сорока годам оставался холостяком…

Злые языки говорили, что Фредерик Рембо как муж годился только на то, чтобы во время своих побывок *делать* малышей, после чего все заботы по их воспитанию доставались жене. Кто знает, не было ли у него детей на стороне, в каком-нибудь гарнизонном городе на другом краю Франции? Не был ли он двоеженцем? И не по этой ли причине после очередного посещения семьи осенью 1860 года его уже больше не видели ни в Шарлевиле, ни в Мезьере?

Другие полагали, что он навсегда расстался с супругой из-за того, что ему надоело терпеть её тиранический нрав властной и неуступчивой матроны, и рассказывали о их постоянных спорах и стычках. Говорили даже, что при каждой новой встрече семейные сцены разыгрывались всё чаще, и соседи слышали, как супруги Рембо осыпали друг друга оскорблениями, кричали и кидали друг в друга попавшиеся под руку предметы!

Как бы то ни было, по сути Витали Рембо оказалась на положении вдовы с четырьмя ребятишками на руках. Первого, Фредерика, она родила 2 ноября 1853 года, к концу десятого месяца замужества, потом, 20 октября 1854 года, родился Артюр, в 1857 году — Викторина Витали, к несчастью, прожившая всего три месяца, 15 мая 1858 года — Витали и, наконец, 1 июня 1860 года появилась на свет Изабель. Итак, два старших мальчика и две младшие девочки.

Жили они на улице Бурбон, многолюдной, застроенной тесными невзрачными домами. Фредерик и Артюр охотно

общались с ребятами их квартала, по большей части из многодетных рабочих семей, одетыми в лохмотья, грязными, дурно пахнувшими, худосочными, крикливыми и грубыми, беззаботными, дикими и плутоватыми. Это очень не нравилось госпоже Рембо, которая была убеждена, что её сыновья заслуживают лучшей компании. Хотя супруга при ней не было, она считала, что её статус замужней дамы мог, по крайней мере, обеспечить ей определённое положение в обществе и позволить жить среди шарлевильских буржуа.

Шарлевиль, основанный в 1606 году Шарлем Гонзаго, в ту пору губернатором Шампани, второй по величине после Седана город департамента Арденны, был всего лишь центром кантона. Но благодаря активности местных промышленников и коммерсантов и своим кредитным учреждениям город процветал. В этом он оставил позади соседний старинный гарнизонный город Мезьер, с которым, впрочем, с точки зрения географии, экономики и административного подчинения, составляет единую агломерацию. Из Шарлевиля в Мезьер попадаешь, даже не заметив этого, — пройдя по Орлеанской улице или Национальному проспекту, а потом по мосту Арш через Маас.

Госпоже Рембо после смерти в 1858 году отца удалось сохранить семейную ферму в Роше. При всякой возможности, обычно во время школьных каникул, она отправлялась туда со своим потомством. Там было хорошо, природа в окрестностях, не лишённая красот, Артюру нравилась. Окна его с братом комнаты на втором этаже выходили во внутренний двор фермы, а через окно на противоположной стороне он мог любоваться открывавшимся видом на узкую лощину. И он не отказывал себе в этом удовольствии, особенно по вечерам, перед сном, когда на землю опускались сумерки.

Заботясь о будущем сыновей, Витали Рембо в октябре 1861 года определила их в частную школу Росса. Это заведение, в котором обучались более трёхсот учеников, было основано за несколько лет до того педагогом с передовыми взглядами на обучение, уроженцем Страсбура, и считалось лучшей частной школой в городе. В нём учились дети из самых зажиточных семей. Это здание по улице Аркебузы, недалеко от Дворца правосудия, отличалось от других буржуазных домов квартала большими въездными воротами, выкрашенными в зелёный цвет.

Притом что Артюр нередко выглядел скучающим и не умел легко сходиться с одноклассниками, в заведении Росса он чувствовал себя неплохо и считался хорошим учеником. В первый год обучения его признали девятым по успеваемости, наградили тремя премиями и отметили тремя номинациями. На втором году

он был восьмым с пятью премиями, семью номинациями и почётным призом для младших классов. Третий год, в августе 1864-го, он закончил с четырьмя премиями. Одна из них была получена за успехи в чтении и классической декламации, что свидетельствует о том, что он был не таким уж замкнутым и робким.

В качестве призов ему при ежегодном оглашении наград вручали книги, и они входили в круг его чтения. Среди них были «Красота ликов природы» аббата Плюша, «Жизнь в пустыне, или Приключение семьи, потерявшейся в джунглях Америки» американского романиста ирландского происхождения капитана Майн Рида с иллюстрациями Гюстава Доре, «Французский Робинзон, или Новая Каледония» Ж. Морлана, «Робинзон для юношества» госпожи Фалле, а также «Описание достопримечательностей Санто-Доминго» Марлеса, популярные книги которого пользовались большим спросом в школах.

Такое чтение развивало воображение Артюра. Он пробовал сам сочинять небольшие приключенческие рассказы, записывал в тетрадях наброски приходивших ему в голову сюжетов. Среди прочего там сохранилась беглая зарисовка родителей. Отца, «офицера армий короля», он вспоминал «высоким и худым», казавшимся старше своих лет. У него был «живой, кипучий характер, он часто сердился и был нетерпим ко всем, кто ему не нравился». Сына за хорошо приготовленные уроки он поощрял карманными деньгами, игрушками или лакомствами. Мать Артюр описывал как «женщину мягкую, спокойную, которую могла напугать сущая безделица, и при этом содержавшую дом в безупречном порядке»[{1}]. Ещё он записал несколько соображений по поводу латыни и греческого, задавшись вопросом, с какой целью эти мёртвые языки преподают в школе:

«Зачем, — спрашивал я себя, — учить греческий, латынь? Я не знаю. Они ведь не нужны! Какое имеет значение, что я сдам экзамен… и к чему всё это? Нет, говорят, что место можно получить, только если выдержал экзамен. Мне не нужно места, я буду рантье. Но даже если бы я и хотел получить место, латынь здесь при чём? На этом языке никто не говорит. Иногда в газетах можно увидеть что-то написанное на латыни, но, слава богу, журналистом я не буду.

Зачем учить историю и географию? Надо, конечно, знать, что Париж находится во Франции, но никто не спрашивает, на каком градусе широты. А история: заучивать жизнь Набопаласара, Дария, Кира и других замечательных их собратьев с их чёртовыми именами — это же пытка!

Какое мне дело до того, что Александр был знаменит? Какая

мне разница… Кто знает, существовали ли латиняне? Может быть, это вовсе поддельный язык? И даже если они существовали, пусть они останутся со своим языком, а я буду рантье. Что я им такого сделал, чтобы терпеть из-за них пытку.

Перейдём к греческому… на этом вонючем языке никто не говорит, ни один человек в мире!.. Эх, трижды чёрт подери, я буду рантье, что хорошего — протирать штаны на службе — к чертям её собачьим!

Видите ли, чтобы стать чистильщиком сапог, получить место чистильщика, надо сдать экзамен, ведь места, которые тебе могут предложить, — это место чистильщика сапог или свинопаса, или волопаса. Благодарю покорно, мне этого не надо, к чёрту!

А в утешение натерпишься всяких пакостей, будут называть тебя скотиной, мужичком и проч.

Эх, чёртова песня! Продолжение следует.

Артюр»[{2}].

Рядом с такими заметками он набрасывал пером рисунки, которые сопровождал шутливыми комментариями и мелодраматическими подписями. Например, мальчика, который тянет санки с сидящей на них девочкой, или двух девочек на коленях перед аналоем в молитвенной позе, лодку с двумя школьниками, поднявшими руки и кричащими: «На помощь! Мы тонем!» Или сценку, которую он назвал «Осада», — мужчина, женщина и двое мальчиков швыряют из окна разные предметы в людей на улице, а некий субъект в цилиндре, подняв руку, замечает: «Это достойно сожаления». На рисунке, подписанном «Качели», изображена девочка, балансирующая на стуле, подвешенном к дверной ручке. Она восклицает: «Ах, я падаю!», а брат говорит ей: «Держись!»

Госпожа Рембо была между тем недовольна школой Росса. Она полагала, что её директор чрезмерно увлекается новшествами, склонен терпеть в своём заведении необщепринятые (а следовательно, опасные) воззрения, чересчур пополняет учебную программу новыми предметами и наряду с этим допускает слишком большие послабления в отношении учеников. Её укрепили в этом мнении заметки Артюра о своём нежелании выбрать себе какой-то род занятий и о намерении стать рантье. Она сожалела и о том, что в программе школьных курсов религиозное воспитание допускалось только в строго ограниченном объёме. В 1865 году она приняла решение перевести обоих сыновей из школы Росса в коллеж. А чтобы повысить свой общественный статус, переехала всем семейством с улицы Бурбон на улицу Форест.

Артюру в то время было десять с половиной лет.

ПЛОЩАДЬ ГРОБА ГОСПОДНЯ

Коллеж в Шарлевиле, куда Витали Рембо к Пасхе 1865 года определила сыновей, был совсем не похож на заведение Росса. В него принимали учеников не только из «простых», из семей местной мелкой буржуазии, но и семинаристов (в качестве экстернов). Семинария находилась неподалёку от старинных зданий школы на площади Гроба Господня, в двух шагах от городской библиотеки. Преподавали в коллеже главным образом классические дисциплины: французский, латинский, греческий языки, историю, основы религии. Что касается естественных наук, то хотя ими и не пренебрегали вовсе, но в программе им явно отводилось второстепенное место.

Госпожа Рембо была довольна. Поначалу она каждое утро сама провожала Фредерика и Артюра до коллежа и встречала их после окончания занятий вместе с Витали и Изабель. Домой все шли, чинно держась за руки. После скромного полдника, не теряя времени, мать заставляла их готовить домашние задания и следила за тем, чтобы они правильно затвердили уроки. Затем, подобно требовательной и педантичной учительнице, с суровым выражением лица спрашивала у них заученное и если находила, что они плохо справились с заданием, без колебаний наказывала их. Дело могло дойти до того, что провинившийся лишался горячего ужина или даже вынужден был довольствоваться одним чёрствым хлебом.

Одновременно она следила за тем, чтобы Фредерик и Артюр не завели себе неподобающих приятелей, не попали под дурное влияние товарищей по учёбе. Её бдительность немного успокаивало увлечение младшего из сыновей чтением, но это не значило, что он волен был читать всё без разбора. Например, эту крайне мрачную «Исповедь сына века» Альфреда Мюссе, которую она однажды видела в руках Артюра, а тому её, вероятно, дал почитать один из соучеников, наверняка какой-нибудь проказник. Или эту «Даму с камелиями» Александра Дюма-сына, дешёвое издание которой только что появилось в библиотеке.

Что уж говорить про вездесущего Виктора Гюго и его грязных «Отверженных»! Как это возможно, чтобы подобный роман, такой длинный и нерелигиозный, вызвал столько толков и пользовался таким успехом? Если она узнает, что какие-нибудь преподаватели коллежа рекомендуют своим беззащитным ученикам для чтения этих Мюссе, Дюма-сына или Гюго, она пожалуется на них в дирекцию!

В сущности, госпожа Рембо могла быть вполне довольна

школьными успехами Артюра. Перемена учебного заведения прошла для него безболезненно. В пятом классе он получил одну первую премию (за декламацию классических текстов) и два поощрения (за основы религии и французский язык), в четвёртом две первые премии (за латинское стихосложение, историю и географию) и одно поощрение (за немецкий язык). В третьем классе — снова две первые премии (за религию и декламацию) и несколько поощрений. Матери особенно пришлось по душе то обстоятельство, что в этом списке достижений сына значился блестяще сданный экзамен по основам религии, и его отношение к этой дисциплине позволяло надеяться на то, что он без каких-либо затруднений сможет поступить в семинарию.

Фредерик, тот, напротив, оказался лоботрясом. Но, с другой стороны, у него был покладистый и гораздо более общительный характер, чем у брата. И внешне он не был на него похож: крепкого сложения, всегда беззаботный и жизнерадостный, притом что из-за плохих успехов в учёбе мать часто его ругала и награждала пощёчинами. Артюр был прямая ему противоположность: неизменно сумрачен и молчалив. Это различие характеров не мешало им помогать друг другу и, претерпевая одни и те же испытания под домашним кровом, действовать заодно.

Однажды Фредерик по неловкости сломал свой зонт и не без оснований опасался, что мать будет метать громы и молнии. Артюр из солидарности с ним нарочно разломал свой зонт. В наказание госпожа Рембо не нашла ничего другого, как отправить обоих на улицу с их разодранными зонтами…

С начала учебного 1868 года мать уже не провожала их от улицы Форест до площади Гроба Господня, и братья стали часто отлынивать от занятий. Обыкновенно они задерживались неподалёку от коллежа у одного из рукавов реки Маас, где им случалось плавать на рыбачьей лодке, раскачивая её, как будто вокруг были волны грозного океана, но стараясь при этом не замочить свои чистые костюмы (белый отложной воротник, чёрный пиджак, панталоны синего сукна), не потерять шляпы и не загрязнить ботинки. Там они часто встречались со своим другом Эрнестом Делаэ.

Тот был на два месяца старше Фредерика и жил в Мезьере, в квартале Сен-Жюльен, около городского кладбища и места, называемого Лес любви, что протянулся вдоль одного из изгибов Мааса. Делаэ был сыном скромного нормандского чиновника и крестьянки родом из Бургиньона, у него было три сестры. В коллеже, куда он поступил в 1866 году и ходил пешком от своего дома, находившегося за два километра, он считался очень

хорошим учеником.

Особенно близко с Эрнестом сошёлся Артюр, который охотно поверял ему свои мысли, увлечения, желания и, между прочим, признался, что дома у него обстановка тягостная, непереносимая, что он задыхается под строгим материнским надзором. Они любили вместе убегать куда-нибудь, никого не известив, и, подобно бесстрашным героям Майн Рида, обследовать берега реки у подножия плато Бертокур, или забираться на гору Олимп высотой более двухсот метров. Там когда-то возвышалась крепость, разрушенная по приказу Людовика XIV, от неё сохранились несколько остатков стены и высокая башня на самой вершине.

Позже Артюр всё чаще стал рассказывать Эрнесту Делаэ о книгах, которые читал, но больше всего говорил о поэзии — предмете, который был совершенно недоступен его брату Фредерику и весьма сомнителен в глазах госпожи Рембо, признававшей только Библию. Артюр цитировал Виктора Гюго, Теофиля Готье, Шарля Бодлера, Теодора де Банвиля. Он уже сочинил несколько стихотворений, которые показывал своему другу. В одном из них описывался цирк с укротителями, амазонками, попугаями, клоунами, разными зверями в клетках и громкой музыкой. Словом, некое попурри из шумов, красок и фантасмагорий.

Второе стихотворение Артюр начал сочинять в 1868 году. К этому времени он входил в число самых одарённых учащихся коллежа, им восхищались большинство преподавателей, начиная с его нового наставника Поля Дюпре, молодого уроженца Арденн, получившего диплом по литературе в Академии Дуэ. Одержимый французской и латинской поэзией, он был очень внимателен к своему ученику. Поль Дюпре вскоре обнаружил, что Артюр отличается от всех других учащихся, включая семинаристов, которых к тому же презирает и сторонится. Он понял, что у мальчика гордый характер. Эта неколебимая, почти чрезмерная гордость, унаследованная Артюром от матери и её арденнских предков, молодому учителю вовсе не казалась недостатком. Для Дюпре не осталось незамеченным и то, что подросток нашёл своим чрезвычайным дарованиям выгодное применение: писал сочинения за некоторых из своих одноклассников, за что получал от них деньги.

На годовом конкурсе по латинскому стихосложению, где была задана тема «Оды» Горация, вундеркинд Артюр удивил самого Поля Дюпре, подав ему после трёх часов работы безупречно написанный текст из восьмидесяти стихов[5], один краше другого. Стихотворения отличались свободой и

естественностью и свидетельствовали о мощи воображения автора. Гордясь своим учеником, наставник сразу же отослал его сочинение в Академию Дуэ, и оно было опубликовано в выпуске официального бюллетеня этого учреждения — «Вестнике среднего, специального и классического образования», — 15 января 1869 года. Артюр, разумеется, тоже был горд.

Новым поводом для гордости стала публикация в выпуске того же бюллетеня от 1 июня второго из его конкурсных сочинений под названием «Ангел и дитя» (на этот раз пятьдесят пять строк), написанного по мотивам одного малоизвестного произведения писателя из Нима — Жана Ребуля. А в августе Артюр получил сразу восемь первых премий: как первый ученик в классе, за основы религии, латинскую прозу, перевод с латыни, латинское стихосложение, перевод с греческого, историю и географию, декламацию. Картину омрачало одно — математика, которая была для Артюра настоящей *terra incognita,* более таинственной и недоступной, чем затерянный в океане остров Робинзона Крузо.

Да, Рембо чувствовал, что он не такой, как другие. Не то чтобы выше их, но что он рождён стать поэтом, настоящим поэтом, который рано или поздно будет способен соперничать с любым из авторов, публикующихся ежемесячно в «Современном Парнасе, журнале новых стихов». Журнал представлял собой шестнадцатистраничные брошюры, которые с 1866 года выпускал парижский издатель Альфонс Лемер. Артюр на деньги, вырученные у товарищей по учёбе, покупал эти брошюрки в книжном магазине Проспера Летелье — на первом этаже того самого дома номер 12 по улице Наполеона, где он родился. В том же книжном магазине он впервые увидел и небольшие сатирические листки, которые познакомили его с рисунками художников-карикатуристов, таких, как Оноре Домье, Андре Жиль и Альбер Юмбер.

Его гордость, которую нарочно подчёркивал, нравилась не всем его преподавателям. Некоторые предсказывали, что этот подросток, хотя и силён в латыни и французской поэзии, кончит плохо. Другие считали его высокомерным, малообщительным, скрытным, склонным дурачить своих приятелей. Они ещё не знали, что в марте 1869 года, выполняя задание по переводу на французский отрывка из «De natura rerum»[6] Лукреция, он просто-напросто переписал, изменив лишь мелкие детали, перевод, выполненный Сюлли Прюдомом и опубликованный Альфонсом Лемером всего за несколько недель до того. А прочитав его стихотворение «К Венере», учителя сочли автора бесстыдным язычником:

О, Энеева матерь, отрада богов
И услада всех смертных во веки веков,
О, Венера, ты всюду — и в волнах бегущих,
И в цветущих лугах и в таинственных пущах.
Под лучами светила всё дышит тобой,
Усмиряет твой лик гром и ветер любой,
Разгоняет ненастье и тёмные тучи.
Пред тобою земля расстилает пахучий
Пестротканый роскошный цветочный ковёр,
И сверкающий день услаждает твой взор.
Вновь приходит апрель как весны неизбежность,
Всем готовый дарить свою юную нежность.
И зефир на просторе гуляет опять,
И поёт увлечённо пернатая рать.
Твоему подчиняясь, богиня, веленью,
К лугу мчит через речку семейство оленье,
Рассекая поток. Всё живое вокруг
Жарким чарам твоим покоряется вдруг!
Через реки, моря, через горные кручи,
По зелёным долинам и борам дремучим
От начала времён неизменно и вновь
Всем созданьям живым ты внушаешь любовь!
О, Венера, весь мир у тебя лишь во власти,
И никто без тебя не восстанет от сна,
И в моём стихотворстве подмога одна —
Только ты, мой родник незапятнанной страсти!..{3}

Эти же самые преподаватели были крайне удивлены, обнаружив, что в выпуске от 2 января 1870 года очень популярного воскресного «Журнала для всех» опубликован ещё один образчик творчества Рембо — жалостливое стихотворение из ста четырёх строк под названием «Новогодние дары сирот». То был первый из его опубликованных оригинальных текстов на французском языке. Но учителя не знали, что их воспитанник в этот раз черпал вдохновение уже не у Сюлли Прюдома, а у Франсуа Коппе, и в некоторых местах без всякого стеснения использовал слова, выражения и обороты речи из его сборника «Современные стихи» и пьесы «Прохожий», изданных за полгода до того опять-таки Альфонсом Лемером…

Осенью очередной учебный год начался с курса риторики, а в середине января 1870 года дирекция для ведения этого курса зачислила в штат нового преподавателя. Звали его Жорж Изамбар. Родился он в декабре 1848 года в Париже. Воспитывали

его две женщины, сёстры из одной семьи в Дуэ, дружившей с его матерью, которая умерла от холеры через несколько месяцев после его рождения. Он стал четвёртым ребёнком в семье, отец их был коммивояжёром.

Получив в девятнадцатилетнем возрасте диплом по литературе, Жорж Изамбар начал свою карьеру преподавателя на севере, в Азебруке. Он был робок, по-видимому, из-за двух своих врождённых недостатков — близорукости и частичной глухоты, но поприще преподавателя его необыкновенно увлекало. Между ним и Артюром почти сразу возникли не вполне ясные для посторонних отношения, поначалу что-то вроде молчаливого взаимного понимания, вскоре переросшего в настоящую привязанность.

Подобно Полю Дюпре, Жорж Изамбар видел, что этот отличник, этот «хрупкий и застенчивый Мальчик-с-пальчик», в самом деле не такой, как все, что в нём есть нечто особенное, даже исключительное.

Со своей стороны, юный Рембо, поощряемый этим наставником, удвоил усердие и старался предъявлять ему безупречно выполненные задания. Но больше всего он мечтал о том, чтобы стать его другом.

ДОМАШНЯЯ ТИРАНИЯ

Было заметно, что, привязавшись к Жоржу Изамбару, прислушиваясь к его мнению и рекомендациям, Рембо преобразился, расцвёл. И дома с родными, и в школе с некоторыми товарищами по классу он становился всё менее отчуждённым, замкнутым и скрытным. Он уже не боялся сказать тому, кто желал его услышать, особенно своей непреклонной матери, что для него в жизни имеет значение только поэзия.

Но каких авторов надо читать в первую очередь, чтобы проникнуть в глубины столь таинственного искусства, как поэзия, в этот величественный, богатый, завораживающий и полный высоких истин мир?

Франсуа Вийон, Пьер Ронсар, Андре Шенье, Виктор Гюго, Альфред де Мюссе, Теофиль Готье, Алоизьюс Бернар, Шарль Бодлер, Теодор де Банвиль, Альбер Глатиньи… От этих славных имён кружилась голова. А были ещё новые авторы, которых он открыл в выпусках «Современного Парнаса» и стихами которых увлекался: Леконт де Лиль, Франсуа Коппе, Эммануэль Дезессар, Эрнест Д'Эрвилли, Жан Экар или самый меланхоличный и элегичный из всех Леон Дьеркс…

Изамбар в это не вмешивался. Он лишь наблюдал за тем, что именно так жадно читает его протеже из поэзии и прозы, даже если то были произведения, на его взгляд, ничего не значащие. Он был убеждён, что для всякого, кто хочет научиться писать, нет лучшей школы, чем поближе узнать гигантское пространство литературы. Артюру же было только того и надо — поглощать книгу за книгой.

Госпожа Рембо не могла не заметить серьёзного изменения в поведении сына. Она не усмотрела в нём ничего хорошего, обеспокоилась и вскоре, проведя небольшое расследование, обнаружила, что Артюр *распутничает,* наслаждаясь втихомолку чтением безнравственных книг писателей, включённых в список запрещённых авторов. В начале мая 1870 года она отправила Изамбару письмо:

«Господин Изамбар, я как нельзя более признательна вам за всё, что вы делаете для Артюра. Вы направляете его советами, даёте ему дополнительные внеклассные задания, на подобное попечение мы не имеем никакого права.

Но есть такое, чего я не могу одобрить, например, чтение книг вроде той, что вы дали ему несколько дней назад (отверженные В. Гюгота), вы должны знать лучше меня, господин профессор, что следует быть очень осторожным в выборе книг,

которые намерены предложить детям. И я думаю, что эту Артюр раздобыл без вашего ведома, было бы опасно разрешать ему подобное чтение.

Имею честь изъявить вам своё уважение,

В. Рембо»[{4}].

Тогда же в крайнем раздражении она пришла к главе коллежа с жалобой на Изамбара, и начальство попросило того как можно скорее лично с ней объясниться. Напрасно он уверял её в чистоте своих намерений, в том, что он одолжил юному Артюру не «Отверженных», а «Собор Парижской Богоматери» — чтобы подросток «познакомился с местным колоритом»[{5}] для лучшего выполнения задания по французскому. Госпожа Рембо настаивала на своих обвинениях, заявив Изамбару, что он нечестивец, который сделал её невинного мальчика соучастником своего гнусного вероотступничества.

Этот инцидент имел для госпожи Рембо неожиданные последствия: он лишь укрепил взаимную привязанность Артюра и Изамбара, который убедился в том, что его лучший ученик действительно оказался жертвой «домашней тирании»[{6}]. Рембо, со своей стороны, уже не боялся показывать ему тексты собственного сочинения и просить у него откровенного и подробного отзыва о каждом из них. Это были «Ощущение», «Credo in unam»[7], «Офелия», «Бал повешенных», «Наказание Тартюфа»… И даже «Новогодние дары сирот», стихотворение, напечатанное в «Журнале для всех», которым он гордился. Ведь это издание предоставляло свои страницы таким знаменитым авторам, как Андре Шенье, Виктор Гюго, Марселина Деборд-Вальмор и Альфред де Мюссе!

А ещё стихотворение из девяти строф «На музыке», в котором Артюр с удовольствием клеймит, сочетая меткость, проницательность, едкость и чувственность, «одышливых» обывателей Шарлевиля, которых «душит зной», «рантье с лорнетами», «тучных дам», «клубы отставных бакалейщиков», ковыряющих песок своими тростями с набалдашниками, служивых, «упивающихся рёвом тромбонов» и «заигрывающих с детьми, чтобы обольстить их нянек»… Все они собираются воскресными вечерами на Вокзальной площади вокруг павильона и «жалких лужаек». В трёх последних строфах стихотворения он вывел на сцену самого себя:

Одетый без затей, в манере школяров,
Я резвых двух девиц приметил под каштаном,
А те глазами так косят, что будь здоров:

Нескромный взгляд сквозит призывом долгожданным.
Молчу я и в упор уверенно гляжу
На блеск атласных вый, на локон шелковистый.
Корсажи распахнув, я смело обнажу
Их плечи, спины… Я в мечтах своих неистов.
Ботиночки долой, чулки скорее прочь —
Я ощущаю их тела как в лихорадке.
Шепчась, они ничем мне не спешат помочь,
Но знаю я уже, как их объятья сладки…{7}

Все эти стихотворения в той или иной мере выдают влияние Франсуа Вийона, Виктора Гюго и Теодора де Банвиля, но тон и слог их настолько индивидуальны, что ни о каком подражании не может

быть и речи. Изамбар был восхищён ими и высказал своему ученику искренние поздравления.

Получив одобрение, Рембо стал мечтать о публикации своих вещей в «Современном Парнасе». 24 мая он даже дерзнул послать по почте Банвилю, который был старше его на тридцать лет, «Офелию» и «Credo in unam», сопроводив их письмом, которое было отправлено по адресу: пассаж Шуазёль в Париже, издателю Альфонсу Лемеру с просьбой передать по назначению:

«Дорогой мэтр, сейчас на дворе месяц любви; мне почти семнадцать лет[8]. Это, как говорят, возраст надежд и химер, — и вот я, дитя, которого коснулся перст Музы, — простите за банальность, — принялся выражать словами свои помыслы, надежды, ощущения, всё, что занимает поэтов, — это я называю весной.

Если я посылаю вам некоторые из своих стихов, — через доброго издателя Альфонса Лемера, — то потому, что люблю всех поэтов, всех парнасцев, — ибо поэт, одержимый идеалом красоты, обитает на Парнасе; потому что в вас я со всем простодушием люблю потомка Ронсара, собрата наших мастеров 1830-х, истинного романтика, истинного поэта. Вот почему, — не правда ли, это глупо, но, в конце концов?..

Через два года, возможно, через год, я буду в Париже. — Anch'io[9], господа из газеты, я стану парнасцем! Я не знаю, что такое во мне… что готово подняться… — Клянусь вам, дорогой мэтр, что буду всегда поклоняться двум богиням — Музе и Свободе.

Не слишком хмурьтесь, читая эти стихи:

…Я был бы без ума от счастья и надежды, если бы вы пожелали, дорогой мэтр, содействовать тому, чтобы моё “Credo in

unam” заняло местечко среди созданий парнасцев.

…Появись я в последнем выпуске “Парнаса”, это стало бы Credo поэтов!.. О, глупое честолюбие!

Артюр Рембо»[{8}].

Это послание с двумя приложенными к нему стихотворениями он завершил таким постскриптумом:

«Если бы эти стихи появились в “Современном Парнасе”!

— разве не выражена в них вера поэтов?

— я неизвестен: какое это имеет значение? Все поэты — братья.

Эти стихи верят, любят, надеются — этим всё сказано.

— Дорогой мэтр, поддержите меня, я юн, протяните мне руку…»[{9}]

Хотя два стихотворения, предложенные Банвилю, не попали на страницы «Современного Парнаса», а сам «мэтр» Артюру не ответил, у того руки не опустились, и он ещё больше сблизился с Изамбаром. Он даже готов был последовать примеру преподавателя, который после объявления 19 июля 1870 года войны против Пруссии[10] в порыве патриотизма пожелал вступить в армию Наполеона III.

Изамбара не мобилизовали из-за плохого зрения и слуха, и он решил провести свой отпуск в Дуэ, в своей приёмной семье Жендр, где воспитывался с шестимесячного возраста. Он оставил Артюру ключи от своей маленькой квартирки на Аллеях, одной из красивых буржуазных улиц Шарлевиля, сказав, что он сможет там «запереться с книгами — порядочными книгами — всякий раз, когда у него будет лежать к тому душа»[{10}].

Когда наставник уехал, Рембо сразу почувствовал себя одиноким, опустошённым, потерявшим ориентиры, словно его бросили на краю бездны. Он мог общаться со своим товарищем Эрнестом Делаэ, но этого ему уже было недостаточно.

Самое ужасное, что как раз в те часы, когда Артюр находился в тесной квартире, где последние восемь месяцев обитал Изамбар, несмотря на книги, которые были у него там под рукой и служили ему «спасательными досками», он чувствовал себя несчастным. Без всякого разбора он читал всё, что попадало под руку: «Индеец Касталь» капитана Майн Рида, роман «Туника Несса» плодовитого и затейливого Амеде Ашара, впервые опубликованный в 1855-м и переизданный в 1868 году, «Собирательницы колосьев» Поля Демени, одного из друзей Изамбара, третий поэтический сборник Сюлли Прюдома под названием «Испытания», «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса в переводе Луи Виардо и с иллюстрациями Гюстава Доре… А ещё

«Дьявол в Париже: Париж и парижане пером и карандашом» — коллективный сборник, составленный из текстов нескольких наиболее крупных французских писателей-романтиков (Жорж Санд, Бальзак, Мюссе, Нерваль) и множества рисунков (в том числе Гранвиля и Гаварни). Если Гравюры Гюстава Доре Артюр оценил по достоинству, то работы Гранвиля нашёл идиотскими.

Дни проходили за днями, а ему всё сильнее хотелось бежать из того мира, что его окружал, — из города, который был ему ненавистен, по улицам которого перемещались люди, для него непереносимые: «две или три сотни служивых, это благодушное население жестикулирует, самым осмотрительным образом задирается — совсем не так, как те, что осаждены в Меце и Страсбурге», «отставные бакалейщики, облачающие животы в униформу», «нотариусы, стекольщики, сборщики налогов, столяры, с ружьями, болтающимися на животе, занимаются патрулитизмом у городских ворот Мезьера», эта «встающая родина», а он бы предпочёл, чтобы «она сидела на месте», исходя из принципа, согласно которому не следует «шевелить сапогами»{11}.

Обо всех этих «ужасах» он говорил в длинном письме Изамбару, которое написал 25 августа и к которому приложил стихотворение из двадцати восьми четверостиший «Что удерживает Нину»[11], сочинённое за несколько дней до этого в шутливой (фальшиво и недобро шутливой) манере Глатиньи — автора поэтического сборника «Золотые стрелы», вышедшего в 1864 году. А в это время все жители Шарлевиля находились в тревожном ожидании, до города дошли слухи о том, что в Бульзикур, всего в каких-нибудь десяти километрах, уже вступили прусские солдаты.

Не было ли это у него своего рода попыткой изгнания бесов? Или вызовом?

Семнадцать лет! Души паренье!
Любви страда!
Над лугом — благорастворенье!
— Пойдём туда!..
В обнимку мы пойдём с тобою
Послушать плеск
Ручья в яру, потом — тропою,
Ведущей в лес.
Зардевшись, голову стыдливо
К плечу клоня,
Ты спросишь вдруг: —
А вы могли бы

Нести меня?..
Я понесу тебя с опушки
Под сень ветвей,
Где голос подают кукушки
И соловей…
Шептать слова ты будешь рада
Уста в уста.
Прижму тебя к груди как чадо…
О, как чиста
Под нежной кожей змейка-вена
За ушком здесь!..
Как ты наивно-откровенна,
А я — твой весь…
Движеньем соков дышит чаща,
Лучей поток
На зелень крон струит тончайший
Златой песок[12].

В этом же письме от 25 августа, на конверте которого написал «Очень спешно», Артюр жаловался на то, что чувствует себя «сбитым с толку, больным, свирепым, глупым, расстроенным», а ведь он мечтал о «солнечных ваннах, бесконечных прогулках, отдыхе, путешествиях, приключениях, цыганщине»… Вместо всего этого ему приходилось довольствоваться сведениями из «почтенного» «Арденнского курьера» — газеты, которая «выражает чаяния, пожелания мнения населения»[13]. Её владельцем, главным редактором и единственным редактором был один и тот же человек.

В конце письма Артюр с восторгом отозвался о двух стихотворных сборниках, которые, вероятно, попались ему на глаза случайно. То были «Галантные празднества» Поля Верлена, которые он нашёл «довольно странными, очень забавными», и «Добрая песня» — «небольшой томик стихов того же поэта», изданный — эта марка никогда не обманет — Альфонсом Лемером. Что касается второй книги, то он сообщил, что ещё не читал её. В Шарлевиле, по его мнению, «ничто» не происходит, Париж «потихоньку» смеётся над его родным городом, «самым идиотским среди небольших провинциальных городов».

ЦЫГАНЩИНА

Через четыре дня после того, как Артюр отправил письмо Жоржу Изамбару, он воспользовался тем, что мать была сильно занята его сёстрами, и под выдуманным предлогом ушёл из дома (с недавнего времени они жили в доме номер 5 на набережной Мадлен, напротив павильона Старая Мельница) и спешно добрался до городского вокзала.

Там при его ловкости ему не составило труда увернуться от всех контролёров. Движение поездов в сторону столицы было прервано из-за военных действий, и он сел в поезд, который шёл на Вирё, а оттуда в направлении Антр — Самбра — Маас, потом пересел на поезд до Шарлеруа в Бельгии. Там, в столице каменноугольного бассейна, он проник на третий поезд, шедший в направлении Эркелин — Лан — Суассон — Виллер-Котре — Париж.

Что это было — безрассудство? Не совсем. Конечно, ему приходилось терпеть тягостную домашнюю тиранию, душную атмосферу старинного арденнского города, но к бегству его толкнуло и другое, чрезвычайное, неодолимое побуждение, которое тлело в нём в течение долгих месяцев. Он ведь так и написал своему обожаемому наставнику, что мечтает о «цыганщине»{14}.

Помимо этого, он всё время думал о том, что, попав в Париж, он окажется в городе всех корифеев поэзии, всех писателей, которые были предметом его страстного увлечения. Почему бы ему не отправиться в пассаж Шуазёль, туда, где сидит в своём небольшом кабинете Альфонс Лемер и издаёт «Современный Парнас»? Почему не зайти в редакцию какой-нибудь газеты и не предложить свои услуги?

В отсеке вагона, битком набитом солдатами, большинство которых ехало из Седана, Рембо думал именно об этом — о своём будущем, о свободе. Он уже представлял себя рядом с Теодором де Банвилем, который обстоятельно, как в беседе со старым приятелем, попутчиком в долгой дороге, рассказывает ему о своём последнем поэтическом сборнике, опубликованном Альфонсом Лемером, — о «Лирических этюдах, новых канатоходческих одах». Или рядом с загадочным, странным Полем Верленом, чья воздушная, музыкальная поэзия его очаровывала…

Когда после более чем десятичасового пути Рембо прибыл в Париж, дела пошли совсем не так, как он ожидал. Железнодорожные контролёры, которым он не смог предъявить

ни билета, ни денег, решили, что он нарушитель правил, если не дезертир: несмотря на его юный облик, в действительности он мог быть старше, чем казался. Такое бывало нередко.

Без лишней волокиты его отправили в карете для перевозки заключённых в арестный дом Мазас. Это заведение, расположенное на бульваре того же имени под номером 23, существовало с 1850 года. В него помещали лиц, на которых выписывались повестки о приводе в суд, а также осуждённых на короткие сроки заключения, преимущественно тех, кто должен был отбывать их в одиночной камере. Всего в трёх основных корпусах четырёхэтажного здания насчитывалось 1200 камер.

Едва Рембо там оказался, его подвергли допросу. Кто он такой? Сколько ему лет? Не был ли он мобилизован для отправки в Седан, и если был, то в какой полк? Каким образом он предполагает оплатить свою тайную поездку, которая обойдётся ему в тринадцать франков?

Артюр отвечал уклончиво и невнятно. Порой он походил на зверя, которого обложили гончие, иногда держался высокомерно и презрительно. А такое поведение арестованного считалось в Мазасе при любых обстоятельствах недопустимым. И Рембо тут же поместили в карцер.

Там он почти сразу сочинил патриотический сонет без названия в духе «Возмездий» Виктора Гюго:

> Девяносто второго и третьего лики[12],
> Те, кого осенило свободы крыло,
> Те, что сбросить стремились с упорством великим
> Иго тяжкое, гнёта вселенского зло,
> Обрекая себя на лишенья, невзгоды,
> Вы в жестоких боях надрывали сердца,
> О, герои, ушедшие в землю, чтоб всходы
> Вашей доблести впредь поднимали борца!
> Вашей кровью омыто величье отчизны.
> Под Вальми, под Флерюсом[13] отдавшие жизни,
> Повторили вы жертвенный подвиг Христа.
> Вы покоитесь там все как республиканцы,
> Нас впрягли здесь в ярмо короли-самозванцы:
> Касаньяки[14] припомнили вас неспроста!{15}

Поупрямившись несколько дней, 5 сентября Рембо решил обратиться к единственному человеку, которому полностью доверял, — Жоржу Изамбару. Он послал ему письмо с просьбой срочно вмешаться и выручить его: поговорить за него с прокурором, оплатить его долг, забрать его из Мазаса и написать

его «бедной» матери, которая уже пять дней не знает, где он и что с ним, и, вероятно, до смерти встревожена. Свою просьбу о помощи он заключил уверением, что любит его «как брата» и будет любить «как отца»{16}.

Растроганный Изамбар поспешил послать Артюру деньги и необходимые рекомендации. Два дня спустя он в сопровождении своего друга, двадцатишестилетнего поэта Поля Демени (автора «Собирательниц колосьев» и одноактной комедии «Стрела Дианы», изданных «Художественной библиотекой» на улице Бонапарта в Париже, директором которой был друг его семьи), приехал встречать Артюра на вокзал в Дуэ.

При встрече учитель и ученик избегали касаться неприятных тем. Хотя Рембо выглядел несколько виноватым, он был рад снова увидеть своего наставника. Он был счастлив оттого, что может пойти к нему в гости в приятный трёхэтажный дом на улице Аббе-де-Пре да ещё познакомиться с Полем Демени, которому уже посчастливилось быть изданным и в Дуэ, где он родился и пользовался завидной репутацией.

Артюр рассказал им, что в Париже ничего не видел кроме нескольких мелькнувших фигур, замеченных сквозь решётку арестантской кареты и узкое окно камеры. Он даже не имел возможности приветствовать 4 сентября провозглашение Третьей республики! Но, к счастью, добавил он, у него была возможность записать кое-какие тексты на клочках бумаги, которые он тут же извлёк из кармана. Он признался, что из восьми четверостиший стихотворения, названного им «Роман», первые два могут считаться чем-то вроде авторской исповеди:

> Ну как серьёзным стать к семнадцати годам!
> Погожий вечер, вкус вина и лимонада,
> Огни и шум кафе, улыбки бойких дам!
> Под сень цветущих лип уединиться надо.
> Июньской ночи дух в аллеи нас увлёк,
> Там меньше суеты, там радости иные.
> Доносит ветер шум — ведь город недалёк —
> И аромат лозы, и запахи пивные…{17}

После этого Рембо, Изамбар и Демени в течение нескольких дней мирно беседовали о поэзии — так, будто вокруг ничего особенного не происходило, будто французская армия после капитуляции под Седаном не обратилась в бегство, а Париж не был осаждён пруссаками. Артюр нередко часами оставался в комнате, которую предоставили в его распоряжение, и занимался там либо чтением (в частности, «Опытов» Монтеня), либо

записывал или правил свои стихотворения.

Это продолжалось до тех пор, пока Изамбар не спохватился, что Артюру всего шестнадцать лет и он всё ещё, невзирая на Франко-прусскую войну, по закону находится под опекой своей матери.

Обменявшись с ней несколькими осторожными письмами, Изамбар к концу месяца решил лично доставить своего протеже в Шарлевиль через территорию Бельгии.

На перроне вокзала госпожа Рембо встречала их одна. Она была бледна, под глазами пролегли глубокие складки. Когда она увидела сына выходящим из вагона, ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы не выдать своих чувств. Она смерила взглядом Изамбара с головы до ног и вновь обвинила его в том, что он испортил её несчастного мальчика, подбил его к бегству из дома. Затем «с очень кислым видом»{18} повернулась к Артюру и, влепив ему пощёчину, пообещала обращаться с ним так и впредь, а также ужесточить режим, если у него когда-нибудь появится дурацкое желание повторить свою затею…

Но не прошло и десяти дней, как Артюр именно так и поступил, тем самым бросив матери дерзкий вызов.

В этот раз, прежде чем улизнуть, он заблаговременно продал в магазин Проспера Летелье некоторые из своих книг, и у него появились деньги на дорогу. Он купил билет в город Фюме, к северу от Шарлевиля, на берегу Мааса, где навестил одного из своих бывших товарищей по коллежу, как и он, начинающего поэта Леона Бийюара, у которого поужинал и переночевал.

На следующий день, взяв в дорогу кое-какую еду, он продолжил пешком свою авантюрную экспедицию, шагая по дорогам и тропам Арденн. Так он дошёл до Вирё, оттуда отправился в Обрив, а к вечеру достиг Живе, где сразу же пошёл к казарме Гран Картье, над которой возвышается величавая цитадель Шарлемон. Приятель Бийюар сказал ему, что там служит один из его двоюродных братьев, сержант мобильной гвардии, который, возможно, устроит ему ночлег. Хотя этого сержанта на месте не оказалось, ночь Артюр провёл в казарме. На другой день он пересёк бельгийскую границу и сел на поезд в направлении Шарлеруа.

По пути, в вагоне Рембо сочинил изящное стихотворение, которое назвал «Зимней грёзой»:

Зимой уедем мы в вагоне цвета розы
В сиреневом купе,
Где явью оживут изысканные грёзы
На мягком канапе.

Закроешь ты глаза, чтоб в зеркало не видеть
Пугающих гримас
Полуночных теней в бесовской, волчьей свите,
Кружащей возле нас.
Потом ты ощутишь щекой прикосновенье —
Как будто паучок, промчит в одно мгновенье
Мой лёгкий поцелуй…
«Поймай его!» — воскликнешь ты, склонив головку,
И станем мы за ним охотиться неловко:
— Букашка, не балуй![19]

В Шарлеруа он ехал не по случайному капризу, а потому что отец другого его товарища по лицею, Жюля Дезессара, был владельцем еженедельной газеты «Журналь де Шарлеруа», самого влиятельного в городе периодического издания. Артюр мечтал стать его сотрудником, больше того — журналистом.

Жюль Дезессар, хотя и был немало удивлён приездом Рембо, представил его своему отцу Ксавье Дезессару, французу, эмигрировавшему в Бельгию ещё в 1827 году, человеку крайне самоуверенному и державшемуся ретроградных понятий, но «не лишённому сердечности»[20].

Во время одного из обедов, на котором присутствовали все трое, Артюр поначалу оживлённо говорил о литературе, а потом почти без всякого перехода пустился в гневные и оскорбительные обличения французских политиков, которых называл грубыми мужланами, хвастунами, насекомыми! Это сильно не понравилось Ксавье Дезессару. Артюр, не подозревая об этом, на другой день побежал представляться в редакцию газеты, располагавшуюся в доме номер 20 по улице Коллеж, рядом с Таверной Кольца, где в промежутке между двумя выпусками газеты собирались журналисты. В редакции ему сказали, что в новых сотрудниках не нуждаются, и вежливо распрощались.

Эта неудача сбила Артюра с толку. Весь день и часть ночи он бродил по городу, а потом проспал несколько часов под открытым небом на крутом берегу Самбры. Рано утром он зашёл в кабаре, которое в Шарлеруа трудно не заметить, — в «Зелёное кабаре», называемое также «Зелёным домом», что на Вокзальной площади. Назвали его так потому, что фасад здания, как и его интерьеры, мебель, стены, был зелёного цвета.

За восемь дней пути разбив до дыр ботинки
Щебёнками дорог, вошёл я в Шарлеруа.
В «Зелёном кабаре» я заказал тартинки
С печёной ветчиной: желудку дань сперва.

Удобно вытянув натруженные ноги
Под столиком в углу, я изучал смешной
Узор зелёных стен и вдруг позднее многих
Заметил, что стоит как раз передо мной
Девица с блюдом, а сказать по правде, чудо:
Лукавые глаза и груди в четверть пуда —
К такой не трудно сразу подобрать ключи!..
Душистой ветчины ломоть я ел степенно,
А в толстой пинте пива золотили пену
Последние уже закатные лучи{21}.

А что если ему попытать счастья в Брюсселе?

Оставшись без гроша в кармане, он был вынужден пройти пешком 60 километров, которые отделяли Шарлеруа от столицы королевства. Войдя в город, он сразу же направился на улицу Волчий Капкан, недалеко от Новой улицы и площади Монеты, к одному из родственников Изамбара, Полю Дюрану, который любезно согласился принять его в своём доме, где жил с матерью и старшим братом. Артюр провёл у них два дня. Гостеприимный хозяин дал ему в дорогу свежее бельё, чистую одежду и хорошие походные ботинки.

Восстановив силы и получив немного денег, Артюр прошёлся по новым бульварам в центре города в поисках какой-нибудь редакции газеты, где, как он полагал, ему могли бы предложить работу. Но очень скоро он отказался от этой затеи и решил вернуться во Францию.

Ему надо было вновь увидеть Изамбара, которого считал своим другом, братом и духовным отцом.

Больше чем когда-либо прежде он был убеждён, что его преподаватель риторики был единственным в мире человеком, способным поддержать его драгоценными советами. Он намерен был строго им следовать.

Он дошёл до Южного вокзала на площади Конституции и на остаток денег, полученных от Поля Дюрана, купил билет на Дуэ.

В СЕРОЙ ГАММЕ

Одетого Полем Дюраном во всё новое с иголочки Артюра (модный пристёгивающийся воротничок, шёлковый галстук тёмно-красного цвета с отливом), когда он предстал в Дуэ на улице Аббе-де-Пре перед своим бывшим преподавателем риторики, можно было принять за какого-нибудь денди.

Встретили его три сестры Жендр — Каролина, Анриетга и Изабель — тридцати девяти, сорока четырёх и сорока семи лет соответственно. Они объявили ему, что Жорж Изамбар направился в Шарлевиль и что он разыскивает его уже целую неделю. Артюр заверил их, что это неважно, он его подождёт. И тут же самоуверенно попросил пока приютить его. Немного погодя потребовал чернил и школьной бумаги, чтобы записать стихи, которые сочинил за прошедшие две недели в Арденнах, в Шарлеруа и Брюсселе. Писал он аккуратно до педантизма, не допуская ни малейшего пятнышка, ни единой ошибки или помарки.

Помимо «Зелёного кабаре» и «Зимней грёзы» он занялся отделкой «Проказницы», «Блестящей победы при Саарбрюкене» (стихотворение, написанное под впечатлением от бельгийской «роскошно раскрашенной гравюры, продаваемой в Брюсселе за 35 сантимов»), «Буфета» и «Моей цыганщины» — сонета, заключающего в себе нечто вроде интимной исповеди и передающего настроение бродяжничества:

Шёл я, руки засунув в худые карманы
Сюртука, что от ветра уже не спасал,
Шёл под звёздами, Муза, твой верный вассал,
И спешили за мной грёз моих караваны.
В старых брюках бессменных со свежей дырой
Мальчик-с-пальчик шагал, рифмы перебирая.
Ковш Медведицы в этом просторе без края
Был приютом мне. Тихо шуршал звёздный рой.
Отдыхал я в траве у дорожных обочин,
И роса в те сентябрьские тёплые ночи
Увлажняла мне лоб как живая вода.
Или, строки рифмуя, не ведая скуки,
Как из струн, извлекал я звенящие звуки
Из резинок своих башмаков иногда{22}.

Вернувшийся вскоре Изамбар, увидев Артюра живым и

здоровым, одновременно и удивился, и испытал облегчение, но при этом был крайне недоволен его поведением, за которое сделал ему выговор. Эта история была ему тем более неприятна, что сам он натерпелся от госпожи Рембо, которая продолжала твёрдо верить в то, что оба они одного поля ягоды. Теперь она потребовала, чтобы её «плутишка», как называла сына в письмах, был передан жандармам и доставлен под конвоем в Шарлевиль! Она считала, что без этого никак не обойтись. В итоге Изамбар с ней согласился. В сущности, он сам был не прочь оказаться подальше от выходок этого непоседливого ученика.

Доставленный в Шарлевиль под надёжной охраной, Артюр скрепя сердце вынужден был воссоединиться с семьёй. Он догадывался, что его ждут суровые и скучные будни, что жизнь под присмотром матери станет для него непрерывным испытанием. Госпожа Рембо и без того была в скверном настроении, так как не получала известий от своего старшего сына Фредерика, который, по примеру отца, выбрал опасную профессию военного. Соседи доложили ей, что полк, к которому он был приписан, якобы отбыл в Лотарингию или в Эльзас.

Артюра немного утешала дружба с Эрнестом Делаэ. При всякой возможности он обычно шёл к нему в Мезьер, или они уходили вдвоём в Лес Любви, где росли старые липы. А в это самое время город был в смятении, на всех перекрёстках возводили баррикады и укрепления. Друзья говорили о войне, о поражениях французской армии под Седаном и Мецом, о бомбах, ядрах и снарядах, которые, по слухам, непрерывно носились над Страсбуром, об осаде Парижа, тревожные отзвуки которой доходили до Арденн в самом отрывочном виде.

Они полагали, что парижане не смогут отступать дальше Булонского и Медонского лесов, дальше Сен-Клу, Версаля, Венсена, Виль-д-Эвре, Шарантона и берегов Марны. Внутри городских стен дворцовые парки якобы уже превращены в военные лагеря и артиллерийские позиции, а на Марсовом поле протянулись «длинные ряды дощатых бараков для размещения солдат»{23}. Бараки выстроены и за хорами собора Парижской Богоматери.

В конце октября Рембо и Делаэ вошли в контакт с сотрудниками редакции новой республиканской («политической, литературной, сельскохозяйственной и промышленной») газеты «Прогресс Арденн», которая намеревалась составить конкуренцию слишком консервативному «Арденнскому курьеру», основанному в 1833 году. Приятели изъявили готовность предложить редакции нового издания свои услуги. Его основатель Эмиль Жакоби, человек радикальных взглядов, уроженец департамента Жер, был

знаменитостью Шарлевиля. Он опубликовал трактат по математике и владел фотоателье с большой клиентурой. Как раз в этом ателье Артюр и его брат Фредерик вдвоём фотографировались в день их первого причастия.

Жакоби сердечно принял Рембо и Делаэ, дал им понять, что он призовёт их, если когда-нибудь его газета получит широкий круг читателей. Всё, дескать, будет зависеть от политической ситуации… Пока же он расположен напечатать «Спящего в долине», *сельский* сонет, в котором Артюр описывает лежащего в траве молодого солдата, и содержание которого ему представляется в данное время актуальным:

> На поляну речушка, журча хлопотливо,
> Мечет отблески, словно куски серебра.
> Вся долина лучами кипит от разлива
> Моря света. Вдали лиловеет гора.
> Навзничь лёжа, затылком в прибрежной осоке,
> Молодой бледноликий, усталый солдат
> Спит недвижимо под небосводом высоким,
> Облака на него равнодушно глядят.
> Там лежит он, во сне улыбаясь уныло,
> Как больное дитя. Его тело остыло.
> Мать Природа, согрей, убаюкай его!
> Ароматы цветов не дразнят его нюха,
> Спит он, руки сложив, а у правого уха —
> Два отверстия круглых в полногтя всего[{24}].

Обстановка в департаменте оставалась тревожной, и сильные холода, установившиеся с началом зимы, положения не улучшили. 2 ноября Артюр в письме Изамбару жаловался на свою пассивность и бездеятельность и называл себя существом «без сердца»:

«<…> Я умираю, разлагаюсь в нелепости, никчёмности существования. Что поделать, я чудовищно упорствую в поклонении вольной воле и многому такому, что “вызывает сожаление”, не так ли! — И вот, я остался! Я остался! — много раз мне хотелось снова уйти. — Шляпу, плащ, руки в карманы и — в дорогу! Но я останусь, я останусь. Я этого не обещал. Но я поступлю так, чтобы заслужить ваше доверие — так вы мне сказали. И я его заслужу. Я не могу сейчас сильнее, чем прошлый раз, выразить признательность, которую к вам испытываю. Я вам это докажу. Если потребуется что-то сделать для вас, я умру ради этого — даю вам слово — мне ещё есть много чего сказать вам…»[{25}]

Ниже подписи он сделал приписку:

«Война: — Мезьер не осаждают. Когда начнётся? Об этом ничего не известно — <…> То здесь, то там — вольные стрелки — отвратительная чесотка идиотизма, таков дух населения. То ли ещё будет. Это развращает»[26].

Что ещё утешало Артюра, так это муниципальная библиотека Шарлевиля. Он туда часто наведывался и просил у старого библиотекаря Жана Батиста Юбера, человека раздражительного и непредсказуемого, книги, которых не нашёл в квартире Изамбара или за неимением денег не смог купить в магазине Проспера Летелье. Он внимательно вчитывался в тексты Жана Жака Руссо, Гельвеция, Гольбаха, Прудона, словом, бунтовщиков, строптивцев, на стоящих *вольных стрелков,* восставших против религии, общепринятой морали, воспитания, властей, денег…

В тишине читального зала, где никогда не было много посетителей, он и сочинял — по большей части стихотворения, выражавшие болезненную горечь бытия, тревоги, неутолённые эротические фантазии, пароксизмы гнева и ненависти. Одни из них были написаны под более или менее определённым влиянием парнасцев («Голова фавна»), другие — вполне самобытны с присущими только автору словами, выражениями, метафорами, неологизмами, находками, такими, например, как «шаровидные пальцы», «темя, прикрытое сварливыми волнами», «яркое солнце придавало коже атласный блеск», «гроздья миндалин», «чернильные цветы, плюющиеся запятыми пыльцы», «чаши на корточках». Были ещё черновики, наброски, которые он выбрасывал, добиваясь безупречности своих рукописей.

Тридцатого декабря 1870 года немцы начали бомбардировать Мезьер. Город со своими высокими серыми стенами и грозными выступами цитадели превратился в укреплённый лагерь, из которого было невозможно выйти. Непрерывно шёл снег, и картина была феерическая. Всполохи огня смешивались с битым кирпичом, землёй, и невозможно было понять, что же падает с неба.

До дома на набережной Мадлен в Шарлевиле, где мать заперла Артюра с сёстрами, доносились грохот пушек и разрывы снарядов. Все мысли Артюра были об Эрнесте Делаэ: где он теперь укрывается? Можно не сомневаться, думал он, что сидит в подвале родительского дома и дрожит там от холода и страха. Этот жуткий оглушительный кошмар продолжался час за часом. Наконец к утру Мезьер, искромсанный тысячами снарядов, капитулировал.

Вслед за этим немецкие войска начали занимать город. Ближе к полуночи под барабанный бой они выстроились на

Герцогской площади. Для Рембо это значило «поражение, зачеркнувшее будущее»[27]. Иллюзии по поводу жизни и человеческой натуры были окончательно развеяны. Он видел смерть, он ощущал её омерзительный резкий запах и стряхивал его со своей кожы, с рук, будто боялся, что он проникнет в него и завладеет всем его существом.

Везде вокруг были следы, оставленные этой войной, истинного смысла и политических причин которой Артюр понять не мог.

От дома семьи Делаэ остались одни руины, но, к счастью, Эрнест и его семья были живы и здоровы. В помещениях конного завода в Мезьере разместили лазарет, который заполнился отчаявшимися беднягами с угрюмыми лицами — солдатами, пережившими бойню, ранеными, искалеченными, безногими, неимущими больными.

Несколько дней спустя стало известно, что и Париж подвергся артиллерийскому обстрелу, жертвами которого стали шестьсот человек. Эта новость привела Артюра в ещё большее уныние.

Вскоре он стал думать только об этом.

А что, если, несмотря на все эти трагические события, опять уехать в Париж? Не подоспело ли время показать свои стихотворения известным писателям, предложить их издателям, например редакции «Художественной библиотеки», где Поль Демени уже опубликовал две свои книги?

Двадцать пятого февраля 1871 года Рембо поездом уехал в столицу, имея на руках полноценный билет, купленный на деньги, которые выручил у одного часовщика за свои часы. И хотя он после истории в Дуэ обещал Изамбару, чтобы заслужить его доверие, никогда не покидать дом без ведома матери, — ну и пусть!

Война закончилась, но Париж был обескровлен, истощён лишениями осадных дней. Измученные голодом парижане дошли до того, что стали употреблять в пищу животных зоосада, и в меню ресторанов появились диковинные блюда: котлеты из мяса тигра, медвежий окорок, бизоновый горб, спина кенгуру, жаркое из тукана, печень страуса, мясо крокодила под маринадом и т. п.

Повсюду чувствовалось отчаяние, но Артюр старался его не замечать. К тому же до него никому не было дела. В «Художественной библиотеке» его и слушать не захотели, хотя он сослался на рекомендацию Поля Демени. Тогда он отправился в пассаж Шуазёль в надежде встретить Альфонса Лемера, но его там не приняли. Он обошёл книжный магазин Лемера, осмотрел последние новинки, относящиеся к недавним событиям: «Письмо

бретонского национального гвардейца» Франсуа Коппе, «Освящение Парижа» и «Вечер битвы» Леконта де Лиля, «Ярость вольного стрелка» Катюля Мендеса, «Нашествие» Андре Тёрье, «Военные стихи» Эмиля Бержера, зятя Теофиля Готье.

Что касается «Военных стихов», то, пробежав глазами несколько строк, Рембо решил, что мог бы лучше выразить бедствия и катастрофы, вызванные войной. Потом он бросил взгляд на последние выпуски «Современного Парнаса» и «Затмения». На обложке «Затмения» была помещена карикатура в красках работы Андре Жиля.

Этот карикатурист, которому в то время было тридцать лет, дебютировал в феврале 1866 года в другом сатирическом еженедельнике «Луна» (адрес: дом 333, Млечный Путь, вход со двора!). Артюр открыл его для себя в книжном магазине Проспера Летелье и был в восторге от его шаржей на видных деятелей Второй империи — Виктора Гюго, Виктюриена Сарду, Леона Гамбетту, Александра Дюма-сына, Гюстава Курбе, Жака Оффенбаха. Композитор был представлен оседлавшим скрипку и отбивающим такт, вслед за ним вихрем неслись персонажи его оперетт. А фотограф Надар был изображён взбирающимся на свой воздушный шар «Гигант».

Артюр спросил у одного из сотрудников редакции Альфонса Лемера, не знает ли случайно он или кто-нибудь из его коллег адреса Андре Жиля.

«Кто же его не знает!» — ответил тот.

Андре Жиль, гордившийся своими успехами в печати, был человеком приветливым и беззаботным и, дебютировав в «Луне», завёл превосходную привычку держать двери своей квартиры на бульваре д'Анферо открытыми для всех желающих. Рембо тут же устремился к рисовальщику и в искренних словах выразил ему своё восхищение. К этому он не забыл присовокупить, что у него в Париже нет ни родственников, ни друзей, а средства самые скудные. Получив от художника немного денег, он смог прокормиться в течение нескольких дней. Зато он не истратил ни единого су на гостиницу, предпочитая ночевать под мостами или в барках для перевозки угля, пришвартованных у берега Сены.

Днём Артюр прогуливался по набережным, подолгу задерживаясь у развалов букинистов. Он с ними разговаривал, задавал множество вопросов. Что люди читают? Какие поэты сейчас популярны?

Это продолжалось около двух недель.

Десятого марта грязный, запущенный, без единого су в кармане он покинул парижские предместья и пешком вернулся в Шарлевиль.

БЕСПУТСТВО

Увидев своего давно не мытого, дурно пахнущего сына с волосами, отросшими до плеч, госпожа Рембо потеряла дар речи и застыла в оцепенении. Она хотела опять отхлестать его по щекам, отругать, закричать о том, что ей довелось испытать за время, пока он бродил бог знает где и бог знает с кем, но не смогла. Дело кончилось тем, что она посоветовала ему помыться и сменить одежду. А потом заперлась в спальне, чтобы собраться с мыслями.

Тем же вечером она убеждала сына в том, что теперь, когда война закончилась и с 15 апреля вновь открылись учебные заведения, ему обязательно надо продолжить учёбу. Он возражал, повторяя, что у него много планов и никакая школа ему ничего уже больше не даст. А дней через десять объявил ей, правда, будучи сам в этом не вполне уверен, что вскоре Эмиль Жакоби примет его на службу в газету «Прогресс Арденн», выход которой был прерван в конце 1870 года. Он уже видел себя сотрудником этой газеты, воображал, как участвует там в разговорах о Коммуне, провозглашённой в Париже 28 марта 1871 года[15], что сильно его взволновало. Ведь провозглашённые коммуной лозунги, ветер свободы, ею разбуженный, высокие идеалы, которые она отстаивала, причудливая смесь утопии в духе Шарля Фурье с материализмом, социализмом, гуманизмом и примитивным мессианством, деятельность Центрального комитета, состоявшего из рабочих, — всё это было близко собственным чаяниям Рембо и его взглядам на проблемы французского общества. К тому же он хотел бы быть среди коммунаров, участвовать в их спорах, заявлять вместе с ними, что порядок в стране наконец установлен и что, избавившись от тёмных сил, Франция встала на путь прогресса, равенства — простого и окончательного — и братства.

Коммуна вызвала в нём такой восторг, что он посвятил ей эмоциональное стихотворение, которому дал самое недвусмысленное название: «Боевая песня парижан».

Весна! Пикар и Тьер[16] уже
Из зеленеющих угодий
Быстрей стремительных стрижей
Летят как должно по погоде.
О, майский голожопый рейд!
Баньё и Севр, Аньер-на-Сене,
Любуйтесь на богатырей

С их бравой выправкой весенней!
Фуражки, сабли и тамтам —
Да, тут не детские игрушки!
А по багровым водам к нам
Плывут челны, нацелив пушки!
Какой устроим мы кутёж,
Когда увидим и услышим
Зарю кровавую и дождь
Камней, крушащих наши крыши!
Войдя во вкус, Пикар и Тьер
Такие пишут маслом виды,
Что сам Коро[17] им не пример, —
Коль напрямик и без обиды…
А в заведении «Гран Трюк»[18]
Они клиенты-старожилы!..
Вот Фавра[19] без пальто и брюк
Между камелий уложили!
Всё в городе накалено,
Наперекор всем залпам вашим,
Решили мы уже давно,
В какое место вас уважим…
Селяне бедные, что спину
Упорно гнут себе в полях,
Услышав треск багровый, скинут
С усталых плеч привычный страх{28}.

Первые две недели апреля 1871 года были одними из самых радостных в юные годы Рембо. Ему ещё не исполнилось семнадцати лет, а он был принят секретарём в редакцию «Прогресса Арденн», пусть его обязанности и ограничивались разборкой поступавшей корреспонденции. Тем не менее он надеялся, что рано или поздно увидит в колонках газеты некоторые из своих стихотворений и небольших статей, которые хотел бы в насмешку подписывать псевдонимом Жан Бодри, как звали персонажа, созданного в 1863 году популярным в Париже драматургом и журналистом Огюстом Вакери.

По должности Рембо мог, по крайней мере, близко общаться с журналистами. В их компании он стал посещать кофейни под красивыми аркадами Герцогской площади, построенными ещё при основании города, в 1606 году. Обычно там велись горячие, острые споры. Иногда в них вступали со своими соображениями посетители пассажа, например эксцентричный Поль Огюст Бретань, он же Шарль Бретань, с которым Артюра за несколько

месяцев до того познакомил Жорж Изамбар.

Шарль Бретань был главной фигурой среди завсегдатаев кафе «Дютерм». Родился он в Вузьере в 1837 году, а в Шарлевиле работал на сахарном заводе «Пети Буа» советником второго класса по косвенным налогам (отец же его когда-то был крупным чиновником, занимавшимся прямыми налогами).

С чёрной бородой, толстыми щеками, большим животом, горящими глазами и громоподобным голосом, он был чем-то вроде местной достопримечательности. Близкие называли его папашей Бретань. «Отпетый якобинец и свирепый антиклерикал»[{29}], меломан, любитель камерной музыки, увлекавшийся оккультными науками и магией, в глазах шарлевильской буржуазии он был личностью, общения с которой следует избегать. Бретань любил Артюра, называл его «чудесным ребёнком», давал ему книги и советовал, что стоит читать, познакомился с большинством его стихотворений и одобрил их.

Увы, не прошло и недели с начала работы Артюра у Эмиля Жакоби, как стало известно, что префект Арденн запретил дальнейший выпуск чересчур социалистического «Прогресса Арденн», полагая, что симпатии этой газеты к Коммуне слишком заметны и могут способствовать возбуждению общественного мнения, если не восстанию в департаменте.

Артюр с трудом оправился от этого удара и вновь стал думать о том, чтобы отправиться в Париж, намереваясь присоединиться там к коммунарам. Он пытался вовлечь Делаэ в эту свою новую затею, но безуспешно. Да и сам колебался, так как слышал, что железные дороги, вокзалы и шоссе находятся под наблюдением пруссаков, их патрули постоянно прочёсывают окрестности и заставы столицы, а перед входом в селения выставлены заградительные дозоры.

Однажды утром, потеряв терпение и невзирая на возможные опасности, он всё же ушёл пешком в направлении Ретеля, потом — Нефшателя и Суассона, оттуда направился в Виллер-Котре. Он полагал, что при необходимости сумеет спрятаться в окрестных лесах. Восемьдесят километров, которые ему осталось пройти до Парижа, были самыми опасными. Со слов пассажиров, которых он расспрашивал, по пути было много контрольных пунктов, и аресты следовали один за другим.

От отчаяния и усталости Артюр не решился идти дальше и повернул домой. Ему казалось, что никогда в жизни он не был так одинок, опустошён, оторван от всего, о чём мечтал.

Моя душа тоской сочится,
Полыни горечь бродит в ней

И вкус подпорченной горчицы.
Моя душа тоской сочится —
Так довелось ей огорчиться
Глумливым хрюканьем свиней.
Моя душа тоской сочится,
А гогот скотский — всё сильней.
Божбой, фаллическим камланьем
Толпа унизила её,
Почти приговорив к закланью,
Бессмысленным и злобным лаем,
Похабным хрюканьем, камланьем
В ней отравила всё моё.
Божбой, фаллическим камланьем
Толпа унизила её.
Когда утихнут их нападки,
Как жить с украденной душой?
Отдамся пьяной лихорадке…
Когда утихнут их нападки,
Брюшные колики, припадки
Добавятся к беде большой.
Когда утихнут их нападки,
Как жить с украденной душой?{30}

Вернувшись в Шарлевиль, Артюр, по его выражению, стал *опускаться.* 15 мая он отправил новое письмо Изамбару, который ещё находился в Дуэ у сестёр Жендр, и сказал об этом прямо:

«Я теперь опускаюсь хуже некуда. Почему? Я хочу быть поэтом, стараюсь стать *ясновидцем:* вы этого не поймёте, а я не смогу вам объяснить. Речь идёт о том, чтобы приблизиться к неведомому через расстройство *всех чувств.* Страдания жестоки, но надо быть сильным, надо быть рождённым поэтом, а я признал себя поэтом. Здесь нет никакой моей вины. Неправильно говорить, — я считаю, — а надо говорить: меня считают. Простите эту игру словами.

Я — это кто-то другой. Тем хуже для деревяшки, которая считает себя скрипкой, и мне дела нет до невежд, которые спорят о том, чего совсем не знают!»{31}

Артюр присвоил и сделал своим кредо слово *ясновидящий,* которое встретил однажды у Бальзака в «Поисках абсолюта». И он был уверен, что никто и ничто не помешает ему соответствовать этой задаче. Даже с риском впасть в безумие или кончить «монстром, заспиртованным в музейной стеклянной банке»{32}. Последнего исхода опасался Изамбар, который написал об этом в

ответном письме и предостерёг Артюра от теории *ясновидения,* которую считал вздорной, состоящей якобы в том, чтобы подбирать «самые бессвязные идеи» и «самые причудливые слова», а потом «худо-бедно» соединять одно с другим, чтобы получить «прелестного крошку-эмбриона»{33}. Быть нелепым, полагал Изамбар, может всякий.

В тот же день, 15 мая, Артюр отправил ещё одно письмо — Полю Демени, а в нём — некоторые из своих стихотворений. В письме он снова говорит о *ясновидении* и о том, что оно для него обозначает:

«Я говорю, что надо быть *ясновидящим,* сделаться ясновидящим.

Поэт делается *ясновидящим* путём долгого, мощного и обдуманного *расстройства всех чувств.* Все виды любви, страдания, безумия; он ищет себя, испытывает на себе все яды, чтобы оставить от них только квинтэссенции. Это неизречённая пытка, где ему нужна вся вера, вся сверхчеловеческая сила, и он становится, ко всему прочему, великим страдальцем, великим преступником, великим проклятым и высшим Учёным! — Ибо он приходит к неведомому! Поскольку он больше, чем кто-либо, возделывал свою душу, уже богатую! Он приходит к неведомому, и когда в своём неистовстве он, наконец, теряет смысл своих видений, он их видит! И если ему суждено надорваться в своём устремлении к вещам неслыханным и не имеющим названия: придут новые труженики; они начнут с того уровня, на котором прежний изнемог! <…>

Словом, поэт — настоящий похититель огня.

Он уполномочен всем человечеством, даже животными; он должен дать почувствовать, потрогать, послушать то, что он открыл; если то, что он вынес оттуда, имеет форму, он передаёт её; если оно бесформенно, он передаёт бесформенность. Найти язык»{34}.

В этой решимости, отныне непоколебимой, Артюра поощряли как Делаэ, так и Бретань, с которым он всё чаще встречался в кафе «Дютерм» и никогда не отказывался с ним выпить. Тот и сообщил Артюру, что армия злобного «карлика» Тьера 21 мая вошла в Париж и ведёт против коммунаров жестокие и кровопролитные уличные бои, особенно на севере и востоке столицы, у Пер-Лашеза, Бельвиля, Менильмонтана и Батиньоля. И якобы Тьер уже спешно составил военный совет, который будет судить и отправлять на казнь всех поджигателей, признанных виновными в убийстве солдат.

Согласно сведениям, которые получил Бретань, число убитых достигло уже десятков и сотен. Во всех наиболее многолюдных

местах города, таких, как Королевская улица, площадь Согласия вокруг Луксорского обелиска — пожары. Мостовые усыпаны обломками разбитых статуй. Похоже, что улицы Риволи, Дюбак, Лилльская и Французский банк сожжены. Та же участь постигла здания министерства финансов, Государственного контроля, Лирического театра, Тюильри, городской ратуши и… Лувра. Опорожняя пивную кружку, Бретань сказал, что не знает, идёт ли речь о музее или магазине с таким названием. Если только не об обоих.

К 28 марта, когда закончилось это кровавое безумие, во время которого Париж превратился в огромное поле боя, коммунары потеряли более двадцати тысяч убитыми. Из тех, кому посчастливилось остаться в живых, около семи тысяч были вскоре высланы из города. Другие спаслись бегством и попрятались, кто где мог, где-нибудь в глухой провинции, в Бельгии или Англии. Национальное собрание объявило, что президент Республики Адольф Тьер «достойно послужил отечеству»…

Артюр, словно пытаясь отгородиться от «роковой неизбежности», с ещё большим увлечением погружается в поэзию. То были стихотворения разных форм — от четверостишия («Звезда плакала») до кантилен, вроде «Парижской оргии, или Париж заселяется вновь» (стихотворения, исполненного симпатии к делу коммунаров) и «Что говорят поэту о цветах».

Последнее состоит из ста шестидесяти стихов в пяти частях и посвящено Теодору де Банвилю. Он послал его мэтру в Париж, в сопроводительном письме предупредив, что автор «глупый юнец», и снова добавив себе годков, сказавшись в этот раз восемнадцатилетним.

Некоторые из своих стихотворений Артюр послал Полю Демени и Жану Экару, двадцатитрёхлетнему писателю из Прованса и одному из авторов «Современного Парнаса», чей первый сборник «Юные верования», изданный в 1867 году, прочитал. В ответ он получил вежливые, ни к чему не обязывающие письма, составленные в выражениях, принятых в такого рода корреспонденции.

Однажды августовским вечером Артюр сидел к кафе «Дютерм», как обычно, за столиком Бретаня. В разговоре он упомянул «Сатурнические стихотворения» Поля Верлена, по его уверениям — шедевр. Превозносил он и великолепные, бесподобные, гениальные «Галантные празднества» того же автора. Артюр был убеждён, что после Бодлера никто не создал чего-либо равного этому.

Бретань, заинтересовавшийся мнением Артюра, сообщил ему, что был знаком с упомянутым Полем Верленом, когда работал на

другом сахарном заводе, в окрестностях Арраса. Он посоветовал послать Верлену образчик своих сочинений, добавив, что может присовокупить к нему собственноручную рекомендательную записку.

Артюр не стал медлить с этим. Он сразу же послал письмо издателю Альфонсу Лемеру с просьбой передать его Верлену. К письму были приложены каллиграфически исполненные рукописи нескольких стихотворений, которые он считал лучшими: «Смятенные», «Украденная душа», «На корточках», «Сидящие».

Через два дня, горя нетерпением и опасаясь, как бы письмо не затерялось на пути из Шарлевиля в Париж, Артюр послал второе с другой подборкой своих стихотворений, включая «Мои маленькие возлюбленные», «Первые причастия», «Бедняки в церкви», «Парижская оргия, или Париж заселяется вновь», «Пьяный корабль». В этот раз автор вместо «глупого юнца» предпочёл назвать себя «маленькой дрянью». Эта «маленькая дрянь» мечтала только об одном: уехать в Париж, чтобы там встретить обожаемых поэтов.

Первого сентября он получил ответ от Верлена: «Приезжайте, дорогая великая душа, вас зовут, вас ждут»{35}.

В БУДУАРЕ МАТИЛЬДЫ

Письмо Верлена доставило Артюру редкое удовольствие, и он поспешил показать его Эрнесту Делаэ. Было бы замечательно, сказал он ему, вместе отправиться в Париж. Но тот, осторожный и опасливый всякий раз, когда надо было принять важное решение, это предложение не принял. Он ограничился тем, что в день отъезда Артюра рано утром зашёл за ним на набережную Мадлен и проводил его до вокзала.

Артюр в этот раз позаботился о своём внешнем виде, — правда, по настоянию матери, которая не возражала против этой поездки, поняв, насколько она важна для её упрямого сына. Её немного успокоило то обстоятельство, что господин Поль Верлен вложил в письмо банкноту, покрывающую цену железнодорожного билета в третьем классе.

По пути из Шарлевиля в Париж Артюр был не в себе. Такого он прежде не испытывал. У него было странное ощущение, что поезд взлетел над рельсами и планирует в воздухе. Пейзаж, медленно проплывавший за окнами, казался ему бесконечным, и он различал его словно через пелену.

Около четырёх часов пополудни на перроне Страсбургского вокзала он оказался в огромной толпе.

Пришёл ли его встречать Верлен? Его внешность была ему неизвестна, он не знал, молодой ли тот или уже в годах. Как его узнать?

Артюр смотрел направо, налево, вперёд, назад, потом с узелком, составлявшим весь его багаж, неспешно направился в сторону зала ожидания. Вдоль всего перрона люди встречались, обнимались, громко приветствовали друг друга. Среди них было много военных, возвращавшихся домой, которых пришли встречать женщины и девушки. Тщетно Артюр оглядывался по сторонам, он так и не увидел никого, кто бы обратил на него внимание.

Но это его не обеспокоило, ведь при нём был адрес Верлена, указанный на конверте письма, полученного им в Шарлевиле: дом номер 14 по улице Николе. Справившись по плану Парижа, Артюр с облегчением обнаружил, что от Страсбургского вокзала до этой улицы не так далеко, и сразу же направился туда пешком. Этот квартал, где он не раз бывал во время своей недавней бесплодной поездки в Париж, расположен на Монмартре. Хотя в тот раз он был без гроша в кармане, он сохранил об этом месте хорошие воспоминания. Теперь стоял тёплый сентябрьский день. Дом под номером 14 оказался небольшим трёхэтажным

особняком, расположенным в глубине дворика, где справа и слева от основного здания находились пристройки.

Без каких-либо колебаний он позвонил в колокольчик.

Вскоре по ту сторону ворот появилась служанка лет пятидесяти. Артюр назвал себя, сказал, что пришёл к Полю Верлену и что его ждут. Служанка удалилась и, вернувшись спустя полминуты, провела его в будуар на первом этаже. Нарядная комната, обставленная в стиле Луи Филиппа, была наполнена запахом воска. Он услышал шум шагов по паркету и обернулся

Перед ним была очень молодая женщина. Беременная. Она представилась: госпожа Верлен. И призналась, что не понимает, в чём дело: как случилось, что Рембо не заметили её супруг и его друг Шарль Кро, которые отправились встречать его на Страсбургский вокзал?

Артюр объяснил, что, когда он вышел из вагона, его никто не встретил. В этот момент ему пришло в голову, что он ничего не знает о частной жизни Верлена и что этот вопрос никогда его не заботил. Он сразу был захвачен, очарован его «Сатурническими стихами» и «Галантными празднествами» и до сих пор оставался под этим впечатлением.

Не знал он и того, что Верлен родился в 1844 году в Меце и был единственным сыном военного из местечка Бертрикс в бельгийских Арденнах, а мать его родом из Фампу близ Арраса, и что их семейство обосновалось в Париже в 1851 году. Что поэт, которого он находил одновременно таким оригинальным и таким *странным,* учился на юриста, после чего получил в конторе одного из парижских муниципалитетов должность коммивояжёра, а позднее, в дни Коммуны — заведующего отделом печати. Что Верлен уже в юном возрасте общался со многими писателями и даже ездил в Брюссель к Виктору Гюго перед тем, как отнести некоторые из своих первых сочинений в «Современный Парнас», а потом, в 1866 году, опубликовать у Альфонса Лемера на собственные средства сборник «Сатурнические стихотворения». А ещё Артюр не знал, что Верлен около года тому назад женился на этой довольно хрупкой, похожей на девочку женщине, которая теперь была на восьмом месяце беременности.

В девичестве её звали Матильдой Моте де Флёрвиль. Что касается частицы «де», то это ловкость рук её отца Теодора Моте[20]. Родилась Матильда в 1853 году в Ножан-ле-Ротру. Верлен впервые встретился с нею в октябре 1867 года на той самой улице Николе, где их познакомил его сводный брат, музыкант Шарль де Сиври. На их бракосочетании в августе 1870 года присутствовала коммунарка Луиза Мишель. Первое время

они жили на улице Кардинала Лемуана с видом на Сену, но после разгрома Коммуны Верлен потерял свою работу в мэрии, и теперь они с женой жили здесь, в доме господина и госпожи Моте де Флёрвиль.

Как объяснила гостю Матильда, живут они здесь с мужем временно, дав понять, что Верлену не очень нравится существование под одной крышей с тестем и тёщей, но в данный момент у них нет выбора. Что поделаешь, несколько смущённо оправдывалась она, поэты живут тем, что пишут… А Верлен, добавила она неуверенным голосом, увы, известен только в парижских литературных кругах авангарда, хотя уже опубликовал две книги стихов и получил одобрение от самого Виктора Гюго.

Матильда и Артюр продолжали разговор о Верлене, когда в комнату вошла госпожа Моте де Флёрвиль. Это была женщина среднего возраста с твёрдой походкой. Ей тогда шёл пятьдесят второй год, родом она была из Камбре, прилично играла на фортепьяно и даже давала частные уроки.

Всё трое молча оглядели друг друга. Матильда объяснила матери, кто их гость, откуда приехал, и сообщила, что юноша тоже сочиняет стихи. Госпожа Моте де Флёрвиль слегка кивнула. Пишет этот арденец стихи или не пишет — ей было решительно всё равно. Она оценивающе рассматривала «крупного и крепко сложённого юношу с румяным лицом», «юного, слишком быстро вытянувшегося школяра» с голубыми глазами, круглыми широкими ноздрями, в брюках, из которых он «успел вырасти» так, что «были видны синие хлопчатобумажные носки»{36}, тощий узелок, который он поставил на пол. При этом она не проронила ни слова. Даже не спросила, как он доехал и не нуждается ли в чём-нибудь.

Если бы дочь представила ей Артюра как подростка, желающего обучиться игре на фортепьяно или заняться сольфеджо, она бы не упустила случая, высоко подняв голову, сообщить ему, что в юности удостоилась быть ученицей самого Фриде — рика Шопена. Благодаря ссылке на это обстоятельство она была вхожа во все салоны. Продолжая разглядывать Артюра словно какое-нибудь забавное животное, она решила про себя, что перед ним нет никакого смысла излагать свою благородную родословную.

Но вот из прихожей донеслись громкие голоса.

Матильда тут же привстала, решив, что это, должно быть, её дорогой супруг со своим приятелем Шарлем Кро. И это в самом деле были они.

Двадцатидевятилетний Шарль Кро, младший из трёх братьев, с Верленом познакомился в 1863 году в салоне маркизы де Рикар

на бульваре Батиньоль, который посещали многие молодые литераторы, например Огюст Вилье де Лиль-Адан, Хосе Мариа де Эредиа, Франсуа Коппе, Леон Вала, Альбер Мера, а также музыканты Шарль де Сиври и Эммануэль Шабрие.

Интересовавшийся всем на свете, увлечённый как литературой и искусством, так и научными и техническими новинками, например в области акустики, фотографии, телеграфии, химии, Шарль Кро опубликовал в 1869 году два чрезвычайно оригинальных эссе: «Исследование о способах сообщения с планетами» и «Общее решение проблемы цветной фотографии». Как и Верлен, он принадлежал к кружку «Скверных парней». Этот литературный и артистический клуб составляли «старожилы» салона маркизы де Рикар, к которым примкнули Жан Экар, журналисты Камиль Пеллетен и работавший в Национальной библиотеке Жюль Сури, критик Эмиль Блемон, фотограф Этьен Каржа, живописец Анри Фантен-Латур, композитор Камиль Сен-Санс, а также карикатурист Андре Жиль (к которому Рембо совсем недавно наведался) и рисовальщик Феликс Регаме.

Название «Скверные парни» придумал фельетонист с Мартиники Виктор Кошина после первого представления пьесы «Прохожий» Франсуа Коппе в театре Одеон, состоявшегося 14 января 1869 года. Друзья и поклонники автора пьесы неистово рукоплескали и громко скандировали имя молодой актрисы, некоей Сары Бернар[21], дебютировавшей в одной из главных ролей. А назавтра Кошина писал в своей газете «Жёлтый карлик»: «…Там были парнасцы, окружившие своего лысого Аполлона — Теодора де Банвиля, который под пальто носил лиру, а в котелке венок из цветущего плюща, украшенный миртом. Да, то была забавная сходка скверных парней!»{37}

Обычно «Скверные парни» собирались в особняке Камоэнс на улице Казетт в пассаже Сен-Бенуа или в ресторане «Тысяча колонн» на улице Монпансье, или в каком-нибудь другом приличном заведении на левом берегу, собственного же помещения у них не было. На одном из ежемесячных обедов «Скверных парней», который состоялся по приглашению их секретаря Леона Валада, Верлен показал кое-кому из собратьев полученные им по почте, а также от Альфонса Лемера, стихотворения Рембо. И все тут же признали, что это вещи незаурядные.

Верлен и Шарль Кро тепло приветствовали Артюра. Они так и не поняли, почему упустили его на Страсбургском вокзале, то ли ошиблись перроном, то ли перепутали время прибытия поезда, а скорее причиной всего стала толпа народа. Оба признались, что

ожидали увидеть юношу, но не думали, что он будет настолько юн.

На это Артюр лишь иронически улыбнулся. Краем глаза он всё время разглядывал Верлена, о котором думал все эти последние дни и многие стихотворения которого знал наизусть. Он был поражён его чрезвычайно выпуклым лбом и ранней лысиной, мощными надбровными дугами, узкими поблёскивающими глазами и рыжеватой бородой, в которой терялись губы. С первого взгляда *персонаж* ему понравился.

Вскоре Матильда пригласила всех обедать на второй этаж. Пока они поднимались к столу, Верлен успел засыпать гостя множеством вопросов: о его близких, об учёбе, о Шарлевиле и Мезьере, о сражениях с пруссаками, об Арденнах, сказав, что благодаря семье своего отца, к несчастью шесть лет назад скончавшегося, довольно хорошо знает бельгийскую часть этого края. Артюр отвечал иногда резко, почти враждебно — так, словно эти обычные, такие *буржуазные* расспросы казались ему возмутительными.

За обедом он сохранял эту не слишком дружелюбную манеру общения, особенно в отношении Матильды и её матери, которые смотрели на него свысока. Ел он с шумом, упираясь локтями в стол и уткнувшись носом в тарелку. Время от времени он вставлял слово в общий разговор или всё так же небрежно отвечал на какой-нибудь вопрос Верлена, а тот не сводил с него глаз и, казалось, жадно глотал каждое его слово.

К концу трапезы Артюр, не спросив ни у кого позволения, вынул из кармана глиняную трубку, набил её чёрным табаком и широким, но неловким жестом зажёг её. Клубы зловонного дыма заполнили гостиную.

Матильда, госпожа де Флёрвиль и Шарль Кро, сделав вид, что не обратили на это внимания, обменивались ничего не значащими фразами.

Один Верлен остался под сильным впечатлением от юного гостя.

НЕЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ

Супружеская чета Моте де Флёрвиль предоставила в распоряжение Артюра небольшую комнатку на третьем этаже дома по улице Николе. Это было всё равно, что жить в гостинице, причём дорогой, так как он вставал и ложился, когда ему заблагорассудится, не обращая внимания на время трапез, установленное хозяйкой дома. Иногда он обедал вместе с Верленом, Матильдой и её родителями, и к ним иной раз присоединялись Шарль де Сиври с женой, жившие в том же доме. Но бывало и так, что он блистал своим отсутствием. При этом никто в доме не знал, сидит ли он в своей комнате или ушёл куда-нибудь бродить, явится ли он к обеду или же посреди ночи.

В те дни было ещё довольно тепло, и Артюра часто видели лежащим во дворе напротив входных ворот и вкушающим послеобеденный сон. В такие моменты его лучше было не беспокоить и не предлагать ему вздремнуть где-нибудь в другом месте. Кроме того, он ломал попавшие ему в руки предметы и позволил себе унести из дома старинное распятие из слоновой кости с намерением продать его во время прогулок первому попавшемуся торговцу подержанными вещами. К тому же он никогда не мылся, не менял бельё и одежду, и от него стало дурно пахнуть.

Верлен чувствовал себя неловко и остерегался вмешиваться. Ему было неприятно выслушивать от тестя и тёщи бесконечные жалобы на поведение Рембо, но он не высказал ему ни единого упрёка. Разве что скороговоркой, вполголоса и извиняющимся тоном давал ему понять, что Матильда скоро должна родить и более чем когда-либо нуждается в покое и отдыхе, что у неё хрупкое здоровье…

Артюр не принимал такого рода доводы и не упускал случая прямо заявлять об этом Верлену, сопровождая его в частых перемещениях по Парижу с визитами. Он твердил ему, что настоящий поэт, *ясновидящий,* должен подняться над мелочами обыденного существования и жить в полную силу без каких бы то ни было семейных привязанностей, без этого ужасного буржуазного декора, без этих лепных потолков, расписной посуды, мягких кресел, белых салфеток на буфетах и комодах, больших зеркал, тяжёлых, тоскливых обоев, без этого удушливого запаха воска… И чувствовал, что Верлен увлечён его рассуждениями, видел, как глаза его улыбчиво загораются всякий раз, когда речь заходит о подобных вещах.

Такие вызывающие, подрывные, скандальные заявления

Артюр делал и на публике, всюду, куда его приводил покровительствующий ему Верлен. В книжном магазине издателя Альфонса Лемера он громким голосом уничижительно отзывался о разложенных по столам поэтических новинках. Дескать, книги эти, по его убеждению, лишены какого бы то ни было смысла, это дешёвые литературные поделки. Нечто подобное он говорил и в «Табурё», популярном кафе на улице Вожирар, напротив Люксембургского дворца, где Рембо познакомился с друзьями Верлена, составлявшими нечто вроде его преданной литературной гвардии: Альбер Мера, Эрнест д'Эрвили, Эдмон Лепелетье, Леон Валад. Артюр шокировал их заявлением, что александрийский стих вышел из моды и всякий, кто продолжает его использовать, — человек отсталый и слабоумный.

В какой-то прокуренной пивной на улице Сен-Жак рядом с церковью Сен-Северен он даже Теодора де Банвиля назвал «старым дураком», когда тот, известный специалист по стихосложению, желая одарить начинающего поэта ценными советами, сделал несколько лёгких критических замечаний по поводу ритмического строя стихотворения «Роман» и смешных неологизмов в «Моих маленьких возлюбленных». А ведь не далее как в августе Артюр обращался к нему со словами «дорогой мэтр» и писал, что будет «всегда» любить его стихи!

Уже недели через две после приезда Артюра чета Моте де Флёрвиль объявила, что далее не намерена терпеть его присутствие в их доме, и зятю посоветовали выставить юного приятеля за дверь. К тому же Матильда была уже на сносях.

Верлен вынужден был обратиться за помощью к своему окружению.

Первым откликнулся Шарль Кро. У него на улице Сегье, в двух шагах от площади Сен-Мишель, была мастерская, где он занимался изготовлением синтетических драгоценных камней, и он выразил готовность установить там импровизированную кровать для Рембо на то время, пока ему не найдут убежище получше. Но и оттуда Артюр был вскоре изгнан, так как ему пришла в голову неудачная идея вырывать листы из превосходного, роскошного журнала «Артист» для употребления их в качестве туалетной бумаги.

Тогда незлопамятный «старый дурак» Теодор де Банвиль (к тому времени ему было около пятидесяти) решился принять Рембо у себя на улице Бюси, поселив в комнату для няни, примыкавшую к квартире, где он жил с женой. Но однажды вечером Артюр показался совершенно голым в окне этой чердачной комнаты, чем вызвал негодование всего квартала. Вынужденный оставить и это жилище, Артюр поспешил обратно к

Верлену на улицу Николе, откуда незамедлительно был уведён в кабаки Монмартра.

Верлен, женившись, перестал было пить, по крайней мере, пить беспробудно, как делал это холостяком. Но вот уже несколько недель, как он принялся за старое. Осушив несколько стаканов напитка, который он называл *абсонфом* вместо абсента, он уже себя не контролировал, сходил «с катушек» и в разговоре злоупотреблял грязной непечатной лексикой.

Рембо разделял его тягу к алкоголю. Он очень любил эти моменты, когда они напивались, «я» и «ты» как бы сливались воедино и возникала некая особая, дотоле неизвестная интимность. В кабачке на улице Абревуар, куда они входили, взявшись за руки, Верлен нашёптывал ему любовные слова, а он в ответ улыбался.

До этого никто не говорил Артюру ничего подобного, и сам он никому и никогда не говорил. Впрочем, один раз, прошлой весной, у него возникло такое желание, когда он, набравшись духу, познакомился с юной девицей в сквере у вокзала в Шарлевиле и пригласил её на свидание и загородную прогулку. Именно её он имел в виду, сочиняя стихотворение «Первый вечер»:

Полураздета, необута,
Она сидела у окна,
Платан нескромный к ней как будто
Тянулся — вот она, она…
Погружена покойно в кресло,
Она скрестила пальцы рук.
Дрожали под сорочкой чресла,
И был живот упруг, упруг.
Игривый, цвета воска, зыбкий
Закатный луч мой взгляд привлёк —
Порхал он по её улыбке
И по соскам — как мотылёк.
Я целовал её лодыжки
Неторопливо, без помех.
В ответ — неровный, как в одышке,
Но ясный, как кристаллы, смех.
И вдруг она сказала строго:
«Оставь!» — и ножку отняла.
Ну вот, уже и недотрога!..
Притворщица, но как мила!
…
— Послушай, дай сказать два слова… —

И я приник к её груди,
Чтоб, звонкий смех услышав снова,
Узнать, что будет впереди.
Полураздета, необута,
Она сидела у окна,
Платан нескромный к ней как будто
Тянулся — вот она, она…{38}

Но девушка из привокзального сквера пришла на свидание в сопровождении бонны, и у Артюра сразу же иссяк запас слов…

В этот раз всё было иначе, и это его волновало. И забавляло. Будто он не по своей воле был вовлечён в какую-то запретную игру и, к своему большому удивлению, испытывал от этого острое удовольствие.

Проводив мертвецки пьяного Верлена домой на улицу Николе, Артюр шёл ночевать в одну из жалких меблированных комнат на бульваре Шапель, где спал до следующего полудня, когда содержатель будил его и выставлял за дверь. Потом он часами слонялся по парижским улицам. С наступлением ночи он оказывался в Латинском квартале. Тогда он решил присоединиться к «Кружку чертыхателей», у которых уже раза два бывал вместе с Верленом. Кружок этот занимал помещение на четвёртом этаже гостиницы «Отель иностранцев» на бульваре Сен-Мишель, на пересечении улиц Медицинской школы и Расина. Основанный Шарлем Кро при участии двух его братьев — Анри, который был скульптором, и Антуана, врача, — «Кружок чертыхателей» представлял собой нечто вроде свободного братства, каждый член которого приходил туда выпить, покурить (причём не обязательно табак), поспорить о чём угодно, почитать что-нибудь из своего нового, выступить с речью на любую мыслимую тему, включая самые революционные или самые скабрёзные. Каждый имел также право записать или зарисовать всё, что ему пришло в голову, в особую книгу, названную, естественно, «Альбомом чертыхателей».

Каким бы странным и подрывным ни казался этот кружок, существовал он благодаря вполне безобидному человеку — Эрнесту Кабанеру. Родившийся в 1833 году в Перпиньяне, в двадцатилетием возрасте он переехал в Париж для продолжения музыкального образования в консерватории. С тех пор время от времени он сочинял то какую-нибудь вокальную пьесу, например на стихи Жана Ришпена, то оперетту-пастораль на сюжет Мольера, то «Фауста» на текст маркиза де Полиньяка. В «чёрных брюках, которые, казалось, были ему велики, в потёртом

рединготе, болтавшемся на его худом теле, с его измождённым лицом»{39} и огромными удивлёнными глазами он был похож на существо из какого-то другого мира. Чтобы прокормиться, он играл на пианино в разных заведениях, например в одной «пивной на авеню Деламотт-Пике, посещаемой в основном девицами и подвыпившими солдатами-новобранцами»{40}.

В тот вечер, когда Артюр появился в кружке, Кабанер как раз сидел за пианино и что-то импровизировал. В этом он считался настоящим мастером и вызывал всеобщее восхищение. Они обменялись несколькими фразами, после чего Кабанер показал Артюру небольшой текст, который сочинил и положил на музыку: «Сонет о семи числах». Он был убеждён, что существует очевидная связь между звуковой и цветовой гаммами. Якобы нота «до» соответствует белому, «ре» — синему, «ми» — розовому, «фа» — чёрному, «соль» — зелёному, «си» — оранжевому. И предложил Артюру тоже написать сонет, в котором бы определялось соответствие не между цветами и нотами, а между цветами и гласными звуками.

Артюр был заинтригован, обещал подумать над этим, после чего сообщил, что не знает, где сможет заночевать. Не найдётся ли случайно у Кабанера в доме комната или угол, где можно было бы остаться на ночь? Единственное, что Кабанер мог предложить ему, — это свободный диван. Но с тем условием, что Рембо согласится помогать ему в баре, заниматься посудой и уборкой помещения. Конечно, это было лучше, чем ничего, к тому же давало возможность тесного общения с чертыхателями, большинство которых были на стороне Коммуны и полагали, что другое народное движение такого рода вновь случится не скоро.

В первые дни Артюр довольно хорошо справлялся со всеми поручениями. За это время он успел записать в «Альбом чертыхателей» несколько гривуазных и забавных по содержанию стихотворений. Некоторые из них он с присущей ему насмешливостью подписал именами других поэтов, сопровождая их собственными инициалами или же прямо своим именем. Там были имена Франсуа Коппе (несколько раз), Луи Ратибона, Луи Бельмонте, считавшегося «парнасским архетипом», и Леона Дьеркса, которому он приписал следующие три четверостишия под названием «Сомкнутые уста»:

Есть в Риме, в капелле Сикстинской,
Где росписи дивной красы,
Ларец из земли палестинской —
В нём ветхие сохнут носы:
Носы фиваидских аскетов[22]

И тех, что искали Грааль[23],
В котором малиновым светом
Распятия день догорал.
За многие годы, наверно,
Ларец тот внутри накопил
Налёт еретической скверны,
Осевшей как мелкая пыль{41}.

Он записал в альбом и миниатюрную пародию на стихотворение Верлена «Коломбина» из цикла «Галантные празднества»:

Скапен слегка
Дразнил хорька —
Играл дубина.
А до и ми
Между дверьми —
То Коломбина.
Глаза хорька —
Два огонька
И две дробины…{42}

Однако вскоре Артюр начал использовать свои возможности обслуги для скрытного опорожнения бутылок вина, рома, ликёра, абсента. Помимо того, когда он был с кем-то не согласен по какому-либо поводу, он бесцеремонно и грубо оскорблял оппонента. Очень многие из чертыхателей были далеко не святыми, но и они решили, что Рембо, или Ремб, как по-свойски называл его теперь Верлен, в их весёлой компании неуместен. Даже Кабанер, который мог похвалиться широтой взглядов и сам был известен как человек эксцентричного поведения, поневоле согласился с этим мнением.

Вновь изгнанный, Артюр нашёл приют в какой-то грязной ночлежке в доме на углу улицы Кампань-Премьер и бульвара Данфер, напротив Монпарнасского кладбища.

Он поселился там на пару с Луи Фореном, уроженцем Реймса, карикатуристом, рисовальщиком и живописцем, старше его на два года, которого он встречал в «Кружке чертыхателей». Тот, как и Артюр, не имел никаких средств или источников дохода. Разве что иногда ему удавалось выручить кое-какие деньги за рекламные рисунки в газетах и эскизы для росписи вееров.

Надо сказать, что Форен окончил Школу изящных искусств,

где занимался в классе Жана Батиста Карпо, имел склонность к странным сюжетам, а с теми, кого рисовал или писал, нередко обращался с грубоватой иронией. В своих акварелях, тронутых гуашью, он прибегал к «острым красочным приправам», чтобы добиться «неожиданными сочетаниями и столкновениями тонов»[43] довольно выразительных эффектов, отчасти в стиле Дега.

Едва поселившись на улице Кампань-Премьер, Артюр узнал о рождении 13 октября 1871 года у Поля Верлена и Матильды Моте де Флёрвиль сына, наречённого Жоржем.

АНГЕЛ СКАНДАЛА

На первом этаже дома, где было его новое пристанище, Артюр сразу же приметил пивное заведение. Там он обычно и проводил время и там же его навещал Верлен.

Тот был в угрюмом настроении. Он признавался, что с тех пор, как в Париже появился Рембо, жизнь его круто переменилась. В отношениях с женой он стал совсем другим человеком. Раньше он искренне надеялся, что рождение сына их сблизит, но положение, напротив, только ухудшилось. В доме, превращённом в детскую, они с Матильдой целыми днями ссорились. А тёщу с тестем он уже не мог переносить. И, как сам признался, он всё чаще ночевал на улице Леклюз в Батиньоле в доме своей матери, которая овдовела семь лет тому назад.

Жалобы Верлена только смешили Артюра. Ему было трудно понять, что мешает Верлену расстаться с женой и начать настоящую жизнь — дерзкую, страстную, увлекательную, — какой должна быть жизнь поэта, достойного этого звания. Он уже представлял себе, как разделит такую жизнь с Верленом, как они отправятся навстречу приключениям по дорогам Франции и всего мира в поисках другого окружения, других цивилизаций и людей. Туда, где «бродят закваски любви», где «зелёная ночь с ослепительными снегами», где каждый день происходит «жёлто-синее пробуждение певучего фосфора». Он собирался увидеть

Торосы серебра под пламенем закатов
И тусклых берегов коричневую пыль,
Где кровь сосут клещи у исполинских гадов,
Что падают с ветвей, пахучих, как ваниль{44}.

И ещё он представлял себя *пьяным кораблём:*

Порою полюсов и поясов заложник,
Вздыхая, океан укачивал меня
И щупальца тянул цветов своих подложных,
И я сгибался ниц, по-женски стан клоня…
Как остров, я терпел и пекло, и ненастье,
Гвалт синеглазых птиц и их помёта кладь…
Утопленники сквозь потрёпанные снасти
Затылками вперёд спускались в трюм поспать.
Иль, брошенный туда, где ни пернатых в небе,
Ни паруса вдали, а видишь гладь одну,

Где вряд ли поспешил на выручку ко мне бы
Ганзейский монитор, когда б я шёл ко дну, —
Пронзив сквозь пелену лилового тумана,
Как стену, горизонт, что вдруг явил свои
Красоты — сладкий сон романтика-гурмана —
Мокроту облаков и солнца лишаи, —
Скользил я, весь рябой от серповидных бликов,
Сопровождал меня эскорт морских коньков.
Июльский жар дробил в неистовстве великом
Ультрамарин небес на тысячи кусков.
Я загодя дрожал, предчувствуя мальстрёмы
И Бегемотов[24] гон. Скитаясь век по той
Бескрайней синеве, я вспоминал сквозь дрёму,
Европа, твой причал какой-нибудь простой.
Я видел острова под сводом мирозданья,
Где Млечный Путь течёт и звёздный льётся дождь.
— В бездонной той ночи ушла ты в сон изгнанья
Средь сонма вещих птиц, о, будущего Мощь![45]

Он взял руку Верлена и сжал её. Сам не понимая, что с ним происходит, он почувствовал неодолимую тягу к этому несчастному человеку, а тот ответил ему взглядом, полным нежности.

Через несколько минут Рембо и Верлен оказались в одной из меблированных комнат на улице Кампань-Премьер, и Артюр впервые познал торжество физического овладения другим существом. Ему казалось, что он поступил как супруг, как муж, который сразу же оттеснил в сторону соперницу — ту самую, с тяжёлым именем Матильда, которую он уже не мог терпеть, хотя ничего дурного она ему не сделала.

Они лежали молча и слышали разнообразные звуки, раздававшиеся в доме, и долетавший до их изголовья шум улицы. Так они лежали, пока не послышался скрип на лестнице, который извещал о том, что возвращается Форен, он же Гаврош, как называли его приятели.

Чем более напряжёнными и трудными становились отношения Верлена с Матильдой, тем нарочито небрежнее он одевался, иногда по неделям не меняя белья, словно решил во что бы то ни стало ходить в таком же тряпье, какое носил Рембо, и так же, как он, дурно пахнуть. Они превращались в забавную, ставшую предметом пересудов и сплетен пару, на которую в городе указывали пальцем.

Пятнадцатого ноября, похожие на двух бродяг, Рембо и

Верлен в обнимку явились в театр Одеон на представление «Леса», одноактной пьесы в стихах нормандского поэта и актёра Альбера Глатиньи, автора «Безумной лозы» (1860) и «Золотой стрелы» (1864) — двух сборников стихотворений, которыми Верлен восхищался и не упустил случая рекомендовать их Артюру. Тогда же он и сообщил ему, что Глатиньи, которому в то время было всего тридцать два года, лично знаком с самим Бодлером и заслужил его горячее одобрение, что почиталось за большую честь.

Все мужчины в театре были одеты в превосходные чёрные фраки и сорочки с белыми галстуками, а дамы красовались в самых элегантных туалетах, и только грязные Рембо и Верлен выглядели отталкивающе. Они без конца шутили, похлопывали друг друга по рукам и плечам и походили на проказливых школяров, резвящихся на перемене. Или, скорее, на двух грубых простолюдинов, которые по ошибке забрели в самую изысканную компанию парижского света. Этого было вполне достаточно для того, чтобы на следующий день Эдмон Лепелетье поместил в газете «Суверенный народ» насмешливый отчёт о событии:

«“Парнасцы” были все налицо, они перемещались по фойе и беседовали о том о сём под присмотром своего издателя Альфонса Лемера. Там можно было заметить белокурого Камиля Мендеса, прогуливающегося с Мера. Леон Валад, Дьеркс, Анри Уссе сновали по залу. Сатурнический поэт Поль Верлен вёл под руку привлекательную молодую особу мадмуазель Рембо»{46}.

Публикуя эту краткую заметку, Лепелетье прежде всего хотел *образумить* Верлена, с которым был знаком ещё со времён их учёбы в лицее имени Бонапарта и, продолжая оставаться самым его близким другом, действовал по пословице: «Кто крепко любит, тот и крепко наказывает». При этом он думал и о положении Матильды. Но его публикация не произвела того действия, на которое была рассчитана. Напротив, после неё Верлен и Рембо стали ещё чаще появляться вдвоём на публике, нарочито демонстрируя свои отношения и вызывая всеобщее любопытство. Артюр к тому же уговаривал своего партнёра сделать решительный выбор: или он, или Матильда. И нечего разыгрывать в доме на улице Николе роль несчастного супруга, а потом являться к нему за утешением. Артюр не отказывался служить опорой слабаку, не способному принять твёрдое мужское решение. А к концу года он не без удовольствия узнал, что Верлену предстоит поездка в Палисёль, городок в бельгийских Арденнах, чтобы получить наследство в семье отца. Возможно, думал Артюр, Верлен воспользуется этим случаем, чтобы поставить точку на своём браке.

В начале марта 1872 года на традиционном ужине «Скверных парней», проходившем в этот раз в одном из ресторанов на площади Сен-Сюльпис на пересечении улиц Бонапарта и Вьё Коломбье, пара любовников снова появилась в обнимку. Сотрапезники, занимавшие места за столом, сделали вид, что ничего особенного не произошло, и всё же атмосфера в зале сразу изменилась, стала менее сердечной. Но когда обед начался, присутствующие, как это было у них заведено со дня основания их содружества в январе 1869 года, приступили к беседе о том о сём, об авторах, которых приглашали прочитать между двумя блюдами отрывки из их последних сочинений.

В тот вечер дежурным оратором был поэт Огюст Крессель, молодой сотрудник совсем недавно появившегося журнала «Литературное и художественное возрождение», одним из основателей и главным редактором которого был Жан Экар. Крессель, сочинивший стихотворение на военную тему, которое назвал «Боевым сонетом», начал декламировать его так, будто произносил со сцены театра какую-нибудь тираду из трагедии Корнеля.

Слушать это, терпеть сырые фразы и примитивные рифмы (типа: *реформа — форма*) для Рембо было сущей пыткой. Он вдруг встал и, громко прорычав *«дерьмо!»,* повторял это слово после каждого стиха, произнесённого Кресселем.

Присутствующие отреагировали на это неодобрительным шёпотом. Стефан Малларме, незадолго перед тем напечатавший в «Современном Парнасе» отрывки из своей «Иродиады», прежде не бывал на таких шумных братских вечеринках и от удивления выкатил глаза.

Этьен Каржа предложил Артюру замолчать, назвав его при этом «мелкой жабой». Потом встал Эрнест д'Эрвили и, брызжа слюной, назвал Рембо «грязной скотиной и комедиантом», в ответ на что получил целый набор самых грубых оскорблений.

Обе стороны обменивались обидными прозвищами, как вдруг потерявший всякое терпение Каржа набросился на Артюра и вытолкал его за дверь.

Страсти понемногу улеглись, и Крессель получил возможность закончить декламацию своего стихотворения. Его довольно шумно одобрили.

А в это время Артюр, укрывшись в углу вестибюля, поджидал окончания ужина и выхода его участников. Когда появился Каржа, он направил на него трость с острым наконечником, которой обзавёлся в гардеробной, и уколол фотографа в руку и в пах[25]. Началась давка, послышались громкие крики. Хотели уже обратиться к силам порядка, но Верлен, вышедший из ресторана,

кое-как сумел обезоружить своего друга. При этом они не сказали друг другу ни слова. Рембо спешно удалился, перебежал площадь Сен-Сюльпис и пропал в ночи.

Стычка эта взбудоражила весь Латинский квартал. Форен по такому случаю нарисовал портрет Рембо со спокойным, безмятежным выражением лица и подписью под ним: «Кто меня тронет, тот уколется».

«Скверные парни» во всём винили Верлена. Они упрекали его в том, что он нянчится с Рембо, позволяет ему злоупотреблять его снисходительностью, притом что этот неотёсанный юнец днями напролёт бездельничает и живёт исключительно за счёт Верлена. Они не возражали против того, чтобы Верлен и дальше участвовал в их собраниях и банкетах, но только один. Короче говоря, Рембо стал для них нежелательной личностью.

Альбер Мера, один из первых скверных парней и первых чертыхателей, даже отказался быть представленным рядом с Рембо на большой картине, которую живописец из Гренобля Анри Фантен-Латур писал в своей мастерской во дворе одного из домов на улице Изящных искусств. Картина была посвящена пятидесятилетнему юбилею Бодлера. За несколько лет до того он написал в таком же духе картину в честь Эжена Делакруа.

Не имея возможности собрать в одной компании, как он того хотел бы, всех грандов французской литературы, включая Виктора Гюго, Теофиля Готье, Жюля Барбе д'Оревили, Теодора Банвиля, Фантен-Латур решил ограничиться несколькими из «Скверных парней». То были Леон Валад, Эмиль Блемон, Жан Экар, Эрнест д'Эрвили, Пьер Эльзеар (псевдоним Эльзеара Бонье, бывшего вольнонаёмного зуава), Камиль Пеллетан, Альбер Мера и пара Верлен — Рембо. Словом, целая плеяда писателей, почти неизвестных широкой публике. Фантен-Латур хотел присоединить к ним и Альбера Глатиньи, но тот в январе уехал из Парижа с труппой бродячих актёров в турне по югу Франции.

Эта картина с весьма прозаическим названием «Угол стола» была выставлена в Салоне 1872 года. Вместо портрета Мера, который первоначально предполагался на правом краю композиции, там появился большой букет цветов. Рембо со своей всклокоченной тёмно-русой шевелюрой, юным лицом и светящимися глазами похож на херувима. Слева от него Верлен с его оголённым лбом и тёмными глазами как бы погружён в свои мысли. Стоящий за ними Пьер Эльзеар в цилиндре словно не замечает их присутствия. А Камиль Пеллетан, крайний справа, так и вовсе сидит, повернувшись ко всем спиной.

В середине марта Рембо с большим удивлением получил присланное на его адрес по улице Кампань-Премьер письмо от

матери. Та умоляла его покончить со своими выходками и немедленно вернуться в Шарлевиль. Он рассказал об этом письме Верлену и спросил его, кто бы мог сообщить его матери адрес и подробности того, чем он якобы занимается в Париже.

Наведя кое-какие справки, Верлен рассказал ему, как было дело. По настоянию Матильды госпожа Моте де Флёрвиль послала госпоже Рембо сообщение, в котором обвинила её сына во всех смертных грехах. Больше того, эта жуткая мегера даже не снизошла до того, чтобы поставить под доносом свою подпись. Что за гнусная личность — ни дать ни взять какой-нибудь полицейский шпик, сошедший со страниц «Воспоминаний» Видока![26] Просто ведьма. Как можно дойти до такого?

После долгого обсуждения друзья договорились, как будут действовать дальше. Рембо поедет к матери, а в это время Верлен успокоит Матильду и её окружение, и потом, в подходящий момент, вернёт Артюра и они вновь смогут видеться.

Словом, заключили обманную сделку.

ПЛАН ПОБЕГА

В Шарлевиле ничто не изменилось.

Или, вернее сказать, никто не изменился. Ни госпожа Рембо, всё такая же строгая, ни Эрнест Делаэ, всё такой же любезный и вялый, ни Шарль Бретань, такой же пузатый и независимый в суждениях и такой же завсегдатай кафе «Дютерм», что под аркадой Герцогской площади. Нисколько не изменились и все прочие жители Шарлевиля, всё так же занятые лишь собою.

Перемена была заметна только в старшей из сестёр Артюра, которая к четырнадцати годам обрела привлекательные формы и была уже не похожа на прежнюю девчонку с безразличным взглядом. На первых порах возвращение в родной город не сильно опечалило Артюра. Он написал несколько стихотворений, чего не делал в Париже последние месяцы, хотя имел там возможность постоянно видеться с очень многими литераторами. Темой одного из новых его стихотворений, названного «Гласные», стали соответствия между цветами и звуками, о которых ему говорил Эрнест Кабанер. Эта идея тогда заинтересовала его, и теперь он был очень доволен своим сонетом. Он говорил, что, быть может, в нём, помимо новых выразительных слов, содержится «поэтический язык, который когда-нибудь станет доступен для восприятия всеми органами чувств»{47}.

А — чёрный, Е — белый, О — синий, И — красный…
Я вам расскажу о рождении их.
А — чёрный корсет глянцевито-атласный
Из мух, что кишат на отбросах гнилых.
Е — иней, туманы и мех горностая,
Кипение кружев, снега ледников.
И — губы в улыбке и пурпур плевков
Кровавых; закатная дымка густая.
У — отсветы дивные в тёплых лагунах,
Луга со стадами; на лбах многоумных
Алхимиков строгий морщин их покой.
О — странные стоны трубящего рога,
Безмолвье, пронзённое зрением Рока —
Омега, луч взгляда его голубой{48}.

Однако письма, которые он получал от Верлена и Форена (отправлялись они на адрес Бретаня, дом которого служил как бы почтовым ящиком), всё чаще вызывали в нём ностальгию по

Парижу. К тому же в одном из писем Верлена, написанном 2 апреля в кафе «Сиреневый хутор», тот спрашивал, когда же, наконец, они, смогут вдвоём вступить на свой «крестный путь»{49}. А в другом, посланном в конце апреля, он заклинал его незамедлительно приехать, «взять его в охапку», как только они вновь увидятся, но «постараться, по крайней мере какое-то время, выглядеть не так ужасающе, как раньше». А для этого потребуются «бельё, начищенная обувь, уход за шевелюрой, приветливое выражение лица»{50}.

Из писем Верлена Артюр узнал также, что семейная жизнь у того не налаживается. В глубине души он не мог этому не порадоваться. Он это предсказывал, он знал, что так будет, и эта уверенность ощутимо обостряла его желание вернуться в Париж. А тут ещё мать после его отказа продолжать учёбу настаивала на том, чтобы он нашёл себе какую-нибудь работу в Шарлевиле, и каждый день донимала его этим.

Работать? Ни за что! Он «терпеть не мог все профессии», находя их «гнусными». Он не желал быть ни хозяином, ни рабочим, ни крестьянином. «Перо в руке» — перо нисколько не хуже плуга{51}. Его устраивало только такое занятие. Или в какой-нибудь республиканской газете вроде «Прогресса Арденн», которую издавал Эмиль Жакоби.

Вскоре благодаря Бретаню, который ссудил его деньгами, он сумел купить билет на поезд и в начале июля отправился в Париж. Выйдя из вагона на Страсбургском вокзале, он тут же поспешил в сторону «Клюни», в то самое питейное заведение на бульваре Сен-Мишель, которое часто посещал Верлен и где они встречались.

При новой встрече поэтов присутствовал Форен по прозвищу Гаврош. У него было такое ощущение, что перед ним пара закоренелых пропойц, твёрдо решивших дойти до полного скотства. Их ликование достигло высшей точки через несколько часов, когда они, взявшись за руки, поднялись в одну из комнат гостиницы «Ориент» на углу улиц Месье-ле-Пренс и Расина, где Рембо прожил около двух недель, после чего нашёл приют в дешёвой мансарде гостиницы «Клюни» по улице Виктор-Кузен, на углу площади Сорбонны и в двух шагах от кафе «Нижний Рейн», выходившего на улицу Суффло. На эти чердаки Рембо с помощью Форена и переносил свои пожитки, оставленные на улице Кампань-Премьер, или, как они её между собой называли, Камп. Этот мотив отражён в стихотворении Верлена «Новобрачные»:

Там окна смотрят в море синевы,
Вся комната коробками забита.

Снаружи — плющ, и дёсны домовых
В листве мелькают шустро, деловито.
Должно быть, всё устроили они —
Пустые траты, лишний беспорядок,
А фея Африки, что им сродни,
Приносит фрукты, сетки для укладок.
Снуёт родня, судачит кумовъё,
Всё отражается в стекле буфетов
И длится, длится… Дабы взять своё,
Чета уходит, но что толку в этом!..
Ведь у супруга в голове гуляют
Какие-то залётные ветра,
Дух вод гнилых в альков проник с утра
И новобрачных словно разделяет.
Но что сулит молодожёнам ночь?
С чего начнётся их медовый месяц?
Отринутся ли все заботы прочь,
Иль день грядущий круче их замесит?
И если путеводные огни
Для них не вспыхнут на холме высоком,
Как призрак Вифлеема, пусть они
Хотя бы видят ту же синь из окон[52].

Верлен при всякой возможности, обычно к концу дня, когда покидал контору бельгийского отделения агентства «Ллойд», в котором подыскал себе работу и где томился от скуки, сразу же шёл к Артюру. Его отношения с женой, «злой крысой», испортились до такой степени, что лишь в компании своего арденнского друга он мог забыться. С ним он отвлекался от печалей, приступов гнева, истерик, забывал, что уже не раз грубо бил Матильду, однажды чуть не задушил её, как-то во время обеда у его матери в Батиньоле грозил ей ножом. Дело дошло до того, что однажды он вырвал из её рук малыша Жоржа и швырнул его в стену, но, по счастью, эта его выходка не обернулась трагедией…

А Рембо с большим удовольствием подливал масла в огонь, то убеждая друга не подчиняться этой пустой женщине, то посмеиваясь над его нерешительностью. Он смеялся над ним даже при людях, на улице или в кафе и часто в присутствии Форена, у которого в то время была мастерская на набережной Анжу под самой крышей особняка Пимодан — великолепной постройки XVII века, где в 1842 году жил Бодлер. Однажды вечером Артюр проделывал это на глазах у Жюля Мари, молодого

человека тремя годами старше его, с которым познакомился ещё в коллеже Шарлевиля. Он встречал его иногда в Латинском квартале. Жюль Мари тоже был одержим страстью к литературе, но его мечты не шли дальше мелодрам для театра и романов-фельетонов.

Артюр вернулся в Париж не только ради Верлена. Он хотел издать свои стихотворения отдельной книгой. Но его попытки успеха не принесли. Ни один издатель не желал публиковать стихи этого хулигана. Даже за счёт автора, как издавались произведения Верлена, например его третий сборник «Третья песня», который был выпущен Альфонсом Лемером в январе, через полтора года после того, как принял его к печати. Люди осведомлённые посмеивались по поводу содержания этого сборника, где Верлен в возвышенных тонах воспевал свою любовь к Матильде.

Журналы, за редкими исключениями, предпочитали публиковать известных авторов и не связываться с новичками. Только «Литературное и художественное возрождение», директором которого был Жан Экар, а главным редактором Эмиль Блемон, согласилось поместить в одном из ближайших выпусков журнала «Воронов» Рембо — печальное стихотворение из двадцати четырёх строк, в котором упоминаются павшие на Франко-прусской войне и погибшие коммунары, жертвы «поражения, зачеркнувшего будущее».

Отвергнутый, проклятый литературной средой, обвинённый в *противоестественных наклонностях,* Рембо отныне хотел только одного — бежать из Парижа. Отправиться в путешествие — и куда-нибудь подальше.

Седьмого июля он пишет Верлену письмо, в котором сообщает об этом своём твёрдом решении, но не отправляет по почте, а несёт его сам в дом на улице Николе. Не дойдя сотни шагов, он замечает на пороге дома семейства Моте своего любовника, бросается к нему и без всяких предисловий сообщает о своём намерении безотлагательно идти на Северный вокзал и сесть на ближайший поезд в сторону Бельгии. И тут же предлагает Верлену составить ему компанию, притом сделать это незамедлительно.

Словно попав под действие каких-то неодолимых чар, Верлен даже не стал спорить. Тайком от Матильды, которая, чувствуя недомогание, заперлась у себя в спальне, он взял немного денег, кое-какие вещи в дорогу и вскоре уже поспешал за Рембо на Северный вокзал. Было десять часов вечера, но оставался ещё один омнибус в направлении Арраса.

Беглецы прибыли туда ранним утром. Быстро обойдя город и

полюбовавшись площадью Гран-Пляс, они зашли в привокзальный буфет, где заказали еду и выпивку. Поначалу болтали о том о сём, но вскоре, вознамерившись привлечь внимание посетителей, стали обмениваться шутками, а затем, поглощая пончики с начинкой и галантин, громко рассказывать придуманные тут же жуткие истории с убийствами и насилиями, уснащая их «страшными подробностями». Присутствующие в зале ушам своим не верили. Один пожилой господин, посасывавший сигару, был до того возмущён происходящим, что, кашляя и отплёвываясь, поспешил за жандармами. Те явились спустя несколько минут и препроводили нарушителей спокойствия в городскую ратушу, «самую красивую готическую ратушу во всей Франции»{53}.

Доставленные к помощнику прокурора, Верлен и Рембо стали уверять его, что произошло недоразумение. Что дурного они сделали? За что их арестовали, словно каких-нибудь вульгарных прохвостов? Под конец они всё же признали, что зашли слишком далеко, что им не следовало публично обсуждать такие мерзости. Помощник прокурора во избежание возможного риска, особенно в отношении спокойствия «добропорядочных»{54} жителей Арраса, решил отправить парочку в Париж и распорядился поскорее сопроводить их на вокзал.

В поезде Рембо продумывал *план побега.* Он предложил Верлену самый простой, по его мнению, путь: поскольку у них нет паспортов, им надо сразу же по прибытии в столицу идти на Страсбургский вокзал и купить билеты до Шарлевиля. А там обратиться за помощью к товарищу Бретаню, у которого множество знакомых во всех концах Арденн, и он, вне всякого сомнения, знает, как можно тайно пересечь бельгийскую границу. Если это не получится, то Артюру известен маршрут Фюме — Вирё — Живе, который два года тому назад он сам прошёл пешком.

Однако разработанный план удался блестяще. Благодаря рекомендованному Бретанем человеку, сдававшему внаём экипажи и известному в Шарлевиле как папаша Жан, Рембо и Верлена доставили в одноколке прямо к бельгийской границе, которую они пересекли 10 июля посреди ночи. Проспав несколько часов у обочины дороги, они направились в сторону Кувена и Филипвиля. Потом дошли до Валькура, где осмотрели старинную базилику, а дальше через Берзе, Ам, Жамью прибыли в Шарлеруа, где Рембо гордо привёл своего компаньона в «Круговую таверну» и «Зелёное кабаре».

Для Артюра это было счастье — Счастье с большой буквы, ощущение которого он выразил в коротком стихотворении без

названия:

Бег дней и замков глушь!
Нет беспорочных душ.
Бег дней и замков глушь!
Удачу я узнал такую,
Что день и ночь о ней толкую.
В том жизни пламень не потух,
Чей галльский пропоёт петух.
Прошла моя к счастливцам зависть,
Мой дух прозрачен как слеза весь.
С тех пор, как мы одно вдвоём,
Я снова лёгок на подъём.
Чтобы слова раскрылись сами,
Они должны стать беглецами.
Бег дней и замков глушь![55]

Из Шарлеруа они прошли пешком по просёлочным дорогам Эно и валлонского Брабанта до Нивеля, где полюбовались церковью Святой Гертруды, основание которой относят ещё к VII веку.

Они никуда не спешили, хотя у их беззаботного странничества и было место назначения — Брюссель. Погода стояла хорошая, и они могли где угодно остановиться, передохнуть, поспать: в поле, в лесу, в какой-нибудь хижине или овине, в деревенской гостинице где-нибудь на перекрёстке дорог.

Так не спеша они добрались к 21 июля, дню национального праздника Бельгии, до ворот Брюсселя.

С КОММУНАРАМИ

Рембо и Верлен остановились в гостинице «Гранд-отель» — заведении на пятьдесят комнат, расположенном на стыке улиц Прогресса, Крестовых походов и площади Наций, напротив Северного вокзала. Гостиницу эту выбрал Верлен, который уже останавливался в ней с матерью в августе 1867 года, когда посетил Виктора Гюго, жившего в Брюсселе на улице Баррикад.

Друзья чувствовали себя хорошо и не видели ничего такого, что могло бы помешать их счастью.

В день их прихода в Брюссель Верлен привёл Рембо к коммунарам, оказавшимся в изгнании после 1870 и 1871 годов, когда была разгромлена Парижская коммуна.

В течение нескольких десятилетий, а именно со времени своего основания в 1830 году, Бельгия пользовалась репутацией страны свободы, равенства, безопасности и социального мира. Её Конституция от 7 февраля 1831 года провозглашала, помимо прав личности, свободу совести, вероисповедания, печати, собраний и объединений, петиций и образования без каких-либо ограничений. И это во многом объясняет тот факт, почему люди, испытывавшие у себя на родине политические или финансовые трудности, охотно искали убежища в Бельгии.

В 1845 году Карл Маркс, высланный из Парижа за публикацию в периодике бунтарских статей, приехал в Брюссель, где вскоре к нему присоединился его сообщник Фридрих Энгельс. После государственного переворота во Франции 2 декабря 1851 года туда же эмигрировал Виктор Гюго, открыто выступивший против Луи Наполеона Бонапарта.

Не прошло и недели, как его примеру последовал Александр Дюма вместе со своим секретарём Ноэлем Парфе. Автор «Госпожи Монсоро» к тому времени был по уши в долгах, и за ним гналась стая кредиторов. То же случилось с Бодлером и издателем его «Цветов зла» Огюстом Пуле-Маласси, который, обанкротившись, просидел полгода в тюрьме Клиши, после чего выбрал местом жительства Бельгию.

В столице Бельгии и её ближайших окрестностях проживало более двух тысяч коммунаров. Многие из них жили там без паспортов и под фальшивыми именами. Существовали они в основном за счёт работы в мастерских Брюсселя и девяти его предместий: Схарбек, Синт-Йоссетен-Ноде, Эттербек, Сен-Жиль, Андерлехт, Кукелберг, Моленбек-Сайнт-Еан, Лакен и Икселес, где Пуле-Маласси жил с 1863 по 1869 год и где в 1867 году опубликовал под названием «Подруги» сборник эротических

стихотворений Верлена, спрятавшегося за псевдоним Пабло де Эрланьес. Отпечатанный всего в шестидесяти экземплярах, сборник был арестован на границе французскими таможенниками.

Жившие в Брюселе коммунары делились на два лагеря. К одному принадлежали те, кто навсегда отказался от революционных идей. Ко второму — те, кто продолжал в них верить, например Жорж Кавалье, прозванный за свою непривлекательную внешность Деревянной Трубкой.

Жорж Кавалье, получивший в Политехническом институте и Горной школе образование инженера, в 1867–1868 годах сотрудничал с Жюлем Валлесом в парижском литературно-политическом журнале «Улица», потом работал в газете «Народ», а в 1870 году был сотрудником республиканца Леона Гамбетты. Осуждённый на десятилетнее изгнание, Кавалье зарабатывал на жизнь частными уроками математики.

Ещё одним коммунаром, которого Верлен хорошо знал и теперь встретил в Брюсселе, был Бенжамен Гастино, бывший сотрудник «Голоса народа» Жозефа Прудона, бывшего директора библиотеки Мазарини в Париже. Гастино был заочно приговорён к высылке. Он редактировал издание текстов Мирабо и Вольтера, был автором путевых заметок, пьес для театра, а также «Гениев свободы», выпущенных в Брюсселе в 1865 году издателями «Отверженных» и наделавших много шума.

Этот второй лагерь коммунаров, лагерь неисправимых, продолжал распространять свои убеждения через политические и сатирические газеты, такие, как «Дубина» или «Бомба». Последняя, по объявлению её издателей, «взрывалась каждую субботу».

Встречались коммунары обычно в некоторых из многочисленных брюссельских пивных, где потоками текло пиво превосходных бельгийских сортов, которые, впрочем, были непривычны для иностранцев. Они порой затруднялись с выбором между горьким фаро, светлым, сладковатым и хмельным лувенским, крепким эйцетом, горьким ламбиком и пенным национальным, похожим на мюнхенское.

Чаще всего коммунаров видели в таверне «Святой Иоанн» на одноимённой улице, в «Большой Богемской пивной» на улице Эквийе, в «Доме пивоваров» на Гран-Пляс или «У Лисёнка» на улице Колежьяль. Последнее заведение держала вдова Линтерманс, личность весьма оригинальная и хорошо знакомая ночным завсегдатаям. Можно было их встретить и в «Таверне Вильгельма» на Музейной площади, где подавали английское пиво, или в кафе «Орлож» на авеню Марни, у бульвара Регента и

Намюрских ворот, в квартале, который был у них особенно популярен.

Верлена и Рембо увлекала перспектива встретиться с ними в этих местах, поболтать в их компании, расспросить о пережитом. Ведь у каждого из изгнанников за плечами была какая-нибудь страшная история. Общаясь с ними, Артюр видел в воображении множество впечатляющих картин и сожалел о том, что ему не довелось быть в Париже во время уличных боёв. Жизнь в бельгийской столице сразу стала казаться ему *цветущей,* и, вдохновлённый ею, он сочинил стихотворение, которому дал простое название «Брюссель», уточнив в эпиграфе, что оно навеяно атмосферой бульвара Регента:

Там рыжих бархатцев гряда
К дворцу Юпитера ведёт.
Почти тропическую синь
Ты смело примешал туда.
Ещё там розы, пихты, плющ
В укромном заточенье,
Вдовы миниатюрной клетка,
И стаи птичьи! О, яо, яо!
Дома-тихони помнят о былом.
Беседка той, что тронулась умом
От страсти. В розах крохотный балкон,
Приют тенистый тамошней Джульетты.
Напоминает это Генриетту,
Названье полустанка в сердце гор,
Он там стоит как павильон в саду,
Где синих бесов веселится хор.
Скамья зелёная. Там без затей
Поёт о рае белая ирландка.
В столовой шум, как будто перебранка —
Сквозь щебет клеток звонкий гвалт детей.
А герцога окно внушает мысли
Про яд улиток и самшита лоск,
Нагретый солнцем. Благо довелось
Всё это видеть! Но… Слова все вышли.
Бульвар несуетливый, не торговый,
Где всюду драма или водевиль,
Не раз меня ты сценами дивил,
Ты мне милее всякого другого.
Альмея[27] ли она? С рассветными лучами,
Как сорванный цветок, увянет ли в печали
Перед пространством, где живут химеры,

Посланцы города, цветущего без меры?
Красиво слишком! Слишком! Но так надо —
Ещё звучат романсы, серенады,
И маски верят истово, как прежде,
В ночные празднества на побережье{56}.

А Верлена встречи с изгнанниками вновь погружали в раскалённую атмосферу баррикад. Ему даже пришла в голову мысль написать книгу о зверствах, которые творила в Париже армия версальцев при подавлении Коммуны.

Недолго думая, он отправил жене письмо с просьбой переслать ему на адрес «Гранд-отеля» записи, которые делал в дни Коммуны. Вместе с другими его личными бумагами они были заперты в ящике его письменного стола в доме на улице Николе. Но полученный через два дня ответ выбил его из седла: Матильда сообщала ему, что выезжает вместе со своей матерью в Брюссель, где намерена пресечь его «пагубную связь», которая, по её мнению, «неминуемо приведёт его к безумию»{57}, и вернуть его в Париж. Она выслала ему денег, чтобы он зарезервировал им в гостинице две комнаты.

Когда Верлен поставил об этом в известность Артюра, тот осыпал его упрёками. Он заявил, что было большой глупостью писать Матильде. Смехотворной и непростительной глупостью. И как только это могло прийти ему в голову? Им надо во что бы то ни стало выбраться из этой пакостной ловушки! Можно не сомневаться, что это ловушка.

Несколько дней спустя, встречая в «Гранд-отеле» жену, которую за три недели до того, не сказав ей ни слова, оставил, Верлен был полон нежности. Он бросился в её объятия, уверял, что любит её и любил всегда, что скучает по сыну Жоржу, что мечтает только об одном — стать хорошим мужем, отцом семейства. Как заколдованный, он стал лихорадочно доказывать на деле свою любовь к супруге и в пылу объятий, сожалений, слёз и заклинаний обещал ей восстановить их брачный союз, о чём с большим чувством писал:

Я вновь с тобой. Полураскрыты двери.
Лежала ты в усталом забытьи.
Но что это? — глазам своим не верю —
Ты бросилась в объятия мои.
Лобзанья, стоны, жарких тел сплетенье!
Я слёзы лью сквозь умилённый смех.
Мгновения глубокого смятенья,
Печальные, но лучшие из всех.

В тенётах чудных покоряюсь вновь
Улыбке кроткой, взгляду исподлобья,
Но вижу в них не прежнюю любовь,
А только внешнее её подобье{58}.

Матильда завела с мужем разговор о Новой Каледонии. Она полагала, что они могли бы там года на два поселиться с ребёнком. Там Поль избежит «дурной компании» и сможет общаться с *революционеркой,* бывшей его наставницей Луизой Мишель и с журналистом Анри Рошфором, основателем газеты «Светильник», и «иметь всё необходимое для работы над книгой о Коммуне»{59}.

На следующий день Рембо, который провёл ночь в другой комнате того же отеля, первым оказался на Южном вокзале, в противоположном конце города. Он прятался за колонной у входа, поджидая там Верлена, Матильду и госпожу Моте де Флёрвиль. Когда они появились, он дошёл вслед за ними до перрона и незаметно сел в тот же поезд.

На пограничной станции Киеврен в двадцати километрах к югу от Монса, в самом центре каменноугольного района Боринаж, он сошёл с поезда как раз перед тем, как таможенники приступили к проверке паспортов и осмотру багажа пассажиров. На его губах блуждала ироническая улыбка, выражавшая уверенность. Он знал, что с минуты на минуту к нему присоединится Верлен и они вдвоём отправятся обратно в Брюссель.

Таков был разработанный ими план. Вернее, то был план, который он Полю *навязал* почти силой. Он гордился этим планом и ликовал от того, что всё удаётся.

Действительно, через несколько минут появился Верлен в шляпе, натянутой по уши. По щекам его струился пот. Он бросился навстречу своему юному компаньону и громогласно выпалил, что ему удалось ускользнуть из парижского поезда и теперь он раз и навсегда избавился от жены и её кошмарной семейки.

Артюр не мог сдержать довольной улыбки: всё произошло так, как он и предвидел…

В тот же вечер оба снова были в Брюсселе, «У Лисёнка». Там они пили всю ночь напролёт и вернулись в «Гранд-отель» мертвецки пьяными. В последующие дни они продолжали появляться в городских кафе и пивных и без всякого стеснения вели себя, даже на улице, как любовники. Они и были любовниками, что не понравилось коммунарам, которые в

вопросах нравственности придерживались строгих понятий.

Ещё больше такое поведение двух друзей не понравилось бельгийским властям.

Хотя Брюссель считался городом свободы и ревниво оберегал эту свою репутацию, там не любили, когда кто-то нарушает общественное спокойствие. В этом вопросе бургомистр Жюль Анспах был непримирим. К тому же службы безопасности наводили справки о каждом иностранце, проживавшем на территории королевства, в том числе, разумеется, и о коммунарах и обо всех, кто с ними общался и якшался.

Вскоре бельгийская полиция заинтересовалась, что это за пара *zievereirs*[28] — Артюр Рембо и Поль Верлен, всегда такие экспансивные и неразлучные. Её любопытство обострилось после получения из города Шарлевиля письма, в котором некий *господин* Рембо[29] просил служащих королевской полиции разыскать его сына, «покинувшего дом в компании некоего Верлена Поля»{60}.[30]

Сразу было дано распоряжение о расследовании.

Заняться им Управление общественной безопасности поручило инспектору Дильману. Тот навёл в нужных местах справки, на основании которых составил отчёт для начальства. Но в донесении, отправленном им 6 августа, он перепутал адрес проживания Верлена, указав вместо гостиницы «Гранд-отель» по улице Прогресса, 1, гостиницу «Провинция Льеж», расположенную неподалёку, на Брабантской улице за Северным вокзалом.

В результате Рембо и Верлен не попали в полицейскую картотеку королевской полиции, и потому Верлен избежал обвинения в совращении несовершеннолетнего. Тем не менее оба они довольно скоро поняли, что им не стоит засиживаться в Брюсселе в компании коммунаров, и решили продолжить свои похождения по дорогам Бельгии.

Сначала они посетили Малин и осмотрели там готический собор Святого Ромбаута с его единственной башней 125-метровой высоты. Потом, как обычные туристы, отправились в Гент и Брюгге, где провели целую неделю. Но их уже влекли другое направление, другой город и другая страна — Лондон и Англия.

Седьмого сентября они сели в Остенде на пароход, отправлявшийся в Дувр.

Едва судно отчалило, как Рембо уже был зачарован морем, которое видел впервые. Пока они плыли, он сочинил короткое стихотворение с простым названием «Морское».

Медно-серебряные колесницы —

Серебряно-стальные носы судов —
Взбивают пену,
Поднимают кусты терновника.
Зыбкие пустоши
И гигантские колеи отлива
Кругообразно катятся к востоку,
К колоннам леса,
К мачте волнолома,
Об угол которого разбивается светлый водоворот{61}.

В ЦЕНТРЕ ЛОНДОНА

Прибыв вечером 8 сентября 1872 года в Лондон, Верлен и Рембо сразу же отправились на Лэнгем-стрит в мастерскую Феликса Регаме, одного из компании «Скверных парней».

Как и Верлен, Феликс Регаме родился в 1844 году. Обучался в Школе изящных искусств, после чего путешествовал по Америке и Азии, а вернувшись в Париж, сотрудничал в разных газетах и иллюстрированных периодических изданиях, таких как «Занимательная газета» и «Парижская жизнь». Будучи замешанным в деятельности Коммуны, он решил эмигрировать в Англию, страну, где с давних пор ценили юмористические рисунки и карикатуристов. Благодаря своему таланту рисовальщика, тонкому чувству линии и манере, напоминавшей Домье, он вскоре нашёл там работу, публиковал свои рисунки в газете «Иллюстрированные лондонские новости», выходившей большим тиражом.

С Верленом он был знаком уже много лет. Даже был свидетелем на его бракосочетании с Матильдой, состоявшемся 11 августа 1870 года в церкви Нотр-Дам де Клиньянкур, где присутствовали также Луиза Мишель и их общий друг Франсуа Анатоль Тибо, который позднее взял себе литературный псевдоним Анатоль Франс. Но когда Регаме увидел рядом с Верленом Рембо, это ему не понравилось, и у него не было ни малейшего желания приютить эту пару у себя, поскольку он был наслышан о безобразном скандале, который устроил этот грязный задиристый обормот в январе прошедшего года на ежемесячном обеде «Скверных парней». Друзья доложили ему в подробностях об этом событии, которое получило у них название «Дело Каржа»… Тем не менее он сообщил своим гостям адрес подходящего для них жилья — скромной комнаты в доме на Хоуленд-стрит за Тотенхэм Корт-Роуд, которую собирался освободить один из коммунаров, Эжен Вермерш.

Что касается последнего, то он был на год моложе Верлена. Уроженец города Лилля, он происходил из семьи офицера в звании бригадира. В 1863 году Вермерш занялся журналистикой. Он придерживался независимых убеждений и успел дважды отбыть тюремное заключение по обвинению в оскорблении общественной нравственности. После того как он возобновил издание зажигательного листка «Папаша Дюшен», его в 1871 году заочно приговорили к смертной казни. Сначала он скрывался несколько месяцев в Брюсселе, потом в Нидерландах и Швейцарии, после чего поселился в Лондоне, где основал газету

«Кто идёт?», в которой публиковал тексты, призывавшие к насилию и революционному террору. Он пытался также издавать «Газету Вермерша» и «Демократический союз», но безуспешно.

Женившись несколько дней тому назад на очаровательной портнихе, голландке по происхождению, дочери одного из своих печатников, Вермерш был рад возможности уступить комнату *неразлучным* Рембо и Верлену. В отличие от Регаме, он прекрасно относился к обоим, к тому же догадывался, что проповедуемые им бунтарские идеи, во имя которых он пускался во все тяжкие, интересуют и даже увлекают Рембо.

Первые недели в Лондоне стали для Артюра «чем-то вроде оргии открытий и утех»{62}. Он исходил город пешком вдоль и поперёк, прошёл по берегу Темзы район лондонских доков, который пользовался дурной славой. То был, по выражению Вермерша, «гигантский грязевой вихрь», пересекаемый «вавилонскими мостами». Артюр заходил в самые бедные и самые страшные кварталы. Кроме того, любовался памятниками архитектуры и примечательными строениями, такими как Тауэр, Кентерберийский собор, огромный Хрустальный дворец, посещал музеи.

Зашёл он и в недавно открытый Музей восковых фигур мадам Тюссо, который ежедневно и даже ежевечерне привлекал толпы посетителей. В одном из залов этого музея Артюр имел возможность осмотреть предметы, принадлежавшие когда-то Наполеону Бонапарту, в том числе карету, в которой император приехал в Ватерлоо. Француженка мадам Тюссо выкупила её у пруссаков за большие деньги. Не забыл он посетить и *комнату ужасов,* где был выставлен нож гильотины, который отсёк головы Людовику XVI и Марии Антуанетте.

Почти каждый вечер Рембо с Верленом ходили в театр на спектакли по классическим пьесам Шекспира и Шеридана или на английские интерпретации французских оперетт, от которых лондонцы были без ума: «Княгиня Трапезундская» и «Король Морковка» Жака Оффенбаха, «Одноглазый» Эрве, «Сто девственниц» Шарля Лекока. Наведывались они и в мюзик-холлы, где, к их удивлению, посетители танцевали жигу между исполнениями «Боже, храни королеву».

После представлений они любили засесть в каком-нибудь пабе в районе Сохо или в ресторане на Лейчестер-сквер и потолковать с коммунарами, намеревавшимися как можно скорее вернуться во Францию и продолжить там политическую борьбу.

Если дискуссия принимала миролюбивое направление, Вермерш всегда был готов подогреть её новой порцией ударных аргументов. В такие моменты он словно источал яд, не щадя

никого и ничего. Ему поддакивал его друг Проспер Оливье Лиссагаре, который в 1870 году получил известность публикацией своего «Республиканского катехизиса». Состоявший в дружеских отношениях с Карлом Марксом и его дочерью Элеонорой, Лиссагаре начал работу над историей Коммуны, для которой собрал большое количество документов.

Иногда Рембо и Верлен встречались вечером с Камилем Барером, близким другом Вермерша и одним из сотрудников его газеты «Кто идёт?», а также с Людомиром Матушевичем, бывшим полковником французской армии и убеждённым франкмасоном, о котором они не составили себе ясного понятия, так как почти все его высказывания были загадочными, двусмысленными и противоречивыми. Встречались они и с Жюлем Андриё, ещё одним знакомым Вермерша, который был уполномоченным Общественных служб Коммуны, а теперь содержал семью (жену и троих малолетних детей), давая частные уроки по латыни и французской литературе детям из английских буржуазных семей. Он с удовольствием рассказывал, что имел честь наложить арест на имущество Тьера, находившееся в его парижском особняке.

Лондон увлёк Рембо. Больше всего его поразило кипение жизни в этой многолюдной — с населением свыше четырёх миллионов человек (без пригородов), — пёстрой, космополитичной столице метрополии, непрерывное движение карет, кебов, омнибусов, трамваев, проносящихся по гигантским чугунным мостам поездов. Его захватила атмосфера царившей там настоящей свободы, не совсем такой, как в Брюсселе. Например митинги в Гайд-парке, где любой желающий имел право высказать своё мнение, даже выступить с критикой правительства.

Для въезда в Англию не требовалось визы. Правительство Уильяма Гладстона, премьер-министра Её Величества королевы Виктории, не принимало никаких запросов от других государств о выдаче их подданных, находящихся в Британии. Газеты не подвергались никакой цензуре, и журналисты решительно клеймили серьёзные политические ошибки или несправедливости, выводили злодеев на чистую воду.

Рембо вскоре стал замечать, что большинство обосновавшихся в Лондоне коммунаров, как и те, с которыми ему приходилось встречаться в Брюсселе, косо на него поглядывают, а его любовная связь с Верленом вызывает негодование и осуждение. Порою это была откровенная неприязнь… Он решил, что ему, по-видимому, вредит тот факт, что сам он не был участником Коммуны, не отстаивал её дело с пером или оружием в руках.

К тому же до него дошли тревожные слухи о том, будто в места, посещаемые французскими изгнанниками в Лондоне, проникли оплачиваемые Тьером доносчики и шпионы, которые не остановятся ни перед чем, чтобы насильно и тайком от британских властей вернуть коммунаров на родину… И якобы Людомир Матушевич был одним из этих шпионов…

Вместе с тем и в жизни самой *четы* поэтов не всё ладилось, и те небольшие деньги, что были у Верлена, когда они высадились в Англии, подходили к концу.

Найти какую-нибудь работу?

У Рембо не было к тому ни малейшего желания, и он предоставил Верлену искать занятие, которое давало бы средства к существованию. Что-нибудь вроде журналистики, частных уроков французского, переводов для какой-нибудь коммерческой фирмы. Артюр был к этому вполне равнодушен. Так же равнодушно он отнёсся к признанию Верлена в том, что тот написал его матери в Шарлевиль письмо, в котором поведал ей о своих стычках с Матильдой и имел нахальство попросить денег.

Но Артюру всё труднее становилось переносить бесконечные сетования Верлена на жену, которая подала в парижский суд на развод, а заодно и жалобы на госпожу Моте де Флёрвиль. По его словам, обе они повсюду распространяют о нём клеветнические измышления с целью повлиять на суд, чтобы он назначил ему выплату в их *пользу* непомерно больших алиментов. Кроме того, родители Матильды якобы злонамеренно отказываются переслать ему его личные вещи, оставленные в доме на улице Николе. Там были одежда, картины, гравюры, рисунки, письма, фотографии… и кипа рукописей. Среди них великолепная авторская копия «Духовной охоты», которую Рембо доверил ему в 1871 году. Кто может поручиться, что все эти тексты не будут уничтожены?

Тщетно Артюр упрекал Верлена в трусости, в том, что он ведёт себя как мелкий буржуа. Ничто уже не могло разрядить ситуацию, вернуть пережитые ими лучшие моменты, когда они вдвоём странствовали по Бельгии, «питаясь вином пещер и бисквитами дорог»{63} и для них ничего не существовало кроме их *тщеславия дикарей.*

В конце ноября Артюр принял важное решение — оставил Верлена с его дилеммами, слезами, вечными вздохами и вернулся в Шарлевиль к матери. На голове у него был цилиндр, как у порядочного английского буржуа.

Для госпожи Рембо это возвращение блудного сына стало большим облегчением. Она, конечно, поведала ему о том, что ей пришлось пережить во время его долгого отсутствия, и рассказала, что даже ездила в Париж к госпоже Матильде Верлен,

чтобы та объяснила ей, что происходит. Поездка эта, по её словам, мало что дала, поскольку молодая женщина и её родители отнеслись к ней неприязненно, если не сказать прямо враждебно.

Уже через несколько дней Артюр начал сожалеть о своём внезапном возвращении, поскольку Шарлевиль показался ему таким мелким и буржуазным в сравнении с Лондоном. К тому же немецкая оккупация города ещё не закончилась, начиная с пяти часов пополудни улицы пустели, а величественная и почтенная Герцогская площадь приобретала зловещий вид, словно она досталась призракам и её пересекали вереницы теней. Артюр повидал Делаэ и Бретаня, от которых узнал, что в сентябрьском выпуске «Литературного и художественного возрождения» напечатано его стихотворение «Вороны». Он был рад возможности выпить и поболтать с ними, но у него возникло странное ощущение, что они уже не такие, как прежде.

А может быть, сам он изменился, повзрослел к восемнадцати годам, стал более зрелым, чем бесчисленные *настоящие* взрослые?

Покуда Артюр размышлял над вопросом, что ему делать дальше, в январе 1873 года пришло письмо от Верлена. Тот уверял его, что никогда не был так несчастен, как теперь, что без него он жестоко страдает, *умирает* от тоски, скуки и одиночества. Короче говоря, он умолял Артюра немедленно его спасти.

И тогда Рембо понял, что скучает по своему другу, любовнику, любимому поэту, своему *инфернальному супругу,* скучает безмерно. Благодаря небольшой сумме денег, полученной от матери Верлена, которая была извещена о том, что её сын находится в состоянии глубокой депрессии, Артюр в середине января, к великому огорчению госпожи Рембо, вернулся в Лондон.

Однако, явившись на Хоуленд-стрит, он с удивлением застал там мать Верлена, которой тогда было шестьдесят четыре года, и одну из его племянниц, Викторину Дэе. Обе женщины спешно прибыли к постели своего дорогого, обожаемого Поля, полагая, что он находится в агонии. Но Поль вовсе не был похож на *умирающего.* И даже на больного. Он казался скорее переутомлённым, измученным неспособностью справиться со своими семейными проблемами, своими импульсивными и противоречивыми побуждениями, с полчищем своих желаний.

Совместная жизнь Верлена и Рембо возобновилась. Теперь, правда, Артюр смирился с необходимостью работать. Не то чтобы надрывать себе жилы, нет. Всего-навсего несколько часов в неделю давать уроки французского нескольким ученикам. К тому

же это был отличный способ продвинуться во владении языком Шекспира. С этой же целью в марте он записался в читальный зал библиотеки Британского музея, самого большого в мире книгохранилища, что на Грейт Рассел-стрит.

Он ходил туда регулярно и на первом этаже здания нередко встречал Проспера Оливье Лиссагаре, известного журналиста-коммунара. Там Артюр читал англосаксонских авторов, большинство произведений которых не были переведены на французский — Томаса Уильяма Робертсона, Уильяма Теккерея, Джорджа Элиота или Алджернона Чарлза Суинберна, произведения которого в стилистике прерафаэлитов[31] — пусть даже тонкости английского языка были ему пока недоступны — он ценил, как и стихи политического содержания. Читал он и Карла Маркса, но уже по совершенно иным мотивам.

При всём том ему отказали в выдаче произведений *божественного* маркиза де Сада, для чего требовалось специальное разрешение. Артюр не знал, где и у кого его можно получить. Он решил, что обойдётся без маркиза де Сада, ограничившись тем, что сам вообразит содержание его книг.

ЖЁНКА

С некоторых пор Артюр вернулся к сочинительству. Теперь это были в основном короткие тексты в прозе или верлибры в духе Бодлерова «Парижского сплина», для большинства возможных читателей малопонятные. В этих писаниях визионера и ясновидца несколько путано, но притом явственно проступает «навязчивая идея бегства далеко, за моря»{64} и различимы некоторые особенности «современного варварства». Автор называл это «озарениями». Он громко и твёрдо заявлял, что они случаются вдалеке от проторённых путей. Многие их признаки свойственны Лондону, например в образах мостов. Одни из них «прямые» и «изогнутые», другие спускаются или подходят «под углом к первым», а ещё есть такие, что «поддерживают мачты, сигнальные огни, зыбкие ограждения».

В заметках «Города» Рембо рисует некий парящий, фантастический, почти сказочный Лондон, словно описывает какой-нибудь причудливый рисунок Гранвиля, и поэтому осознанно употребляет в названии слово «город» во множественном числе.

«Официальный Акрополь доводит до крайности самые грандиозные концепции современного варварства. Невозможно передать этот матовый свет, нисходящий с неизменно серого неба, этот имперский блеск строений и вечный снег под ногами. Все чудеса классической архитектуры воспроизведены с особым преувеличением. Я словно нахожусь на выставке живописи в помещении, двадцатикратно превышающем по площади Хэмптон-Корт[32]. И что за живопись! Какой-то норвежский Навуходоносор выстроил ступенчатое здание министерств; даже мелкие служащие, которых мне довелось там встретить, похожи на каких-нибудь брахманов, а один только вид хранителей этих колоссов и чиновных лиц внушает трепет. Расположение зданий по сторонам площадей, дворов и замкнутых террас вытеснило из этих мест кучеров. Парки являют собой дикую природу, подвергшуюся искусной обработке. В дорогих кварталах встречаются необъяснимые вещи: какой-нибудь морской рукав без кораблей катит своё голубое толчёное стекло между набережными, обставленными гигантскими светильниками. Короткий мост ведёт прямо к потайной двери, что под собором Сент-Шапель. Собор этот — художественно исполненная стальная махина около пятнадцати тысяч футов в диаметре»{65}.

Дальше в том же тексте он сравнивает Лондон с «цирком, построенным в едином стиле» с «галереями и аркадами», с

«лавками», в которых разыгрываются «довольно тёмные драмы»{66}.

Верлен, познакомившись с этими «озарениями», надул губы. Он не считал, что Рембо в самом деле перечеркнул общепринятые правила поэтического искусства, о чём не преминул ему сказать. Тот в ответ заявил, что будет продолжать следовать путём, по которому, как он в том уверен, никто до него ещё не ходил, и намерен *изобретать* новые тексты такого же рода. У него, дескать, в голове ещё много тем: детство, юность, скитания, бессонные ночи, бесчисленные звуки предместий, празднества, лирические сцены и всё, что рождает «моменты жизни».

То были сугубо литературные расхождения. Ничего личного. Во всяком случае, в сравнении с их острыми эмоциональными спорами, которые вновь, как и прежде, вспыхивали между ними по поводу Матильды.

Кончится ли когда-нибудь эта жалкая, заурядная комедия нравов?

Четвёртого апреля Верлен, уверенный в том, что сможет убедить жену отказаться от судебного процесса, внезапно оставил Лондон и взошёл в доках Святой Екатерины на борт парохода, который два раза в неделю ходил до Антверпена со стоянками в Рамсгейте и в голландском порту Флессингюэ. Из Антверпена он рассчитывал отправиться поездом в направлении Брюсселя, потом Намюра и Седана, куда надеялся вызвать Матильду.

Оставшись в одиночестве, Артюр успел дать ещё несколько уроков французского, но заметил, что пока ещё недостаточно хорошо знает английский, чтобы претендовать на звание учителя. Не имея больше денег на оплату комнаты на Хоуленд-стрит, он использовал несколько оставшихся у него шиллингов, чтобы тоже вернуться на континент.

Двенадцатого апреля Артюр приехал в Рош, куда его мать переселилась с дочерьми после того, как в её фамильном владении случился пожар, уничтоживший ригу, хлев и конюшню. Сразу по прибытии Артюр начал набрасывать новые тексты. Некоторые из них были всего лишь пробой пера, над другими же он работал с большим тщанием. В стихотворении из пяти александрийских восьмистиший под названием «Воспоминание» он позволил себе поэтическую вольность: строки, когда с них не начиналась фраза, писал со строчной буквы.

Вскоре Артюр стал задумываться над тем, что он будет делать в этой беспросветной сельской глуши, в сравнении с которой даже город Шарлевиль, Чарлзтаун на английский манер, с его публичной библиотекой, книжными магазинами и кафе, похож почти на столицу. Об этом он упомянул в одном из писем к

Эрнесту Делаэ.

«Какая срань! что за невинные чудища эти крестьяне! Вечером, чтобы немного выпить, надо прошагать два льё и больше. *Mother* запихнула меня в жуткую дыру. Не знаю, как, но я из неё выберусь. С тоской вспоминаю даже ужасный Шарлевиль, вселенную[33], библиотеку и проч. Всё же я регулярно работаю, пишу небольшие рассказы в прозе под общим названием “Языческая книга” или “Негритянская книга”. Получается глупо и невинно. О, невинность! невинность, невинность, невин… наказание! <…>

Больше нечего тебе сказать, меня целиком поглотило созерцание природы. Я весь твой, о природа, о мать моя! <…>

Я здесь всего лишён. Книги, кабаре мне недоступны, на улице никаких происшествий. Что за мерзость эта французская деревня! Моя судьба зависит от этой книги, для которой ещё потребуется полдюжины ужасных историй. Как здесь изобретать ужасы. <…>»{67}.

В самом деле, как тут быть? Как спастись от этого *наказания*?

Парадоксальным образом избавление вновь пришло от Верлена.

Опасаясь ареста на французской территории секретными службами Тьера за свои, получившие известность как в Бельгии, так и в Англии, связи с коммунарами, Верлен не рисковал пересекать границу. Он остановился у своей тётки по отцовской линии в Ехонвилле, небольшом местечке в бельгийской провинции Люксембург. Оттуда и отправил известие Артюру. Он предложил ему встретиться в Буйоне, или в Больоне, как писал это слово на итальянский манер. Этот приятный городок, когда-то укреплённый Вобаном[34] и прозванный Жемчужиной Семоа[35], находится недалеко от Шарлевиля и от Роша. Что касается места встречи, то Верлен указал гостиницу «Арденнскую», которая была известна своим хорошим рестораном.

Недолго думая и не взвешивая все «за» и «против», Артюр откликнулся на призыв. В течение недели он совершил несколько поездок из Шарле — виля в Буйон поездом до Седана, а оттуда — в почтовом дилижансе. Один раз он ехал туда даже в компании Делаэ, другой раз — с Бретанем. Эти поездки улучшили его настроение, и у него вновь возникло желание жить вместе с Верленом.

Двадцать пятого мая оба поэта поехали в Льеж, где с живым интересом осмотрели памятники архитектуры и провели ночь в одной из гостиниц вблизи станции Гийомен. На следующий день они были в Антверпене, где сели на пароход компании «Грейт

Истерн Рэйлуэй», идущий на Харич. Это был более долгий маршрут с континента в Англию, чем на других линиях, где переход занимал пятнадцать часов. Вновь Артюр был покорён зрелищем морской стихии, «мощным набегом течения», «невиданным освещением»{68} моря близ устья Шельды.

Приехав поездом в Лондон, они сняли комнату в доме 8 на Грейт Колледж-стрит, длинной улице в районе Кемден, где канал Риджент тянется на север британского Вавилона, к парку королевы Виктории. Квартал этот, где, кстати, обитал Эжен Вермерш, напоминал им Брюссель.

Они совокуплялись как голубки. Они были счастливы. Так как Верлен получил от своей матери и от тётки некоторую сумму денег, они имели возможность делать выходы в город, посещать театры и мюзик-холлы, пабы и модные ночные клубы, обедать и ужинать в ресторанах, хотя и не были в восторге от английской кухни. Они даже присутствовали на церемонии, организованной в Лондоне по случаю приёма королевой Викторией персидского шаха.

Но за беспечность приходится платить, и вскоре, чтобы обеспечить себя самым необходимым, они вынуждены были отказаться от излюбленных развлечений и снова давать *англичанам* уроки французского языка. Они попытались также писать статьи для лондонских газет. Заработки их были минимальными, но позволяли, по крайней мере, не впасть в нищету.

Эти трудности разбудили их прежние ссоры. Они без конца обменивались упрёками и оскорблениями, всё больше убеждались в том, что их решение снова перебраться в Лондон оказалось неудачным, что им надо было остаться в Больоне, вдали от суеты мегаполисов. Они даже дрались, иной раз хватаясь за ножи.

Теперь они спорили ежедневно, и при этом Верлен не переставал плакаться. Он то и дело возвращался к своим семейным неурядицам, неизменно сводил разговор к Матильде, чьё отношение к нему как к какому-нибудь зачумлённому он упорно отказывался понимать. Он не раз говорил о намерении покончить жизнь самоубийством в случае, если его жена, разумеется, по наущению своих гнусных родителей, и дальше не будет обращать внимания на его просьбы. Напившись допьяна, он сквернословил и нёс околесицу.

Это особенно раздражало Артюра. Он видел, что связался с какой-то бабой в мужском обличье, размазнёй, тряпкой.

Словом, просто *жёнка.*

Пятого июля, когда тот пришёл с утреннего базара с селёдкой, завёрнутой в старую пожелтевшую газету, и бутылкой

растительного масла под мышкой, Артюр уже не мог сдержаться. Он вдруг громко захохотал, а потом выпалил: «Эй, жёнка! Какой же у тебя мудацкий вид с этой рыбиной и бутылкой!»{69}

Против всякого ожидания, тот, кого он назвал *жёнкой,* резко повернулся, поспешно взял что-то из своих личных вещей, запихнул в чемодан, вышел из комнаты, сбежал вниз по лестнице и, выйдя на улицу, быстро скрылся за углом.

Артюр, постояв немного в нерешительности, бросился вслед за ним, однако не догнал. Но был уверен, что знает, куда Верлен направился со своим чемоданом: в сторону доков Святой Екатерины, что рядом с Тауэром.

И действительно, когда он к полудню дошёл до пристани, то увидел Верлена, облокотившегося о борт судна. Он замахал ему руками, давая знак вернуться, но безуспешно. Так он стоял и смотрел на удалявшийся от причала под рёв сирен пароход…

Вернувшись на Грейт Колледж-стрит, Рембо обнаружил, что Верлен не успел взять свои рукописи и книги. Он тут же написал ему послание:

«Вернись, вернись, дорогой, единственный друг, вернись. Клянусь тебе, я буду вести себя хорошо. Если я поступал по отношению к тебе скверно, то это только из-за того, что у меня дурная привычка шутить, и я даже не могу выразить, как в этом раскаиваюсь. Вернись, всё будет забыто. Какое несчастье, что ты принял всерьёз эту шутку. Вот уже два дня я всё время плачу. Вернись. Будь смелым, дорогой друг. Ничто ещё не потеряно. Тебе надо только повернуть обратно. И мы опять здесь смело и спокойно заживём. Я тебя умоляю. Для тебя же будет лучше. Вернись, тут всё твоё осталось. Надеюсь, ты теперь понимаешь, что в наших спорах не было ничего стоящего внимания. Какой страшный момент я пережил! А ты, когда я тебе подавал знак сойти с корабля, почему ты не захотел? Мы прожили с тобой вдвоём два года и дожили до такого часа! Что ты собираешься делать? Если ты не хочешь возвращаться сюда, то хочешь, я приеду туда, где ты теперь?

Да, это я виноват.

Ты ведь не забудешь меня?

Нет, ты не сможешь меня забыть.

Что до меня, то ты всегда со мной.

Ответь своему другу, нам что, уже не жить вместе? Будь смелым. Ответь мне скорее. Я здесь не могу больше оставаться. Слушайся только своего сердца.

Скажи скорее, ехать ли мне к тебе.

Твой на всю жизнь.

Рембо»[{70}].

На следующий день он повторил свой призыв в отрывистом письме, ставшем постскриптумом к вышеприведённому. Он писал, что это будет «преступление», если Верлен не вернётся, если он и впредь будет думать, что жизнь его станет лучше с кем-нибудь другим помимо него, особенно с Матильдой, от которой ничего хорошего ему ждать не приходится. Он признал, что был неправ, что ему не следовало насмехаться над ним, а его приступы гнева были «фальшивыми». Он клялся, что «впредь будет более внимательным» к его чувствам. И добавлял: «Только со мной ты можешь быть свободным; <…> вспомни, каким ты был до нашего знакомства. <…> Единственное, в чем правда, — вернись, я буду с тобой, я тебя люблю, ты проявишь смелость и искренность. Иначе — мне тебя жаль»[{71}].

В глубине души у него были сомнения. Что-то ему подсказывало, что в Лондоне он Верлена больше не увидит.

ДВА ВЫСТРЕЛА В БРЮССЕЛЕ

От миссис Смит, хозяйки комнаты в доме 8 на Грейт Колледж-стрит, Рембо узнал, что Верлен, высадившись в порту Антверпена, отправился поездом в Брюссель, где, как обычно, остановился в гостинице «Гранд-отель». Артюр тут же отправил письмо по этому знакомому ему адресу, снова предлагая Верлену немедленно вернуться в Лондон, где он хранит «в надёжном месте» его книги и рукописи. Это будет — он повторил выражение из своего письма от 6 июля — «признаком смелости». Со своей стороны, он вновь ему обещал следить за своим поведением и быть «очень покладистым»[{72}].

В ответ Рембо получил короткую телеграмму. Верлен приглашал его присоединиться к нему и дал понять, что намерен поступить волонтёром в войска дона Карлоса испанского.

Ночью 8 июня Артюр приехал в Брюссель. В «Гранд-отеле», куда он сразу же явился, ему сказали, что Верлен переселился в гостиницу «Виль-де-Куртре», что на небольшой и довольно тёмной улице Пивоваров недалеко от Гран-Пляс. По какой причине он это сделал, ему не объяснили. Сказали только, что накануне в гостинице появилась пожилая женщина, после чего клиент вместе с ней собрал свой багаж.

Что за женщина?

Мать Верлена или его тётка из Ехонвиля, срочно доставившая племяннику деньги? Если только это не мать самого Артюра, которая по неведомо каким причинам приехала в Брюссель из Шарлевиля…

Вопрос этот занимал его, пока он шёл в сторону Гран-Пляс самым коротким путём: через Северный бульвар, улицу Волчий Капкан, на которой жил приятель Жоржа Изамбара Поль Дюран, площадь Деламонне, улицу Фрипье и улицу О-Бёрр. Когда он подходил к гостинице «Виль-де-Куртре», перед ним предстали мать Верлена и опиравшийся на её руку сын. Увидев Артюра, женщина выкатила глаза и побледнела.

Оба оставались на прежних позициях: Верлен со своими горькими сетованиями, Рембо со своим упрямством.

Тем не менее в одном они сходились, — в том, чтобы пойти куда-нибудь опорожнить несколько кружек пива, нализаться в какой-нибудь из окрестных пивных. Конечно, без участия госпожи Верлен.

На Гран-Пляс и вокруг неё недостатка в подходящих вывесках не было. Например, расположенная менее чем в сотне метров от них гостиница «Дом Пивоваров», куда они не раз захаживали ещё

в прошлом году. Посидев там некоторое время, они пошли на площадь Деламонне в «Тысячеколонное кафе», большой зал которого декорирован в стиле ампир. То было место, где обычно собирались брюссельские художники, и первое в бельгийской столице заведение с газовым освещением. Рембо с Верленом просидели там несколько часов кряду и вышли уже к середине ночи крепко навеселе.

На другой день Рембо бесцельно прогуливался по улицам Брюсселя. В голове у него мелькали слова, какие-то обрывки фраз. Вечером, вернувшись в гостиницу, он поспешил записать их на бумаге. Стихотворение известно под названием «Голод»:

По вкусу мне каменья,
Земля, руда, поленья,
Питаюсь дуновеньем
Ветров и птичьим пеньем.
Мой голод, занеси
В концерт лугов
Тоску и дрожь осин
И злость вьюнков.
Глотай соборов старый камень
И дробный щебень под ногами,
Глотай потопов давних грязь —
Хлеба долин, что спят веками!
Под дубом волк давился дичью,
Плевался перьями, рычал,
А я собою как добычей
Кормиться начал сгоряча.
Уже салаты и плоды
Созрели в самый раз для сбора,
А паучок свои труды
Вознаградил нектаром флоры.
Я сплю! Я в храме Соломона
Крутым вскипаю кипятком,
Стекающим в струи Кедрона[36]
По ржавой памяти веков{73}.

Артюр хотел, чтобы Верлен высказал ему своё мнение об этом стихотворении, сделал его критический разбор. Сам он полагал, что оно слишком невнятно по смыслу и затянуто. Но Верлен ответил, что ему сейчас не до того, — настолько его занимают отношения с Матильдой. Не свести ли счёты с жизнью — вот о чём он теперь постоянно думает. Кроме того, он сообщил Артюру, что неподалёку в галереях Сент-Юбер он приметил оружейный

магазин и собирается купить там себе огнестрельное оружие…

Десятого июля, проснувшись в комнате на втором этаже гостиницы «Виль-де-Куртре», Рембо удивился, что в постели рядом с ним нет Верлена. Он постучал в соседнюю комнату, где располагалась мать его компаньона, но та не могла дать ему никакого объяснения.

На улице стояла жара, какая редко случается в Брюсселе даже летом.

В такое время трудно заниматься сочинительством.

Ближе к полудню в комнату вошёл Верлен. Он выглядел перевозбуждённым. По всей видимости, он был пьян. Не говоря ни слова, он вынул из кармана револьвер в лакированной кожаной кобуре и гордо показал его Артюру. Он сказал, что это шестизарядный семимиллиметрового калибра револьвер превосходного качества. Ещё он показал ему коробку с полусотней патронов. После этого он повёл Рембо обедать в «Дом Пивоваров» на Гран-Пляс. Там они выпили несколько кружек фаро и поговорили о своих литературных замыслах: Верлен — о сборнике стихотворений, который он назвал «Романсами без слов» и надеялся вскоре опубликовать; Рембо — о «языческой» книге, несколько страниц которой он уже набросал в Лондоне и начало которой начал тут же читать с листа, извлечённого из кармана:

«Когда-то, если я хорошо запомнил, жизнь моя была каким-то праздником, когда мне открывались все сердца и для меня текли все вина.

Однажды вечером я усадил себе на колени Красоту. —

И я нашёл её горькой. —

И оскорбил её.

Я вооружился против справедливости.

Я обратился в бегство.

О, колдуньи, о, нищета, о, ненависть — вам доверено моё сокровище.

Мне удалось в воображении добиться расцвета всех людских чаяний. На всякую радость я напустил свирепого зверя, чтобы он задушил её.

Я позвал палачей, чтобы, погибая, перегрызть приклады их ружей. Я призвал напасти, чтобы погасить песком свою кровь. Несчастье было моим богом. Я валялся в грязи. Меня обсушил воздух преступления. И я заигрывал с безумием»{74}.

Когда через полтора часа они вернулись в гостиницу, между ними возобновились ссоры.

Словом, затянулась всё та же тоскливая старая песня.

И Рембо её резко оборвал.

Как ужаленный, он бросился в соседнюю комнату к госпоже Верлен и потребовал от неё двадцать франков — столько стоил проезд из Брюсселя в Париж в вагоне третьего класса. Он кричал, что не оставит её в покое и не уедет, пока она собственноручно не выдаст ему эту сумму. И клялся, что от этого не отступится.

Тогда Верлен схватил его за плечи, утащил в их спальню и запер дверь на ключ.

Артюра это не остановило. Он был намерен уносить ноги. Сесть на Южном вокзале в первый же поезд на Париж. И немедленно. Он с усмешкой говорил, что ему до смерти надоело жить с таким жалким типом, вечным плаксой. Он осыпал друга оскорблениями.

Реакция Верлена оказалась импульсивной. Он схватил свой револьвер, *ривольвиту,* как он его называл, и дважды выстрелил в Артюра. Первая пуля попала ему в левое запястье, вторая, чуть задев его, упала на пол.

Раненый, вскрикнув от боли, рухнул рядом с кроватью. Зажав запястье, из которого текла кровь, и морщась от боли, он жалобно стал звать на помощь. И ему послышалось, что кто-то громко стучит в дверь.

Потом он увидел, как госпожа Верлен склонилась над ним и осматривает его раненую руку. Она успокоила его, сказав, что ранение несерьёзное, но всё же надо, чтобы его осмотрел врач. Верлен, отчасти осознавший, что происходит, упомянул больницу Святого Иоанна напротив Ботанического сада, в котором рискнул появиться во время своего предыдущего приезда в Брюссель. Он сказал, что это самая современная и большая больница в городе. До неё можно дойти, как он считал, по улице Пашико.

Поддерживаемый госпожой Верлен и своим обидчиком, Артюр минут за двадцать по жаре туда добрёл. Очень скоро им занялся врач, которому он рассказал что-то про несчастный случай, который произошёл с ним, когда он чистил своё огнестрельное оружие. По счастью, подробностей у него выяснять не стали. Ему обработали рану, наложили повязку, сказали, что извлекать пулю будут через два или три дня, и отпустили.

В вестибюле больницы он заявил поджидавшим его Верлену и его матери, что всё так же твёрдо намерен ехать в Париж. В гостинице «Виль-де-Куртре», где он ненадолго задержался, чтобы собрать свои вещи, ссоры разгорелись с новой силой. Госпожа Верлен положила им конец, вручив Артюру двадцать франков на проезд.

И вот все трое отправились по улицам Ломбар и Южной на Южный вокзал.

Верлен был в полном отчаянии.

Вдруг на подходе к площади Рупп он встал перед Артюром и сказал, что хочет пустить себе пулю в лоб. И уже опустил руку в карман.

Решив, что Верлен собирается вытащить свою *ривольвиту* и снова в него выстрелить, Артюр резко увернулся и побежал к ближайшему постовому. Тот оказался агентом Второго отделения городской полиции, носившего, по иронии судьбы, имя Мишель, как и та служба, что занималась делами *поджигателей.* Рембо заявил ему, указав пальцем на Верлена, неподвижно стоявшего на обочине тротуара, что ему угрожает этот человек.

Всю троицу препроводили в помещение центрального комиссариата на улице Амиго. Ешё одна ирония судьбы: окна этого здания выходили почти прямо на гостиницу «Виль-де-Куртре».

Рембо, Верлен и его мать были по очереди допрошены помощником комиссара по имени Йосеф Делхалле, молодым ещё человеком, не имевшим большого служебного опыта. Каждый из троих излагал свою версию случившегося. Ни одна из них не была благоприятной для Верлена: у него был револьвер, купленный в галереях Сент-Юбер; налицо была ещё совсем свежая рана Рембо; были показания постового и нескольких свидетелей, очевидцев происшествия на площади Рупп. Словом, улики против Верлена были серьёзные.

В протоколе, составленном по этому случаю, Йосеф Делхалле отмечал:

«Исходя из этих заявлений, мы опросили господина Верлена Поля, каковой показал, что он приехал в Брюссель четыре дня тому назад в состоянии безнадёжного отчаяния, что он знаком с Рембо более года и жил вместе с ним в Лондоне, что он оставил его четыре дня тому назад, чтобы поселиться в Брюсселе с целью быть поближе к своим делам, относящимся к его разводу с женой, проживающей в Париже, каковая утверждает, что у него безнравственные отношения с Рембо; что он писал жене, что если она не вернётся к нему в течение трёх дней, он выстрелит себе в голову, и с этой целью он купил себе утром в пассаже галерей Сент-Юбер этот револьвер с кобурой и коробкой с патронами на сумму в 23 франка; по приезде в Брюссель я получил письмо от Рембо, который просил меня вернуться к нему, и я послал ему телеграмму, в которой сообщил, что жду его, и два дня тому назад он приехал; сегодня я чувствовал себя несчастным, он хотел меня оставить, я поддался приступу безумия и выстрелил в него, он в тот момент не подал на меня жалобу; с ним и моей матерью мы вместе пришли в больницу Святого Иоанна, чтобы сделать ему перевязку, мы возвращались оттуда вместе; Рембо хотел любой

ценой уехать, моя мать дала ему 20 франков на дорогу, и когда мы провожали его на вокзал, он заявил, что я хотел его убить»[{75}].

В тексте протокола Йосеф Делхалле подчеркнул красным карандашом фразу — «каковая утверждает, что у него безнравственные отношения с Рембо» — и на полях пометил её вертикальной красной чертой.

Верлен, признавший, что он «поддался приступу безумия», был взят под стражу по обвинению в нанесении огнестрельных ранений и тут же помещён в тюремную камеру центрального комиссариата. В Брюсселе это заведение называлось Амиго — по названию улицы, на которой оно располагалось, и одновременно старого арестного дома, построенного ещё во времена испанской оккупации.

Что до Рембо и госпожи Верлен, то им предложили вернуться в гостиницу и, в соответствии с принятой в таких случаях формулой, оставаться в распоряжении полиции.

ДУРНАЯ КРОВЬ

На следующий день, 11 июля, Рембо вновь пришёл в больницу Святого Иоанна, где ему сделали новые процедуры. В те времена денег за них с пациентов не брали. Вернувшись в гостиницу «Виль-де-Куртре», Артюр получил повестку с требованием явиться в тот же день к следователю брюссельского округа Теодору т'Серстевенсу, чиновнику придирчивому, большому законнику. Попасть к нему на прием Артюр смог только на следующее утро.

Он рассказал следователю, как «примерно два года тому назад» он встретил Верлена в Париже, почему и при каких обстоятельствах они вдвоём поехали в Лондон и как после их приезда в Брюссель его друг, «словно безумный», навёл на него револьвер, дважды в него выстрелил и первая пуля попала ему в запястье левой руки. Эту пулю хирурги ещё не извлекли, и один врач сказал ему во время его первого прихода в больницу, что «её можно будет извлечь только через два или три дня».

Под конец, когда следователь спросил его, не знает ли он «причину размолвки Верлена с женой», Артюр ответил: «Верлен не хотел, чтобы его жена оставалась жить в доме своего отца». А на вопрос: «Не упрекала ли она его в близости с вами?» — он ответил: «Да, она даже обвиняла нас в порочной связи. Но я не считаю нужным опровергать подобную клевету»{76}.

На следующей неделе Рембо снова был вызван к Теодору т'Серстевенсу. Тот в промежутке между двумя встречами с Рембо времени даром не терял. Он допросил госпожу Верлен, имел разговор с управляющим гостиницей «Виль-де-Куртре» и тщательно обследовал комнату, в которой Верлен «поддался приступу безумия». Повидал он и торговца-оружейника из галерей Сент-Юбер, и врачей в больнице Святого Иоанна, где попросил, чтобы провели углублённый телесный осмотр задержанного, которого несколько дней тому назад перевели из Амиго в Дом гражданской и военной безопасности города Брюсселя — тюрьму Пети-Карм на улице того же названия.

«1. Пенис короткий и мелкий — головка крайне мала и сужена в конце — основание головки сглажено. 2. Анус довольно сильно растягивается при умеренном разведении ягодиц, раскрываясь примерно на глубину в один дюйм — это движение образует широкую воронку, по форме напоминающую шишку, усечённая вершина которой обращена внутрь. Складки сфинктера не повреждены и не имеют следов прежних повреждений.

Способность к сокращению остаётся *близкой* к норме. Из

осмотра следует, что на теле П. Верлена присутствуют свидетельства активной и пассивной педерастии.

Те и другие признаки не столь явно выражены, чтобы можно было заподозрить *старую и закоренелую привычку,* скорее речь может идти о более или менее недавней практике»{77}.

Рембо в присутствии Теодора т'Серстевенса настаивал на своих предыдущих показаниях. Он утверждал, что Верлен хотел помешать ему отправиться в Париж, при этом «ежеминутно передумывал», не мог остановиться «ни на каком решении». «Рассудок у него совершенно помутился, он был пьян, напился уже с утра, что всегда делает, когда за ним нет присмотра»{78}. Ещё Артюр сообщил следователю, что врачи больницы Святого Иоанна извлекли пулю, которой он был ранен, и что, по их мнению, рана эта должна затянуться за два или три дня. И чтобы доказать, что он примерный сын, объявил, что вскоре рассчитывает вернуться во Францию, к своей матери в Шарлевиль.

Но он не знал, что Теодор т'Серстевенс успел осмотреть все его вещи в гостинице и в больнице и нашёл разные бумаги, которые достаточно ясно указывали на характер отношений двух поэтов. Столь же *компрометирующие* документы были обнаружены в портфеле и в багаже Верлена. Среди них было недавнее письмо Артюра, начинавшееся словами «вернись, вернись, дорогой друг», а также *любопытное* стихотворение Верлена под названием «Прилежный ученик», датированное маем 1872 года.

Мне нега и проклятье мне!
Я окружён чужим дыханьем,
О, ужас! Parce, Domine![37]
Какой архангел с содроганьем
Проник глубоко в плоть мою?
Мне кажется, что я в раю…
О, эта чудо-лихорадка
И эта двойственная роль:
Ведь я холоп, и я король,
Я сокол, я и куропатка!
Ревнивец дал мне знак украдкой.
Я здесь, я твой, проказник-тролль!
Ползу к тебе покорный, гадкий!
— Седлай меня могучей хваткой!{79}

Девятнадцатого июля Рембо уточнил свои показания:
«Я, нижеподписавшийся Артюр Рембо, девятнадцати лет от

роду, литератор, проживающий постоянно в Шарлевиле (Арденны — Франция), ради установления истины заявляю, что в четверг 10 числа текущего месяца примерно в 2 часа, когда г-н Поль Верлен стрелял в меня из револьвера в комнате своей матери и ранил меня в запястье левой руки, он был в состоянии такого опьянения, что не осознавал, что делает.

Я глубоко убеждён, что, покупая это оружие, г-н Верлен не имел никакого враждебного намерения относительно меня и не замышлял ничего преступного, запирая нас в комнате на ключ.

Что причиной опьянения г-на Верлена была только мысль о его разладе с госпожой Верлен, его женой.

Я заявляю также, что добровольно предлагаю ему свой полный и недвусмысленный отказ от какого бы то ни было уголовного и гражданского иска против него и отныне отрекаюсь от выгод всякого преследования, которое могло бы быть предпринято судебными властями против г-на Верлена в связи с фактом, о котором идёт речь.

А. Рембо»[{80}].

Рембо объявил о своём отказе от претензий к Верлену без малейших оговорок или какой-нибудь задней мысли. Это было, как если бы он окончательно от него избавился, перевернул важную страницу своей жизни. Словно выстрелы в гостинице «Виль-де-Куртре», этот последний безумный жест, «последний фальшивый звук»[{81}] широко открыли ему дверь в будущее и вернули его к тому, от чего он мог бы никогда не отвлекаться с тех пор, как оставил коллеж, — к сочинительству.

Не будучи более обязанным находиться в распоряжении бельгийского правосудия, Артюр пробыл ещё несколько дней в Брюсселе в комнате на улице Буше, которую снял у одной торговки табаком. Там он для молодого живописца, двадцатилетнего Джефа Росмана позировал в постели, как будто был болен и всё ещё страдал от ранения. После этого он вернулся в Шарлевиль, потом в Рош, где, пренебрегая работой на семейной ферме, сразу же занялся разборкой своих черновиков и сочинением «языческой» книги.

Это были полуавтобиографические, полуфантастические тексты, то резкие, то грубые, то болезненные и патетические. Он сам не знал, появляются ли они из отдалённых глубин его существа или же откуда-то извне, из какого-то неведомого, непроницаемого тёмного мира. Сочиняя их, он думал о их с Верленом «странной семейной паре», о порывах Поля к «бегству от реальности», о их бесконечных опасных стычках, но в то же время у него было странное, необъяснимое ощущение, что перо

его само бежит по бумаге, что он почти машинально бросает на неё слова, фразы, знаки препинания.

Начало монолога «Дурная кровь», первого после краткого предисловия, задаёт общую тональность цикла:

«От моих галльских предков у меня бледно-голубые глаза, узкий череп и неловкость в борьбе. Я нахожу свою одежду настолько же варварской, как и их облачения. Но я не смазываю себе маслом волосы.

Галлы были самыми неумелыми живодёрами и поджигателями травы своего времени.

От них у меня идолопоклонство и любовь к святотатству: — о, все пороки, гнев, сластолюбие — величественное сластолюбие; и особенно лживость и лень. <…>

Но! кто сделал мой язык настолько вероломным, что он привёл и довёл мою лень до этого? Я всюду жил, даже не упражняя ради этого своего тела, был ленивее жабы. В Европе нет семейства, с которым я не был бы знаком. — Я имею в виду семейства, подобные моему, у которых всё держится на Декларации прав человека. — Я знал каждого сына семейства»[82].

Во второй половине августа Рембо вернулся в Брюссель с рукописью своего «блокнота окаянного» — «Одного лета в аду». Он передал её для печати Жаку Поту, хозяину Типографского альянса, что в доме 37 по улице О-Шу. То была одна из многочисленных типографий в районе площади Мартир и улицы Маре, совсем недалеко от больницы Святого Иоанна. Это заведение, издававшее журнал «Судебная Бельгия», когда-то порекомендовал ему Жорж Кавалье, он же Пип-ан-Буа («Деревянная Трубка»), из-за того, что прямо напротив была пивная с таким названием, где регулярно собирались коммунары.

Разумеется, издание будет за счёт автора, — объявил Жак Пот Артюру. Тот не стал спорить, да и Верлен много раз говорил ему, что он издавал «Сатурнические поэмы», «Галантные празднества» и «Добрую песню» тоже за свой счёт.

Печатание «Одного лета в аду» было закончено в октябре. На белой обложке название было набрано заглавными буквами красного цвета. Это была тоненькая книжка формата $^1/_4$ листа, больше похожая на брошюру, так как содержала всего 53 страницы, из которых 17 пустые. Бумага была посредственная, но «в целом всё выглядело недурно»[83], несмотря на отдельные опечатки.

На оплату доставки тиража у Рембо денег не было. Из четырёхсот отпечатанных экземпляров он получил из рук Жака Пота не более дюжины, а остальные тот обещал отправить в

Шарлевиль после оплаты почтовых расходов. Эта дюжина должна была послужить Артюру оправдательным документом для получения скромного места в *службе прессы.*

Свою первую книжку Рембо преподнёс приятелям: Эрнесту Делаэ, Шарлю Бретаню, Жану Луи Форену (он же Гаврош), Жюлю Мри, молодым начинающим поэтам Жану Ришпену и Раулю Поншону, с которыми он когда-то познакомился на ежемесячных ужинах «Скверных парней», и Эрнесту Малло, старому товарищу по коллежу.

Не забыл он и Верлена.

О печальной судьбе своего любовника он узнал со слов Делаэ. После заключения в арестный дом Пети-Карм Верлен за покушение на убийство был приговорён 8 августа судом первой инстанции округа Брюсселя к двум годам тюрьмы. В тот же день он подал апелляцию, но 23 августа суд подтвердил приговор, и Верлена перевели в Хайнаут[38], в тюрьму города Монса, родного города композитора Ролана де Ласюса. По словам Делаэ, Верлен сидел в одиночной камере и привлекался к работам по сортировке кофе. Он относительно неплохо питался, имел возможность переписываться с семьёй и друзьями, а у себя в камере мог пользоваться освещением до десяти часов вечера. К тому же он пытался с помощью своего друга Эдмона Лепелетье найти издателя для своего последнего сборника «Романсы без слов» и уже работал над новыми текстами.

На обороте обложки экземпляра, посланного в Моне, Артюр написал самое лаконичное посвящение: «Полю Верлену» и подпись. Причём не «Артюр», а «А. Рембо».

Но парнасцам и группе благожелательных к ним критиков он экземпляров «Одного лета в аду» давать не стал. Исключение было сделано для Эмиля Блемона, одного из старых «Скверных парней», человека в Париже очень влиятельного, главного редактора журнала Жана Экара «Литературное и художественное возрождение», того самого, где в сентябре 1871 года было напечатано стихотворение Рембо «Вороны».

Однако влиятельный Блемон поостерёгся высказываться о книге. Как и все в этих кругах, он был осведомлён об июльском происшествии в Брюсселе и был скорее на стороне Верлена. Кроме того, он всегда считал Рембо растленным негодяем и совратителем и вовсе не хотел ставить под угрозу свою репутацию публикацией статьи о нём, особенно в газете «Призыв», где его обзоры очень ценились. Да и все его собратья придерживались в этом вопросе того же мнения.

Наперекор такому неблагоприятному, если не прямо враждебному к нему отношению, Артюр в ноябре и декабре

предпринял несколько поездок в Париж и попытался возобновить кое-какие контакты.

Встречали его холодно, его избегали и не замечали. Разве что не плевали в лицо, чтобы он проваливал поскорее и навсегда к себе в провинцию. Один Жюль Мари, подыскавший себе работу в газете «Время», не избегал его.

Однажды вечером Рембо сидел в кафе «Табуре» и к нему подошёл начинающий поэт и живописец Жермен Нуво, с которым он когда-то несколько раз встречался в «Кружке чертыхателей».

Нуво родился в 1851 году в Пурьере в департаменте Вар и вырос в Экс-ан-Провансе. В течение примерно одного года он занимал должность заведующего учебной частью в марсельском лицее, после чего летом 1872 года приехал в Париж, где снял комнату на улице Вожирар, рядом с театром Одеон. Он получил от родственников наследство, имел кое-какие деньги и прожигал их. Его мотовство восхищало друзей, особенно тех, что принадлежали к «Группе живых», — таких, как Леон Валад, Рауль Поншон, Жан Луи Форен или самый близкий его друг Жан Ришпен. Эта группа стала наследницей «Скверных парней».

Нуво был невысок ростом, но «хорошо сложён и довольно красив своими андалусийскими глазами, носом с лёгкой горбинкой, раздвоенной бородкой и длинными волосами»{84}, спадавшими на воротник. Такая внешность нравилась женщинам, к которым он, со своей стороны, не был равнодушен. Успеху его любовных похождений немало способствовал и его средиземноморский выговор.

Очень скоро Рембо был покорён этим молодым человеком. В разговорах с ним Артюр признался, что в начале будущего года хотел бы поехать в Лондон, и предложил составить ему компанию. С какой именно целью он туда собрался? Он не мог дать точного ответа. Возможно, он понял, что между ним и парижскими *литераторами* все мосты сожжены. А может быть, из-за стремления постигнуть какую-то иную жизнь, познать новые миры.

Проведя зиму 1874 года в Арденнах, в лоне семьи, он в конце марта вместе с Нуво отправился в Лондон. Приятели поселились в доме 178 по Стэнфорд-стрит рядом с вокзалом Ватерлоо. Если у Рембо были в Лондоне какие-то точки опоры, то Нуво очень скоро почувствовал, что задыхается в этом мегаполисе, где недостаёт света и повсюду носятся запахи каменного угля и мускуса. К тому же не прошло и недели, как он обнаружил, что деньги у них на исходе.

Чтобы заработать на жизнь, Рембо и Нуво устроились на картонную фабрику Хай-Холборн в центре города. Там им было

поручено вырезать из картона детали для изготовления шляпных коробок. Казалось бы, ничего мудрёного, но эта работа им сразу же опостылела, и они решили давать уроки: один — французского языка, другой — рисования. Увы, объявления, которые они подавали три дня подряд на четырёх языках в газету «Эхо», не нашли отклика. Возможно, им следовало опубликовать их в «Дейли телеграф», у которой был гораздо больший тираж… Или обратиться за содействием к старому бойцу Эжену Вермершу, хорошо знакомому с английской прессой…

Когда Рембо и Нуво не были заняты поисками работы, посещением библиотеки Британского музея (8 августа Рембо вновь записался в её читальный зал) или не сидели в задымлённых пабах Чаринг-Кросса, они поощряли друг друга к сочинительству. Среди рукописей Рембо был текст его «Озарений» — стихов в прозе, которые когда-то несколько озадачили Верлена. Большинство их было написано в 1873 году и, конечно, нуждалось в последней правке. Он полагал, что там есть из чего сделать небольшую книжку. Хотя неудачный опыт с публикацией «Одного лета в аду» не торопил его подыскивать издателя или хотя бы печатника…

И вдруг в июне Нуво, которому надоело их жалкое существование, без предупреждения оставляет Артюра и один возвращается в Париж.

СНОВА ТЕ ЖЕ

Почему Жермен Нуво уехал? Почему никак не объяснил своё решение? Артюр пытался это понять, но не мог. Одно ему было ясно, — что, быть может, впервые в жизни он почувствовал себя покинутым, и ему было трудно это перенести. Кто знает, ладил ли он с Нуво и было ли общение с этим ранимым и легковерным, искренним и непредсказуемым провансальцем так уж ему приятно, помогало ли оно ему отвлекаться от мрачных мыслей?

Будто пытаясь прервать полосу неудач, Рембо срочно переселился в меблированную комнату на Лондон-стрит поблизости от Хоуленд-стрит, на которой он жил с Верленом в сентябре 1873 года. Он написал матери письмо с просьбой прислать ему денег, если только она не пожелает сама приехать в Лондон и собственноручно передать их сыну. При этом он сообщил ей, что болен и должен лечиться в больнице. И хотя он в этом не признался матери, на самом деле ему не хватало человеческого тепла, и он знал, что может найти его у своих родных. Он тем более в этом нуждался, что бывшие коммунары Эжен Вермерш и Проспер Оливье Лисагаре упорно его избегали.

Шестого июля госпожа Рембо с дочерью Витали, которой тогда было семнадцать лет, прибыли на вокзал Чаринг-Кросс и сняли комнату на четвёртом этаже дома на Арджил-сквер рядом с Кингс-Кроссом.

Встреча с близкими приободрила Артюра. Как опытный гид, он водил мать и юную сестру по центру Лондона и показывал им многочисленные памятники и достопримечательности британской столицы: здание парламента с его красивыми золочёными башнями, собор Святого Павла, дворец герцога Нортумберлендского, казарму королевской гвардии, театр Альгамбру, напротив которого возвышается высеченная из одного блока белого мрамора статуя Шекспира, а ещё открытый в 1871 году на берегу Темзы Альберт-холл, который он упомянул в своём тексте «Города», называя его там «собором», «художественно исполненной стальной махиной около пятнадцати тысяч футов в диаметре», а также любопытную подземку…

Он водил их и во многие музеи, в том числе в Британский музей, где он долго созерцал останки царя Абиссинии Теодороса Второго и его жены. По вечерам они совершали прогулки в Гайд-парк или Кенсингтон-гарденс. Так как в Лондоне стояла страшная жара, Витали сравнивала эти места с «оазисом» и «райским садом»{85}. При этом она записывала свои впечатления в дневник. 11 июля она отметила, что посетила с братом библиотеку

Британского музея, которая насчитывает три миллиона томов. И её удивило, что туда «допускают дам так же, как и мужчин»{86}. На следующий день она записала:

«Это моё первое воскресенье в Лондоне. В отличие от других дней, не слышно шума экипажей. Погода хорошая, свежо. Я не чувствую, что устала за прошедшие дни. Артюр скучает. Заходили в один протестантский храм. Там почти то же самое, что в католических церквах. Красивые своды, люстры, скамьи и т. п. Мне было так скучно, что я чувствовала, как становлюсь больна. <…> Мы не знакомы ни с кем, кто знает французский, если не считать мест, куда ходит Артюр. Теперь у нас здесь никаких затруднений. Поначалу надо было, чтобы Артюр всегда находился на всякий случай рядом. Он, в самом деле, так хорошо со всем справляется, что с ним нам ни о чём не надо думать. Чувствует он себя намного лучше, но многие советуют ему поехать за город, к морю, чтобы окончательно поправиться»{87}.

Четырнадцатого июля она записала, что страдает от «отчаяния, скуки и тоски» и испытывает «что-то вроде чувства безнадёжности», после чего перешла к совсем другим ощущениям:

«По вечерам мы выходим в город. Я чувствую себя лучше. Артюр держится молодцом: ходим мы не очень далеко. Идём вдоль стен, за которыми постоянно бегут поезда. Тут повсюду закрытые дороги, вокзалы. На обратном пути мы осматриваем подземную железную дорогу. Какое чудо! Поезда беспрерывно проносятся в туннелях под мостами и с какой скоростью! Вагоны всегда заполнены пассажирами, которые намного резвее нас, *проворных* французов. И эта толпа спокойна, деловита и молчалива. Никаких криков, лишних жестов… и т. п.»{88}.

А вот запись от 18 июля:

«Артюр снова отправил объявления о поисках работы. Может быть, теперь он подыщет место. А возможно, в понедельник? Как бы я хотела, чтобы это случилось! Какую удачу принесёт мне понедельник или какую неудачу? Пожалей нас, Господь, не оставь нас»{89}.

Во время этих ежедневных прогулок Витали особенно удивляли проповеди на всех основных перекрёстках города и толпы, которые собирались вокруг проповедников, уважительно их слушали, а в это время присутствующим раздавали благочестивые тексты. Госпожа Рембо, со своей стороны, была очарована богатством магазинов. В одном из них она купила шаль для малышки Изабель, оставшейся в Шарлевиле. Эти хождения по Лондону продолжались три недели.

Двадцать девятого июля Витали записала в дневнике:

«Сегодня к девяти часам утра я собрала все свои вещи, а в это время Артюр, насупленный и нервный, вдруг сказал, что уходит и к полудню не вернётся. Но в десять часов он вернулся и объявил нам, что поедет завтра. Что за новости! Я чуть не задохнулась. Но довольна ли я, что уезжаю, ведь я так ждала этого момента? А теперь мне трудно сказать откровенно; я никак не могу понять, какая заноза колет мне сердце в то самое время, когда я должна была бы радоваться»[{90}].

Через два дня трио разделилось: госпожа Рембо и Витали вернулись на континент, Артюр поднялся на борт брига, который шёл в направлении Скарборо, порта и популярного в Йоркшире места морских купаний, в трёхстах восьмидесяти километрах к северу от Лондона. Благодаря объявлению, которое он поместил в газете «Таймс», ему удалось найти себе место учителя в одном тамошнем богатом семействе. Под впечатлением от той местности он написал стихотворение в прозе «Мыс», изобилующее красочными метафорами и названиями стран и городов: Япония, Пелопоннес, Карфаген, Венеция, Германия, Аравия… Но в Скарборо он не задержался.

В ноябре, опять по объявлению, он перебирается в Рединг, городок в графстве Беркшир у слияния Темзы и Кеннета, где его зачислили преподавателем французского языка и литературы в учебное заведение, управляемое французом по имени Камиль Леклер.

Когда он проработал там полтора месяца, мать известила его письмом, что на него пришла официальная повестка с призывом на военную службу. Так как ему исполнилось двадцать лет, он был записан в план призыва на 1874 год.

Не мешкая, он возвращается в Шарлевиль и сразу же получает от компетентных властей право на освобождение от призыва, согласно одному из положений закона от июля 1872 года, поскольку его старший брат Фредерик был призван в армию Республики сроком на пять лет.

Получив освобождение, он стал думать, что ему делать дальше. Вернуться в Рединг и продолжить там преподавание французского? Но, быть может, теперь, когда ему уже двадцать лет, он заслуживает чего-то большего? Может быть, ему стоит подыскать себе работу в каком-нибудь коммерческом учреждении, желательно в компании, связанной с международной торговлей? Пусть он не получил университетского образования, зато в его пользу говорило знание английского языка, включая даже специальную терминологию, усвоенную из словарей по таким отраслям, как охота, морское дело, спорт, садоводство, геральдика. Все эти термины он тщательно записывал на листах

бумаги. Он сознавал при этом, что, владей он основательно ещё немецким, у него было бы больше шансов наняться в крупную фирму.

Именно с этой целью в середине февраля 1875 года Рембо приехал в Штутгарт, столицу королевства Вюртемберг, вассала Пруссии. Там он, опять же с помощью объявления в газете, подыскал место учителя в семье отставного пастора Эрнеста Рудольфа Вагнера, который перевёл «Воспоминание о Солферино» Анри Дюнана, основавшего в 1863 году в Женеве Красный Крест. Общаясь с этим высококультурным человеком, он познакомился с немецкой поэзией, открыв для себя среди прочих авторов Фридриха Гёндерлина, писателя, чьё пророческое видение мира казалось ему близким его собственному.

Однажды вечером через несколько недель после того, как он поселился у пастора Вагнера на Хазенбергштрассе, в юго-западной части, на окраине города, ему сообщили, что к нему пришёл гость. Судя по акценту, — француз.

Артюр сразу же подумал, что это Верлен. Незадолго перед тем Делаэ рассказал ему, что в январе прошлого года Верлен после полутора лет заключения вышел из тюрьмы в Монсе и сразу же стал расспрашивать про Артюра, упорно стараясь узнать место его пребывания. И если Рембо в конце концов согласился, чтобы Делаэ передал ему его адрес, то пошёл на это отнюдь не с лёгким сердцем. Хорошо зная Верлена, *своего* Верлена, дерзкого и импульсивного, он уже представлял себе, как тот отправляется в путь до Штутгарта. Что касается вопроса о том, какие мысли таятся в голове его бывшего любовника, то здесь приходилось только гадать.

Спустившись в вестибюль, Артюр увидел, что не ошибся в своем предположении: то был не кто иной, как Верлен, одетый в тёмного цвета пальто, обе руки опираются на толстую палку. Он внимательно оглядел его: кустистые брови, всё ещё горящие глаза, из которых словно вылетали молнии, желтоватая всклокоченная борода… Артюр нашёл его постаревшим.

Он сразу же вывел его из дома и зашёл с ним в какое-то кафе, где рекомендовал ему заказать рислинг, единственное, по его словам, немецкое вино, которое «не хуже»[{91}].

Верлен был в сильном возбуждении. Едва прикоснувшись к стакану, он тут же принялся подробно рассказывать Артюру, при каких необыкновенных обстоятельствах ему, узнику Монса, «после долгого блуждания в разврате» открылся Бог. Он сообщил, что обратился в католицизм, и долго объяснял чудодействие церковных таинств. По этому случаю он написал цикл христианских стихотворений, которые могли бы быть

поучительны для Артюра. И торжественным тоном продекламировал ему несколько строф:

О, эти руки, что когда-то
Меня касались, — как они
Милы, нежны и как в тени
Презренья, низкого разврата,
Тоски, душевной пустоты
В чужих краях, в местах роскошных
Они всечасно, еженощно
Внушали сладкие мечты!
Видение судьбы иной,
Наперекор всем слухам злобным,
Я знал, что только вы способны
Помочь душе моей больной.
Но не обманет ли она,
Мечта о родственном участье,
О тесной близости, о счастье?
Осуществится ли сполна?
Печаль моя целебна, как
Благословенные те руки.
Меня возьмут ли на поруки?
Прощенья подадут ли знак?{92}

Верлен добавил, что эти стихотворения составят большой сборник, название для которого он выбирает из двух вариантов: «Тюремнокамерное» — неологизм, которым он гордился, и «Мудрость». Он был убеждён, что эти стихи — его поэтический шедевр. Шедевр глубины и мощи вдохновения и поэтического мастерства, далёкого от «пустословия», «скверных метафор», «беглой риторики грехов». В нескольких стихотворениях он, по его словам, отказался от общепринятых размеров, например, используя непарные стихи и синкопированные так ты — то, чего не найти ни у Гюго, ни у Бодлера, ни у одного из парнасцев.

Потом он добавил, что после внимательного чтения и перечитывания «Одного лета в аду», где он узнал себя в образе *«инфернального супруга»,* им выявлены некоторые места, свидетельствующие о присутствии Бога и дающие основание полагать, что Рембо испытывает настоятельную потребность в потустороннем и метафизическом. В подтверждение своих слов Верлен извлёк из кармана пальто лист бумаги и показал Артюру обрывки фраз из разных частей его сборника, которые представляются ему поучительными: «Я жадно жду Бога», «Бог даёт мне силу, и я хвалю Бога», «Если Бог дарует мне небесный

покой, молитву», «Смилуйся, Господь, мне страшно», «Духом приходят к Богу», «Господи, сжалься, укрой меня, мне совсем плохо!» И не был ли этот его опыт *ясновидения* актом веры? — вопрошал Верлен. И, быть может, «Одно лето в аду» — мистическая книга?

Рембо только рассмеялся. Всё, что теперь говорил Верлен, казалось ему сущим вздором. Он смотрел на него как на полоумного. Он уверял его, что «Одно лето в аду» — прежде всего и преимущественно книга языческая, богохульная, вероотступническая. В ней — призыв к бунту против любой власти и против церкви, выраженный в таких словах, как: «Я никогда не вижу себя ни последователем учения Христа, ни подданным господ его представителей». Как можно не понять этого, находясь в здравом рассудке?

И стоило ли Верлену ехать в Вюртемберг ради того, чтобы осчастливить его такими иезуитскими россказнями! И к чему эти чётки, которые он без конца перебирает?

Чем больше Артюр смеялся на Верленом, тем сильнее тот повышал голос, негодовал и сердился.

К середине ночи два поэта вышли из кафе, но вскоре нашли другое, выпили и там, мешая рислинг с пивом, потом, держась за руки, бродили по тёмным и пустынным улицам Штутгарта и дальше, у подножия холмов, окружающих город, где на каждом шагу попадаются пивные.

Пьяный Верлен понёс уже совершенную околесицу. Артюр, чтобы он замолк, хлопнул его по плечу, отчего тот потерял равновесие и упал. Артюр пытался его поднять. Не без труда ему удалось поставить его на ноги и довести до какой-то убогой гостиницы, куда он пришёл утром узнать, как тот себя чувствует. С Верленом произошла метаморфоза: теперь он был спокоен и рассудителен. Говорил, что собирается поселиться в Англии, по дороге завернув в Париж и посетив своего дядю в Фампу.

Рембо вручил ему конверт для передачи Жермену Нуво. Там была рукопись «Озарений», последнюю редакцию которых он только что закончил.

ТУДА-СЮДА

После отъезда Верлена Рембо перебрался с Хазенбергштрассе на четвёртый этаж дома на Марienштрассе. Эта улица была ближе к центру города, куда по вечерам он ходил прогуливаться и заглянуть в какое-нибудь кафе ради стакана вина, например белого из долины Незенбаха, речки, впадающей в Некар. Прибрежные холмы там покрыты виноградниками. Артюр пробовал сосредоточиться на уроках французского, которые давал детям Эрнеста Рудольфа Вагнера, и на изучении немец кого, но скоро понял, что атмосфера Германии ему не подходит. Впрочем, одно ему нравилось в Штутгарте — что люди там были одержимы музыкой. Он не прочь был бы и сам научиться играть на пианино.

В начале апреля 1875 года, решив переменить обстановку и побывать в Италии, он продал кое-что из своих вещей и чемодан, так как у него не хватало денег на железнодорожный билет. На центральном вокзале он сел в поезд до Альтдорфа, главного города кантона Ури в центральной Швейцарии. В этом городе, согласно легенде, Вильгельм Телль поразил стрелой яблоко на голове собственного сына. Потом Рембо прошёл вдоль долины Ройса, перевалил Сен-Готард, вершина которого поднимается до двух с лишним километров, и после бесконечного утомительного перехода через кантон Тессен достиг озера Маджоре, потом озера Комо, откуда дошёл до долины По и до Милана.

Вечером, побродив по улицам этого ломбардского города, он задержался в каком-то кафе, где познакомился с одной вдовой, которой рассказал о своём путешествии из Штутгарта. Под конец он сообщил ей, что, помимо прочего, является автором небольшого сборника стихотворений в прозе, изданного в 1873 году за свой счёт в Брюсселе. И, поскольку эта вдова согласилась приютить его у себя на четвёртом этаже дома на Соборной площади рядом с величественным собором, он тут же отправил письмо Эрнесту Делаэ с просьбой выслать ему экземпляр «Одного лета в аду». Он собирался сделать подарок сердобольной вдове, особе, по его выражению, *molto civile*[39],{93} и увлечённой французской литературой. Но эта женщина быстро ему надоела, и он вновь отправился пешком, теперь в направлении Лигурии, а потом Эмилии и Тосканы.

По пути он обдумывал разные планы. А что если отправиться в Испанию и поступить наёмником в войска дона Карлоса? Эта мысль когда-то приходила в голову Верлену, а теперь и Артюру казалась совсем не дурной.

Там была бы возможность выучить испанский… А ещё можно

дойти до Бриндизи, порта на берегу Адриатики, где, как он узнал когда-то из письма Делаэ, бывший член «Кружка чертыхателей», основатель эфемерного «Журнала нового мира» Анри Мерсье якобы владеет фабрикой по производству мыла и может предложить работу…

В середине июня по пути из Ливорно в Сиену Артюр сильно обгорел на солнце и его срочно доставили в муниципальную больницу. Туда прибыл извещённый о случившемся французский консул, который решил отправить его морем в Марсель.

Высадившись в Марселе, Артюр был всё ещё болен, и ему пришлось несколько недель пролежать в местной больнице. Он чувствовал себя одиноким. За время своего странствия по Швейцарии и Италии он накопил в памяти множество впечатлений и ярких образов, но уже не стремился записать их.

Да и что толку писать?

Какой смысл быть поэтом, драматургом, романистом, эссеистом?

И что эти люди, гордящиеся званием поэта, драматурга, романиста, эссеиста, — что они действительно понимают в литературе?

И чего собственно добиваются эти *творцы,* стремясь опубликовать свои книги или поставить свои пьесы на сцене театра?

В начале августа, когда Артюр уже выздоровел и собирался покинуть Марсель, он случайно встретил на улице Анри Мерсье, который приехал в город по делам, связанным с его мыловаренной фабрикой. От него он узнал, что Жермен Нуво, пожив в Бельгии и Англии, вернулся в Париж и теперь совместно с Шарлем Кро работает над некоей «драматической фантазией». Артюр решил, что ему надо бы его повидать, а заодно и убедиться, что Верлен собственноручно передал ему рукопись «Озарений».

Так случилось, что в это время в Париже находились мать и обе сестры Артюра. Они приехали туда не на отдых, а для того, чтобы проконсультироваться у специалиста по поводу туберкулёзного воспаления коленного сустава, которое обнаружили у Витали.

Через несколько дней Артюр встретился со своими родными в Париже, а вот повидать Нуво ему не удалось, так как тот, по словам Шарля Кро, таинственным образом исчез, возможно, вернулся в свой родной Пурьер. Рембо посетил Жюля Мари, Эрнеста Кабанера и Жана Луи Форена, который теперь жил на улице Сен-Жак, а его рисунки, наброски и акватинты пользовались всё большим успехом у публики. С ними он

вспоминал лучшие моменты их «Кружка чертыхателей». Но сразу же понял, что на него, как и прежде, смотрят искоса и его присутствие в литературной и художественной среде никому там удовольствия не доставляет. Кабанер избавился от него, сообщив, что в Мезон-Альфоре есть свободное место репетитора, и по рекомендовал ему поспешить его занять.

Артюр последовал его совету. Но проработал на этом месте всего две недели, после чего вернулся в Шарлевиль на улицу Святого Варфоломея, 31, где семья Рембо жила с 25 июня.

Там его ожидало письмо. Этого письма ему лучше было бы никогда не получать. Оно было от Верлена и по содержанию оказалось ещё более иезуитским, чем его штутгартские разглагольствования. Артюр не удержался и кое-что сказал об этом Делаэ, зная, что у того с Верленом превосходные отношения. Он заметил, что Верлен уже не доверяет тому, что видят его глаза, а всё, что он теперь проповедует, — не более чем нагромождение «грубостей»[{94}].

И этот докучливый и настойчивый прозелит, претендующий на щедрость и искренность, вместо того чтобы выслать немного денег, имеет наглость отправлять ему через полицейского агента католические газеты! Между этими двумя упрёками в адрес Верлена Артюр поделился с Делаэ одной своей любопытной — вполне христианской — идеей, которая только что пришла ему в голову: поехать миссионером в Китай или какую-нибудь другую дальнюю страну. Это был бы наверняка лучший способ совершить путешествие без всяких издержек.

В декабре от Верлена приходит ещё одно письмо, отправленное из Стикни в Англии и похожее на изложение Символа веры:

«Вопреки моему обещанию (если мне не изменяет память), я не писал тебе, поскольку, признаюсь, ожидал от тебя удовлетворительного, в конце концов, письма. Но ничего не получил и потому не ответил. Сегодня я прерываю это долгое молчание, чтобы подтвердить всё, что писал тебе два месяца тому назад.

Я всё тот же. Всё так же строго религиозен, ибо это единственная умная и правильная позиция. Всё прочее — обман, злоба и глупость. Церковь создала современную цивилизацию, науку, литературу. Она создала в том числе Францию, и Франция погибает оттого, что порвала с нею. Это довольно ясно. Церковь делает и людей, она *создаёт* их, и я удивляюсь, как ты этого не видишь, это поразительно. За полтора года у меня было время обдумать это, и уверяю тебя, что держусь за это, как за якорь спасения. Семь месяцев, проведённые среди протестантов,

укрепили меня в католицизме, в легитимизме, в смиренной стойкости. Смиренной по той простой причине, что я чувствую себя достаточно справедливо *наказанным,* униженным и что чем суровее урок, тем полнее благодать и тем больше обязанность на неё ответить. Невозможно, чтобы ты вообразил, будто с моей стороны это не более чем предлог. Относительно того, что ты мне писал, — я уже не помню точно твоих выражений — “разновидности всё того же чувствительного индивида” — “rubbish” — “potarada” шутки и чепуха, достойные Пеллетана и прочих…

Итак, я всё тот же. Так же сильно (но по-другому) привязан к тебе. Я хотел бы видеть тебя просвещённым, мыслящим. Для меня большая печаль наблюдать за идиотскими путями, которые ты выбираешь, ты, такой умный, такой “подготовленный” (хотя это может тебя удивить)! Я взываю даже к твоему отвращению ко всем и ко всему, к твоему постоянному гневу в отношении любого явления, — просто дело, по сути, в том, что этот гнев идёт от вопроса *“почему?”,* хотя и неосознанного. <…>

В апреле ты написал мне письма, слишком впечатляющие своим низким, злым замыслом, чтобы я рискнул дать тебе мой адрес (хотя, в сущности, все попытки навредить мне смешны и заведомо напрасны, да к тому же они, предупреждаю тебя, встретят *законный,* подкреплённый документами ответ), но я отвергаю это гадкое предположение. Я уверен, что это был у тебя мимолётный каприз, несчастное помрачение ума, которое по недолгому размышлению рассеется».

Рембо даже и не думал отвечать на это письмо. Хотя можно было ещё раз посмеяться над Верленом или оспорить его крайности, *грубости,* притом что, характеризуя «гнев» Артюра, он выказал проницательность.

Артюр продолжал задаваться вопросом о своём будущем, даже подумывать о том, чтобы сдать экзамены на бакалавра, а за несколько дней до нового года в возрасте семнадцати с половиной лет его сестра Витали умерла от туберкулёзного воспаления коленного сустава, распространившегося по всему организму. Артюр вместе с одним из соседей сам пошёл в мэрию сообщить о её кончине. Потеря юной сестры потрясла его, особенно если принять во внимание, что он лучше узнал её и сблизился с ней в июле 1874 года в Лондоне. Он чувствовал, что ему надо ещё некоторое время побыть в Шарлевиле при матери.

Намереваясь получить диплом бакалавра, он занялся алгеброй и геометрией, углублённого курса которых не прослушал в коллеже Шарлевиля. По старым, запылённым учебникам он начал изучать некоторые иностранные языки,

включая арабский и русский, и совершенствовать свой немецкий, в чём отчасти преуспел и даже преподавал его сыну соседа.

Ещё он стал обучаться игре на пианино. Так как мать отказалась загромождать жилище таким большим инструментом, он играл там, где удавалось его находить, например в кафе «Вселенная» напротив вокзала, куда зачастил к тому времени Бретань, которому кафе «Дютерн» надоело. Иногда к ним присоединялся там и Делаэ.

Дома же он довольствовался тем, что, глядя на партитуру, выстукивал ритм пьесы на столе. Он сожалел, что занялся этим так поздно, и упрекал мать за то, что она не записала его к какому-нибудь учителю музыки, когда он ещё учился в заведении Росса и в коллеже.

Между тем он уже подумывал об отъезде. У него появилось новое увлечение — Восток. Он даже начал учить язык хиндустани. Когда он рассказал об этом матери, она срочно взяла напрокат пианино, чтобы только он отказался от новой затеи. Больше того, она подыскала ему частного учителя, образованного органиста, помощника капельмейстера церкви Богоматери, молодого человека с безупречной репутацией, несмотря на его имя Луи Летранж[40].

Для поддержания здоровья Артюр пил молочную сыворотку, продолжая мечтать о путешествии на край света. Его решимость поехать на Восток усилилась после того, как в феврале 1876 года его лучший друг детства, один из немногих ровесников, с которым он общался в Шарлевиле, его *старый* приятель Делаэ получил место репетитора в коллеже Богоматери в Ретеле.

В начале апреля Артюр снова отправился в путь. Он собирался дойти до Варны в Болгарии, оттуда до Крыма, а потом и до Кавказа. Он готов был использовать для этого любые средства передвижения — поезд, коляску, почтовую карету, дилижанс или свои ноги.

Пройдя юг Германии, он достиг баварской столицы — Мюнхена, где правил король Людвиг II, который в 1864 году сменил на троне скончавшегося отца Максимилиана II. Там Артюр провёл несколько дней, после чего направился в Австрию и пересёк её западную часть. Вот он уже в Вене, то есть за тысячу километров от Шарлевиля, но ещё далеко от Среднего Востока. Он осматривает город, заглядывая в план, купленный у уличного торговца, идёт налево, потом направо, потом садится в фиакр, где под действием принятого алкоголя засыпает. Проснувшись, он обнаруживает, что у него вытащили из котомки ту небольшую сумму денег, что была при нём…

Его арестовали за бродяжничество. Хотя он настаивал на

своей добропорядочности, австро-венгерская полиция препроводила его до баварской границы. Он пытался найти выход из положения, быть может, подыскать в Германии какую-нибудь работу, чтобы заработать на дорогу и отправиться в Варну другим путём — через Швейцарию и север Италии.

Потом он всё же принял решение вернуться в Арденны, или, как он их называл на жаргоне, понятном, кроме него, только Верлену, Делаэ, Бретаню и Нуво, — в «Ардомфы».

РЕМБАД-МОРЕХОД

В Шарлевиле Артюр задержался недолго, так как жаждал более свободной, красивой, широкой, более дерзкой жизни. Он слышал, что в Брюсселе, в консульстве Нидерландов, открылось бюро по вербовке мужчин на военную службу в азиатских колониях. Новобранцам выдавали неплохое денежное вознаграждение. Не имея возможности стать миссионером или наёмником в Испании, Артюр решил поехать рядовым в Батавию[41]. Если только его возьмут, сочтут годным к военной службе.

Отбор проходил в Хардервейке. Это порт на берегу залива Зёйдерзе, километрах в тридцати к северо-востоку от Амстердама. В XVII и XVIII веках он был известен своим университетом, но после его упразднения в 1811 году стал преимущественно центром вербовки в войска Нидерландской Индии[42]. В городке и вокруг него всё было завязано на армейский промысел.

Рембо через Шарлеруа, Брюссель, Роттердам и Утрехт прибыл туда 19 мая 1876 года. Он явился в бюро вербовки, как полагается, согласился ответить на несколько вопросов и уже на другой день подписал договор сроком на шесть лет. Его имя занесли под номером 1428 в официальный регистр военного департамента и вручили ему денежное вознаграждение в размере трёхсот флоринов. Эта сумма показалась ему огромной, он такой никогда в руках не держал. Помимо ружья и патронташа ему выдали обмундирование: синюю фуражку с оранжевым, национального цвета, околышем, мундир из синей саржи с нашивками и серую шинель. Словом, ничего щегольского.

Эта была полевая униформа. А служба должна была состоять в подавлении мятежа в бывшем султанате Ачех[43], где религиозные фанатики восстали против оккупантов и успели убить немало голландских солдат.

Земли бывшего султаната находились на большом острове Суматра, в центральной части Нидерландской Индии, территории которой были разделены правительством Гааги на три категории: земли короны, присоединённые земли и вассальные. Ачех (или Ачин) относился к последней категории.

Отплытие было назначено на 10 июня. До этого времени рекруты были обязаны ежедневно заниматься стрельбой, физическими упражнениями, ходьбой и плаванием. Им полагалось также учить язык Вондела[44]. Для Рембо, который в Штутгарте практиковался в немецком, это большого труда не

составило. Для других иностранных наёмников, в большинстве своём людей необразованных и грубых, собравшихся со всех концов Европы, включая Россию, такой режим был крайне тяжёл. Некоторые даже роптали. Или же к концу дня шли напиваться в кафе, развлекаться в борделе. По ночам нередко случались шумные сцены, но местные власти закрывали на это глаза. Если бы они принимали против нарушителей строгие меры, Хардервейк наверняка был бы мёртвым городом.

Десятого июня Рембо занял место на трёхмачтовом пароходе «Принц Оранский» водоизмещением три тысячи морских тонн, принадлежавшем голландскому Почтовому ведомству и приписанном к порту Ньиведип, что на самом севере Зёйдерзе, куда солдат доставили по железной дороге. Экипаж корабля был внушительный: четырнадцать офицеров, двенадцать унтер-офицеров, три капрала, сто девяносто семь пехотинцев (из которых десять французов) и сотни лошадей. Кроме Рембо там был ещё один парижанин, который стал первым дезертиром: не вернулся на корабль после короткой стоянки в Саутхэмптоне, где был взят запас мяса. На борту находилось также около шестидесяти штатских, в большинстве своём колонистов. Были даже дойные коровы.

Шли дни плавания, и Артюр открывал для себя новый, другой мир — манящий мир морских просторов и южных портовых городов: Бордо, Гибралтар, Неаполь, Порт-Саид при входе в Суэцкий канал, прорытый через египетскую пустыню. Открытый в 1862 году после десяти лет *фараоновых* по размаху работ, канал привлекал к себе всеобщее внимание и был предметом обсуждения в газетах и журналах.

Это было какое-то волшебство. Словно материализовалось одно из *озарений* Рембо. То, к чёму он стремился с детства, а потом со школьной скамьи, теперь было у него перед глазами.

Пройдя Суэцкий залив, в водах Красного моря «Принц Оранский» шёл при страшном пекле на малой скорости. Солдаты прыгали в воду, чтобы вплавь добраться до берега или аденского порта. Командиры этому не препятствовали. И вообще корабельные будни не были особенно тяжёлыми, если не считать того, что алкогольные напитки были запрещены на борту, только по воскресеньям выдавали по стаканчику джина.

Когда 20 июля «Принц Оранский» подошёл к берегам Суматры, всё ещё стояла жара. 22 июля он добрался наконец до острова Ява, в Батавию, главный порт нидерландских колоний. Рекруты сошли на берег под звуки фанфар в сопровождении охраны с примкнутыми штыками и в присутствии немногочисленной публики. Их распределили по батальонам

(Рембо попал в четвёртую роту первого батальона) и повели в казармы, находившиеся в 15 километрах от города. Размещались они в здании бывшей чайной фабрики. Там рекруты пробыли две недели, после чего их на борту каботажного судна «Франсен ван де Путте» отправили на север острова, в Семаранг.

Но Семаранг не был пунктом их назначения: оттуда надо было поездом ехать до Тунтанга, а дальше идти пешком до Салатиги, которая находится на высоте 600 метров. Переход через тропический лес в обмундировании, которое им выдали в казарме, — белая холщовая блуза, полосатые брюки и шотландский берет, — был бесконечной пыткой.

У Рембо возбуждение первых дней путешествия миновало. Едва разместившись в лагере в Салатиге, он понял, что не сможет там прожить шесть лет и что, в сущности, он не создан для того, чтобы быть наёмником, не говоря уже о том, чтобы воевать и убивать. Военную дисциплину он по необходимости перенести ещё мог, но был явно непригоден для участия в кровавых и диких карательных акциях против туземцев, про которые ему с наслаждением рассказывали старослужащие.

Внезапная смерть одного из сослуживцев подтолкнула его к решению быстро уносить ноги, как только представится удобный случай. В день Успения Богоматери, когда солдатам католического вероисповедания было разрешено присутствовать на религиозной церемонии в северной части Салатиги, он воспользовался этим, чтобы тайком распрощаться со службой, и бежал в порт Семаранга.

Свою военную униформу он обменял на одежду из грубой хлопковой ткани и стал похож на обыкновенного штатского мужчину белой расы — на какого-нибудь чиновника, торговца или колониста. В Нидерландской Индии с населением около тридцати миллионов душ жили примерно 60 тысяч белых, и подавляющее большинство из них — голландцы.

Рембо понимал, что, став дезертиром, рискует попасть в тюрьму на долгие месяцы, а то и годы, если его поймают, но это его не страшило. Хотя ему удалось бежать никем не замеченным, он понимал, что желательно как можно скорее выбраться из страны. Во всяком случае, на те флорины, что ему выдали в Хардервейке, он мог даже оплатить обратную дорогу.

Но перед ним стоял один большой вопрос: куда ехать?

На пристани в Семаранге он приметил парусник «Странствующий вождь», приписанный к порту Банф в Шотландии. Наведя справки, он узнал, что судно с грузом сахара вскоре выходит в море в направлении Фалмута в Корнуолле. Артюр без колебаний вступил в переговоры с капитаном, чтобы

получить разрешение подняться (под вымышленным именем) на борт. Тот легко согласился. Разумеется, не задаром.

Тридцатого августа «Странствующий вождь» вышел в открытый океан и направился в Кейптаун.

Рембо был доволен: ему предстояло увидеть другие пейзажи и другие порты — не те, через которые он прошёл на «Принце Оранском». Однако этот переход оказался гораздо более долгим и более беспокойным, чем предыдущий. К югу от Дурбана их настигла страшная буря, которая сильно повредила корабль и вынудила капитана пристать к острову Святой Елены, чтобы произвести ремонт. Они были на волосок от кораблекрушения в открытом море. Следующие переходы, по счастью, оказались вполне благополучными. То был маршрут, которым проплыл в 1841 году Шарль Бодлер: остров Вознесения, Азорские острова, Африканское побережье и, наконец, побережье Западной Европы.

Когда «Странствующий вождь» пришёл в Куинстаун в Ирландии, там была уже зима. 7 декабря Рембо сошёл на берег и решил вернуться во Францию. Он доплыл на пароме до Корка, а потом на пароходе до Ливерпуля. Через три дня он был в Гавре, где, не теряя времени, сел на поезд до Парижа. Теперь не было нужды ездить без билета, он мог оплатить дорогу.

Его трудно было узнать: бритая голова, бронзовый загар. Да ещё одет он был как английский матрос. Впрочем, он, похоже, гордился таким костюмом. Очевидно, это был способ показать, что он уже не тот, кем был раньше, и уже никогда прежним не станет.

В кафе «Табуре» он встретился с Жерменом Нуво, который возвратился из Пурьера, где какое-то время пытался разводить виноград, и в разговоре с ним объявил, что только начал своё странствие и что никогда не напишет о нём ни строчки, хотя в голове у него полно картин, образов и слов.

Да и чего ради писать?

Стихи ли, проза ли — всё едино: литература — занятие пустое и бесполезное.

Во всяком случае, таково было тогда его глубокое убеждение.

Пойти в гости к знакомым писателям, к тем литераторам или художникам, с которыми он когда-то общался в «Кружке чертыхателей» или содружестве «Скверных парней»?

Нет, у него не было никакого желания их видеть. Ему нечего было им сказать. Разве что заявить, что они выбрали неверный путь и тратят время на пустяки.

Его не интересовала и судьба Верлена — что с ним стало и продолжает ли он заниматься поэзией.

Услышав всё это, бедняга Нуво был поражён. Он не мог

понять Рембада-морехода, как он его прозвал с намёком на прозвище Синдбада, самого колоритного персонажа «Тысячи и одной ночи». Он спрашивал себя, не изволит ли его друг шутить, не провоцирует ли его.

А может быть, это только поза?

Мыслимо ли — сочинить такие необыкновенные, гениальные стихотворения, как «Бал повешенных», «Роман», «Гласные», «Пьяный корабль», «Комедия жажды», «Воспоминание», «Алхимия глагола», а потом заявить, что они ничего не значат?

И что же, Рембад-мореход дойдёт до их отрицания после того, как сам же утверждал, что он «один владеет ключом к этому дикому ремеслу»?{95}

Нуво не мог понять, для чего тогда Рембо больше года тому назад передал ему через Верлена рукопись таких же необыкновенных «Озарений». Не для того ли, чтобы его проняло до мозга костей и чтобы он решил предложить сборник парижским редакторам журналов и издательств?

Нуво вспомнил небольшой отрывок под названием «Отъезд», который теперь, возможно, приобретал свой настоящий смысл:

«Видел достаточно. На каждом шагу было что посмотреть.

Слышал достаточно. Городские разговоры по вечерам, днём и всегда.

Узнал достаточно. Приговоры жизни. — О, разговоры и зрелища!

Уход в новые привязанности и звуки!»{96}

А вспоминая «Распродажу», другой текст из «Озарений», он спрашивал себя, не покончил ли его друг, которому всего двадцать два года, со всеми идеалами, с «гигантским неоспоримым богатством» ясновидящей жизни.

«Продаётся анархия — массам; неукротимое удовольствие — тонким ценителям; страшная смерть — верным и любящим душам!

Продаются жилища и прибежища, спор, празднества, безупречные удобства и шум, волнение и будущее, ими производимые!

Продаются выверенные расчёты и всплески неслыханной гармонии. Не вызывающие вопросов находки, выражения, мгновенная одержимость.

Бессмысленный и бесконечный порыв к незримому великолепию, к неощутимым радостям, — и обворожительные тайны каждому пороку — и пугающую весёлость толпе.

Продаются тела, голоса, огромное неоспоримое богатство, которое никогда не продать. Продавцы никак не закончат распродажу! Коммивояжёры не скоро отработают свои

комиссионные!»{97}

Рембо ничего ему не ответил. Он улыбнулся. Улыбнулся той обычной для него недоброй улыбкой, которая иногда пугала. Он распрощался с Нуво и уехал в Шарлевиль встречать Рождество.

Когда на улице Святого Варфоломея его мать и сестра Изабель открыли ему дверь, они зарыдали.

КИПР: ТУДА И ОБРАТНО

Весной 1877 года Рембо снова трогается с места. Невозможно было оставаться в Арденнах более трёх месяцев даже при том, что мать с годами стала меньше его раздражать.

Как ив 1875 году, он решил попытать счастья в Германии. Его зигзагообразный маршрут проходил через Трир, Кёльн, Гамбург и Бремен, где однажды утром он явился в консульство Соединённых Штатов. Там он подал заявление на английском языке за подписью «Джон Артур Рембо» с просьбой зачислить его в американский военно-морской флот. Не то чтобы он вдруг почувствовал какое-то родство со страной Эдгара По, а просто ему захотелось открыть её для себя. У него были о ней путаные представления, навеянные ещё в юности романами Майн Рида. Ещё ему приходило на ум то и дело появлявшееся в газетах имя американца Грэма Белла, о котором писали, что он изобрёл необыкновенный аппарат, позволяющий разговаривать на расстоянии и названный телефоном.

В своём заявлении Артюр сообщал, что ему двадцать три года, что он здоров, что был преподавателем гуманитарных наук и языков, что он говорит и пишет на немецком, французском, итальянском, испанском и, разумеется, на английском языках, хотя сочинённый им текст официального документа изобиловал ошибками и галлицизмами. Кроме того, он указал, что в течение четырёх месяцев был матросом на шотландском судне, сделав на нём переход с Явы до Куинстауна, и что дезертировал из 47-го полка французской армии, словно это могло быть истолковано в его пользу.

Попытка эта ни к чему не привела, и Артюр возвратился в Гамбург, крупнейший из трёх вольных ганзейских городов. В поисках работы он вскоре увидел объявление, которое его заинтересовало: французский передвижной цирк Луассе, известный по всей западной Европе, искал служащего, кассира и контролёра для предстоящего турне по Скандинавии.

Скандинавия — вот ещё одна *terra incognita.*

Место он получил без каких-либо затруднений, и у него появилась возможность побывать в Стокгольме, Осло, а потом и Копенгагене, узкие и извилистые улицы которого в центральной части напомнили ему об ушедших в прошлое эпохах. В течение полугода он выполнял свои обязанности в цирке, а потом надумал отправиться в Египет. По пути, завернув в августе в Шарлевиль, он небольшими переходами достиг Марселя и в сентябре сел на корабль, который должен был доставить его в

Александрию.

Он уже представлял себе, как плывёт по Нилу, ходит у подножия сфинкса и великих пирамид. Подобные картины — рисунки, гравюры, фотографии — он видел бесчисленное множество раз в книгах и журналах вроде «Кругосветного путешествия» (который выходил с 1860 года), и они обильно питали его воображение. Но на рейде римского порта Чивитавеккья у него начались острые боли в животе. Осмотревший его врач, ставя диагноз, колебался между воспалением брюшины, вызванным, очевидно, излишней ходьбой, и острым колитом как следствием пищевого отравления.

Как бы то ни было, Артюра высадили на берег и доставили в одну из римских больниц. Выйдя из неё, он смешался с толпой туристов и начал обходить город во всех направлениях. А потом, вместо того чтобы сесть на корабль, идущий в Египет, повернул в противоположную сторону.

Можно подумать, что в грандиозной географии его устремлений, предпочтений, его нетерпения он не мог обходиться без постоянных возвращений в свои Ардомфы и Чарлстаун. Можно подумать, что они были у него обязательным пунктом любого маршрута, любого возможного и мыслимого направления.

Летом 1878 года, поработав некоторое время в Гамбурге, в импортно-экспортной компании, специализировавшейся на колониальных товарах, а потом вновь исходив без какой-либо определённой цели запад Германии, он потрудился в Роше: впервые в жизни предложил свою помощь в работах на семейной ферме.

Обстановка там разрядилась, поскольку приехал его брат Фредерик, освобождённый наконец от воинской службы. Госпожа Рембо уже строила далеко идущие призрачные планы: она видела обоих своих сыновей прочно обосновавшимися в Роше и дружно ведущими полевые работы. А поскольку она унаследовала небольшое владение в Сен-Лоране, в двух километрах от Мезьера, ей казалось, что братья могли бы работать каждый на своей земле. Артюр из снисходительности или равнодушия не нарушал её сладких иллюзий.

Между сельскими работами он наезжал в Шарлевиль, чтобы пропустить там несколько стаканчиков либо под аркадами на Герцогской площади, либо в кафе «Вселенная». Публика там уже начинала его узнавать. Было известно, что он всегда где-то странствует и что пишет стихи. Относительно того, какого рода эти его стихи… Однажды друг Эрнеста Делаэ, археолог и историк (его коньком была история революции в Арденнах) Луи Пьеркен, с 1878 года служащий таможни в Шарлевиле, сказал Артюру, что

купил несколько стихотворных сборников, изданных в Париже у Альфонса Лемера. Рембо, сразу же повысив голос, изрёк следующее:

«Покупать книжки, особенно такие, — это полный идиотизм. Они годятся только на то, чтобы заставить ими полки и скрыть плесень на старых стенах»[98].

Когда в Роше закончился сбор урожая, Рембо снова отправился в путь. Он дошёл до Вогезов, а оттуда — до Альтдорфа в Швейцарии, где уже бывал, потом до Амстега, после чего повторил маршрут, которым проходил тремя годами ранее: Сен-Готард — Тессен — Лугано — Комо — долина По и наконец Лигурия и Генуя, куда он прибыл утром 17 ноября. О своей экспедиции он рассказал в длинном письме родным. Он называл их «дорогие друзья», включая в эту эпистолярную формулу мать, брата и сестру Изабель. Себя он в письмах называл «ваш друг».

Он подробно, в своеобразной вольной и в то же время точной манере описал Сен-Готард и тамошний странноприимный дом, где остановился отдохнуть и провести ночь.

«Вот! Больше никакой тени ни сверху, ни снизу, ни кругом, хотя мы и окружены огромными предметами; больше нет ни дороги, ни пропасти, ни ущелья, ни неба: только одно белое — думай, трогай, смотри или не смотри — так как невозможно оторвать взгляд от белого оцепенения, по которому проходит тропа, невозможно поднять носа из-за сильнейшего ветра; ресницы и борода в ледяных сталактитах, уши разрываются, шея опухает. Не будь собственной тени и телеграфных столбов, идущих вдоль предполагаемой дороги, чувствовал бы себя здесь совсем потерянным.

Теперь нам надо пройти километр, чтобы подняться на метр. Это разогревает. Но дышать тяжело, ещё полчаса таких мучений — и сил уже не останется и мы будем засыпаны снегом, подбадриваем себя криками… <…>

Вот караван саней в конной упряжке, одну упавшую лошадь наполовину засыпало. Дорога теряется… <…> Куда-то сворачиваем, ныряем в проход, по бокам снег доходит до рёбер, до подмышек. В конце просеки что-то темнеет: это странноприимный дом Готарда, гражданское благотворительное заведение, грубая постройка из сосны и камня; рядом небольшая колоколенка. На звонок выходит подозрительного вида молодой человек и пропускает нас внутрь. Входим в грязноватое помещение с низким потолком, пришедшим дают хлеба с сыром, суп и немного спиртного. Во дворе красивые крупные жёлтой масти собаки с известной родословной. Вскоре пришли запоздалые полумёртвые путники. К вечеру собралось человек до

тридцати, после супа всех разместили на жёстких матрасах и выдали тонкие одеяла. Ночью было слышно, как хозяева приюта в священных песнопениях выражают свою радость от того, что и в прошедший день им удалось обворовать власти, которые выдают денежное пособие на содержание их хижины.

Утром после хлеба-сыра-спиртного, подкреплённых даровым гостеприимством, которое может продолжаться, пока погода не успокоится, мы выходим. В то утро солнце и горы были великолепны; ветер утих, дорога всё время вниз через препятствия, с прыжками, километровыми спусками, которые приводят вас в Аироло, по другую сторону туннеля, где дорога вновь принимает характерный альпийский вид с бесконечными поворотами, ущельями, но всё время вниз. Это Тессен»{99}.

В порту Генуи, защищённом гигантскими волнорезами, Рембо раздобыл себе место на корабле, который направлялся в Александрию. Он прибыл туда дней через десять и сразу же начал подыскивать работу. Довольно быстро представились разные возможности: работа в одной крупной сельскохозяйственной компании, служба на англо-египетской таможне «с хорошим содержанием»{100} или переводчиком на Кипре при строительной бригаде французского предприятия «Эрнест Жан и Тиаль-сын», которое занималось прокладкой железных дорог, строительством фортов, казарм, госпиталей, портовых сооружений, рытьем каналов.

Он решил отправиться на Кипр.

Четвертого июня того же 1878 года, по Сан-Стефанскому договору и согласно решениям Берлинского конгресса, Турция за солидную ежегодную арендную плату передавала управление островом Англии. В соответствии с заключёнными между ними соглашениями, позволявшими англичанам развернуть там батальон, они получили превосходный пост слежения посредине морского пути от Дарданелл до Суэцкого залива.

Когда Рембо высадился в порту Ларнаки, второго по величине после Никосии города на острове, администрация компании «Эрнест Жан и Тиаль-сын» определила ему обязанности, к которым он не был готов: надзирать над шестью десятками рабочих каменоломни. Карьер находился на восточном побережье острова, в совершенно пустынном месте под названием Патамос Лиопетриу, в часе ходьбы до ближайшей деревни Ксилофагу. О том, что когда-то там обитали люди, свидетельствовали только развалины сторожевой башни, построенной во времена оккупации острова венецианцами.

Несколько недель спустя Артюра назначили начальником карьера. Его обязанности состояли в надзоре за рабочими,

взрывавшими каменную породу и обтачивавшими камни, и наблюдении за их погрузкой на пять ботов и пароход, принадлежавшие компании. Он должен был также «вести учёт расходов на питание и других издержек» и производить выплаты рабочим-киприотам.

Так как среди рабочих часто происходили стычки и драки, Артюру приходилось держать при себе огнестрельное оружие, чтобы обезопасить себя и поддерживать дисциплину. Местные условия были далеко не самые благоприятные: страшная жара (нередко температура поднималась выше пятидесяти градусов), блохи и комары днём и ночью были «чудовищной пыткой»{101}.

В мае 1879 года Артюр заразился тифом, хотя в одном из писем родным похвалялся тем, что его, в отличие от других европейцев, побывавших в Патамосе, эта болезнь обошла. Из предосторожности компания отправила его за свой счёт во Францию, на судне, которое выходило из Ларнаки и делало остановку в Марселе, откуда он без передышки сел на поезд и вернулся в Рош к семье. Выздоровев, он смог вновь участвовать в работе на ферме и в поле.

В сентябре верного и неизменного Эрнеста Делаэ пригласили провести несколько дней в Роше. Он был сильно удивлён тем, как изменился Артюр: жёсткий взгляд глубоко посаженных глаз, тёмный, как у североафриканца, цвет лица, пробивающаяся светлая неровная борода, низкий, внушительный и энергичный голос, сильно отличающийся от его прежнего, почти детского тембра.

Артюр рассказывал Эрнесту о своих путешествиях по Германии, Скандинавии с цирком Луассе, по Швейцарии и Италии, подробно — о своей работе начальником каменоломни на Кипре, которая, несмотря на чрезмерную жару и многочисленные стычки с рабочими, ему понравилась, так как позволяла брать на себя ответственность и упражняться в иностранных языках, особенно в новогреческом. Он добавил, что теперь может жить только в тёплой стране и с первыми же признаками зимы в Арденнах рассчитывает вернуться на Кипр через Александрию.

Когда они уже собирались распрощаться, Делаэ робко спросил друга, думает ли он ещё о литературных занятиях. Этот вопрос вертелся у него на языке с момента приезда в Рош. Опустив глаза, Артюр покачал головой, слегка усмехнулся то ли иронически, то ли раздражённо, словно у него спросили: «А ты ещё гоняешь палкой обруч?»{102} А потом сухо ответил, что больше этим не занимается, поскольку ему хватает дел поважнее. И Делаэ оставил эту тему.

К концу года Артюр, обняв родных, уехал в Марсель, чтобы сесть там на корабль, отправлявшийся в Александрию. Но в момент отплытия у него начался приступ лихорадки, и он был вынужден спешно возвратиться в Рош, где слёг в постель.

От скуки, но также из-за того, что у него появилась такая потребность, он вновь окунулся в чтение. Но это были уже отнюдь не литературные произведения и не труды по политике или философии, а книги по прикладным наукам, а также всевозможные самоучители, которые он поглощал с невероятной жадностью. Он сожалел, что не читал их раньше, упрекал себя за то, что пренебрегая ими, понапрасну *идиотски* увлёкся поэзией.

В марте 1880 года его нетерпение достигло предела. Спешно собрав багаж, он устремился на вокзал Шарлевиля. В голове у него была одна мысль: Ближний Восток.

УРОКИ ГЕОГРАФИИ

Первым этапом нового плавания Рембо была Александрия. Но там он задержался всего на неделю, так как не сумел найти работу и решил вновь отправиться на Кипр в надежде возобновить службу у «Эрнеста Жана и Тиаля-сына». Но этого французского строительного предприятия уже не существовало. Тогда он обратился в британскую администрацию острова, где ему предложили место начальника строительного отряда для работы к востоку от Ларнаки на горе Тродос высотой более двух тысяч метров, высшей точке острова. Там строилась летняя резиденция для генерал-губернатора.

Хотя местность эта не была такой пустынной, как в Патамосе, условия работы были не лучше. Особенно по ночам, когда было очень холодно, нередко шёл дождь или град и часто дул шквальный ветер. Да и подвоз провианта был делом непростым: Артюру приходилось совершать частые переходы верхом на лошади по крутым склонам и опасным тропам через сосновые и кипарисовые леса до Лимасола. Оттуда же он отправлял по почте письма во Францию.

Тем не менее он приспособился к этим трудным условиям, но потом, в июне, всё же перешёл на другую стройку, в этот раз нанявшись к одному частному предпринимателю, с которым, к сожалению, довольно скоро вступил в конфликт. Там тоже были проблемы с многочисленными ссорами и драками между рабочими. Однажды он даже ввязался в одну из них и, защищаясь, метнул камень в голову одного из нападавших, рискуя раскроить ему череп. Когда оказалось, что все настроены против него, он понял, что надо незамедлительно оттуда уходить и подыскивать работу в другом месте. Он решил, что этим другим местом будет восток Африки, побережье Красного моря.

Пройдя по Суэцкому каналу, который был ему знаком по переходу в июне 1876 года на «Принце Оранском», в Красном море, он последовательно останавливался в Джидде на аравийском берегу и в Массауа на эритрейском. Потом сделал остановку в аравийском порту Ходейда, который был известен транзитом кофе сорта мокко, и в августе прибыл в Аден.

Благодаря своему положению на берегу Баб-эль-Мандебского пролива при входе в Красное море, город Аден долгое время был пакгаузом и важнейшим центром торговли Индии с Аравией, Абиссинией и Египтом. С 1839 года он принадлежал англичанам, которые превратили его в некое подобие восточного Гибралтара и называли иногда Кратером, так как он выстроен в округлой,

лишённой растительности низине и окаймлён с трёх сторон такими же бесплодными горами. Они разместили в нём многочисленные торговые заведения (среди прочих — компании по экспорту риса, кофе, каучука, хлопчатобумажных тканей, шкур, слоновой кости, жемчуга), и за несколько десятилетий город превратился в один из крупнейших в мире транзитных морских портов. Несмотря на жаркий климат, его население (довольно пёстрое по происхождению) значительно выросло.

Как только Рембо вступил на землю Адена, страшная жара — прямая противоположность погоде, к которой он привык на горе Тродос — скверно на него подействовала, и он был вынужден лечь в больницу. После выздоровления он пришёл в местное отделение лионской фирмы «Мазеран, Вианне, Барде и компания», имевшей много факторий в Африке. Возглавлял её Альфред Барде из Безансона, ровесник Рембо. Артюра принял уполномоченный фирмы, отставной полковник, которому он предъявил своё удостоверение личности и документы о работе на Кипре. При этом он сообщил, что родился в Доле — там, где на самом деле в 1814 году родился его отец. Похоже на то, что этой небольшой ложью, этой отсылкой к своему родителю, которого он видел лишь изредка и только до шестилетнего возраста, он как бы подтвердил свой окончательный разрыв с детством, юностью и своим эфемерным поэтическим творчеством.

Так как он произвёл хорошее впечатление, говорил на нескольких языках и знал немного по-арабски, его приняли на службу и поручили ему всё ту же должность надзирателя, в этот раз в цехе сортировки и развеса кофейных зёрен — одного из главных продуктов, покупкой, продажей и транспортировкой которого морем в Марсель занималась компания. Жалованье ему положили скромное, зато в его распоряжение предоставили коляску и лошадь и выделили жильё, единственное в городе строение под красной черепичной крышей напротив здания городского суда.

Возможно, ему хотелось чего-нибудь получше, но пока выбирать было не из чего. К тому же до него дошли разговоры о том, что компания планирует обосноваться на противоположном берегу Аденского залива и открыть новые фактории в Африке. Он надеялся, что рано или поздно может быть востребован для большого дела.

Тем временем он писал домой и просил выслать ему книги по различным отраслям техники: по металлургии, городской и сельской гидравлике, по судостроению, производству пороха и селитр, по минералогии, строительному и лесопильному делу, по текстильному производству, по бурению артезианских скважин…

Что касается последнего предмета, то ему нужен был труд инженера-геолога Ф. Гарнье. Ещё он просил сообщить ему адрес «производителей бурильных машин»{103}. В составленном им списке книг есть названия самоучителей из энциклопедии Роре, которые были весьма популярны и встречались во многих библиотеках Франции: учебник по стекольному делу, учебник по изготовлению кирпичей, учебник по выплавке разных металлов, учебник по изготовлению свечей, учебник по изготовлению конных экипажей. Уже через месяц Альфред Барде предложил ему пост в Хараре, где незадолго перед тем было открыто отделение фирмы.

Город Харар расположен на материке в 350 километрах от Аденского залива на высоте 700 метров над уровнем моря, и климат там довольно умеренный. В 1875 году он был вновь завоёван египтянами, которые занимали его в XVI веке. Это был одновременно священный для мусульман, гарнизонный (там размещалось четыре тысячи солдат) и торговый город, а также перекрёсток большинства путей, проходивших через регион. В городе всё время останавливались караваны, что способствовало его подъёму. Долгое время закрытый для неверных, Харар отличался одной особенностью: в нём жили мусульмане-шииты, у которых не было многожёнства. Поэтому женщины там обладали реальными правами.

В середине декабря после двадцати дней пути верхом по сомалийской пустыне Рембо в сопровождении ещё одного служащего компании, грека по имени Константин Ригас, через Берберу прибыл в Харар. Он увидел укреплённый город с сорокатысячным населением, узкими, грязными и зловонными улицами, которые кишели нищими, калеками, больными и собаками, с лепившимися один над другим, словно ячейки, домами с плоскими крышами и стенами из глинобитных кирпичей, под которыми были свалены кучи нечистот, с рынками, источавшими тошнотворную смесь терпких запахов овощей, выделанных шкур, мяса, чая, кофе, пряностей, ароматических трав, — и всё это привлекало огромное количество мух.

В январе 1881 года он известил родных, что живёт в Хараре «крайне скучно и бесприбыльно», часто болеет и в самые лучшие часы занят тем, что следит за развеской кофе, поставляемого компании *голосами,* одной из многочисленных абиссинских народностей, и надзирает за рабочими. Он рассказал им некоторые подробности.

«Я здесь подхватил одну болезнь, сама по себе она не опасная, но здешний предательский климат усугубляет любую хворь. Раны здесь до конца не заживают. Какой-нибудь

миллиметровый порез на пальце гноится месяцами и запросто может перейти в гангрену. К тому же у египетских властей не хватает врачей и медикаментов. Летом климат очень влажный и нездоровый; на меня это плохо действует, я страшно зябну. <…>

Не надо думать, что здесь полная дикость. Тут есть египетская армия, артиллерия и кавалерия и их же администрация, всё точно так же, как заведено в Европе, только слишком много собак и бандитов. — Туземцы, галасы, все земледельцы или пастухи, народ спокойный, когда их не трогают. Местность замечательная, хотя довольно холодная и влажная, но сельское хозяйство отсталое. Торгуют в основном шкурами животных, которых доят по нескольку лет, а потом забивают и обдирают; ещё кофе, слоновая кость, золото, благовония, ароматические масла, мускус и тому подобное. Но беда в том, что всё это — за 60 льё от моря, а перевозка обходится слишком дорого»[104].

Судя по всему, он бы предпочёл Харару аденское пекло. Чтобы скрасить скуку и одиночество, у него было одно средство — чтение книг по технике, названия которых как лейтмотив постоянно присутствовали в его письмах *дорогим друзьям* в Шарлевиле и Роше. Но он просил их больше не присылать ему учебники Роре… Теперь ему потребовался фотоаппарат, «фотографический багаж»[45], как он его называл.

Хотя в апреле в Харар приехали, чтобы там обосноваться, Альфред Барде и один из его компаньонов, Артюру больше чем когда-либо не хватало острых ощущений, приключения. Пусть даже если это будет связано с риском для жизни. Он прямо об этом сказал в письме от 4 мая:

«Дорогие друзья, у вас теперь лето, а здесь зима, то есть, в общем-то, довольно тепло, но часто идут дожди. Так продлится несколько месяцев. Сбор кофе начнётся через полгода.

Я же собираюсь оставить этот город и отправиться за свой счёт торговать или исследовать неизвестные места. В нескольких дневных переходах отсюда есть большое озеро, в тех местах много слоновой кости, я постараюсь туда добраться, но страна эта, возможно, негостеприимная.

Я куплю себе лошадь и — в путь. На тот случай, если это плохо кончится и я оттуда не вернусь, сообщаю вам, что в аденской конторе я депонировал сумму в 715 рупий и вы сможете их востребовать, если сочтёте нужным»[105].

Эти незнакомые места, о которых он мечтал, ему вскоре довелось исследовать за счёт фирмы «Мазеран, Вианне, Барде и компания». Назначенный ответственным за небольшую коммерческую экспедицию, одетый как туземец, он отправился на

плато, что в полусотне километров к югу от Харара. До него в этом районе не бывал ни один белый. Туда не заходил даже британский исследователь Ричард Бертон, который в 1854 году, также переодетым, проник в Харар первым из немусульман.

Рембо привёз оттуда немалое число козлиных и бычьих шкур, которые выменял на мелкие стеклянные изделия и хлопчатобумажные ткани. Но это предприятие, продлившееся две недели, стоило ему нового обострения болезни. Он не мог понять, какая зараза к нему пристала: то ли малярия или холера, то ли тиф, который начал свирепствовать в городе и каждый день убивал десятки человек, тела которых египетские солдаты спешно сбрасывали в общие могилы. А может быть, это сифилис?

По счастью, это была всё та же лихорадка. Но поправившись, Рембо так и не свыкся с жизнью в Хараре, и у него крепло ощущение, что он тратит себя на бессмысленное и отупляющее занятие. Вот если бы только он мог совершить другие экспедиции в неисследованные земли!

Или стать директором отделения компании!

Когда ему отказали в назначении на этот пост, он подал Альфреду Барде заявление об увольнении. Тот его не принял, и у него были к тому основания, поскольку Рембо подписал 10 ноября 1880 года договор с лионской компанией о найме сроком до конца 1883 года. А через несколько недель Барде предложил Артюру вернуться на работу в Аден. Там он вновь стал надзирателем в цехе по сортировке кофе. Поскольку это большой сосредоточенности от него не требовало, у него оставалось время на то, чтобы обдумывать свой новый проект: он решил написать для Географического общества исследование — с приложениями в виде карт гравюр, фотографий — о Хараре и прилегающих к нему землях, всё ещё неизвестных европейцам. Он полагал, что Географическое общество, членом которого был Альфред Барде, могло бы выделить ему средства на другие экспедиции. Для них ему потребовались бы также фотографический аппарат и точные навигационные инструменты.

Артюр знал только одного человека, который мог бы приобрести их для него во Франции и отправить ему. Это был Эрнест Делаэ, которому он и написал письмо с перечнем всего необходимого. А именно: портативный дорожный теодолит, секстант, геодезическая буссоль, карманный барометр-анероид, пеньковый землемерный шнур, ящик с измерительными инструментами (линейка, угольник, транспортир, циркуль, дециметр и рейсфедер), бумага для рисования. К этому списку надо добавить названия разных специальных публикаций, таких, как, например, «Ежегодник Французской республики за 1882 год,

представленный правительству сотрудниками Бюро долгот» или «Инструкции для подготовки к путешествию».

Рембо мечтал. Он представлял себя — вооружённым инструментами, с бумагой и карандашом в руках — первопроходцем, исследователем неведомых земель где-нибудь в глубине Сомали или на Занзибаре. Или на острове Пемба в Индийском океане, который, по его представлениям, был полон тайн. Он уже видел себя признанным географом, которого учёное Географическое общество торжественно принимает в Париже, отдавая дань оригинальности и глубине его трудов и изысканий.

Между тем проходили месяц за месяцем, а он всё ещё изнывал под палящим аденским солнцем на службе всё у тех же «Мазерана, Вианне, Барде и компании», всё в том же цеху сортировки кофе, хотя изредка ему удавалось совершать опасные поездки в глухие районы Абиссинии.

Развлечения его были довольно однообразны: прогулки у одной из немногих достопримечательностей города, которая недавно была приведена англичанами в порядок, — проделанных в склоне горы внушительных резервуаров для воды времён царицы Савской; подъём на какой-нибудь из пустынных холмов, окружающих Аден; посещение портовых кабаков или близлежащих островов Пирим и Бахрейн, находившихся под протекторатом Англии.

Рембо надеялся на повышение в должности, полагая, что сможет заменить Альфреда Барде, если тот, как предполагалось, вернётся во Францию.

В ноябре он получил из Роша хорошую новость: один из чиновников компании, вернувшийся в Лион, купил для него, наконец, «фотографический багаж»{106}. Но эту хорошую новость сопровождала плохая: госпожа Рембо не могла взять в толк, с какой стати она должна нести расходы за этот слишком дорогостоящий (тысяча восемьсот пятьдесят франков) *багаж*. И в письме, отправленном сыну, заявила, что больше не намерена вмешиваться в его дела.

В ОГАДЕНЕ

Отказ матери покрыть его расходы опечалил Артюра, ведь он находился «за тысячу льё от дома», среди «дикарей». 8 декабря 1883 года он писал матери: «Если я не могу уже обратиться за помощью в моих заказах к своей семье, к кому, чёрт возьми, мне обращаться?» Он утверждал, что без книг, которые он заказал, будет лишён «массы необходимых сведений» и останется «как без рук»[{107}]. Это его возмущало и делало раздражительным: в повседневной работе в Адене он выходил из себя по пустякам.

Однажды, потеряв над собой контроль, прилюдно дал пощёчину одному кладовщику — якобы тот не проявил к нему должного уважения. Эта выходка дорого ему обошлась. На него набросились охранники, скрутили его и позволили кладовщику ударить его по лицу и пригрозить расправой, если он когда-нибудь посмеет повторить что-либо подобное. Но этим дело не обошлось. Кладовщик пожаловался в городскую полицию, обвиняя Рембо в нанесении ему побоев и ранений. Он утверждал, что обидчик угрожал ему ножом, и лживо заявил, что все работающие в компании кули могут это подтвердить. Потребовались вмешательство вице-консула Франции в Адене Альбера Делаженьера и содействие Альфреда Барде, чтобы этот инцидент был улажен без дальнейших последствий для Рембо.

В марте 1883 года он продлил свой контракт с лионской компанией до конца 1885 года, и его назначили управляющим отделением фирмы в Хараре. Поскольку он всё ещё намеревался написать географический труд об этом районе Африки и со временем прибыли заказанные им книги и его пресловутый «фотографический багаж» (госпожа Рембо согласилась, наконец, его оплатить), это назначение его обрадовало. К тому же оно дополнялось коммерческими поездками, которые ему предстояло совершить в неисследованные земли на юго-западе Абиссинии.

В Хараре он поселился в бывшей резиденции губернатора Рауф-паши, единственном в городе двухэтажном здании. Фасад его выходил на большую площадь. Совсем рядом проходила стена укреплений, построенных в XIII–XIV веках.

Но, как это уже вошло у него в печальную привычку, он вновь почувствовал себя нехорошо. Да теперь ещё появилась другая забота, которой он не мог не поделиться со своими арденнскими *дорогими друзьями:*

«Вот так и живу, одиночество здесь трудно переносить. Я жалею, что не женился, не завёл семью. Теперь вот я вынужден блуждать, связавшись с заморской компанией, и день ото дня

отвыкаю от европейского климата, уклада жизни, даже от языка. Увы, что проку от этих разъездов туда-сюда, от траты всех сил, от приключений среди людей чуждых рас, от этих языков, которыми забивается память, от этих безымянных болезней, если я не смогу однажды, через несколько лет найти покой в таком месте, которое мне более или менее по вкусу, завести семью и хотя бы одного ребёнка, сына, которого бы в оставшиеся мне годы воспитал на свой лад, обеспечил бы ему самое полное образование, какое только будет возможно получить, и который на моих глазах стал бы известным инженером, человеком влиятельным и богатым благодаря своей учёности? Но кто знает, сколько ещё мне придётся прожить в этих горах? Да я могу здесь пропасть среди туземцев, и об этом так никогда и не узнают»{108}.

А дальше, выказывая фатализм и даже уныние, которые были так несвойственны ему в героическое время Парижской коммуны и его жарких споров с Шарлем Бретанем в Шарлевиле, он замечал:

«Вы мне пишете о политических новостях, если бы вы знали, как мне это безразлично. Я уже больше двух лет не держал в руках газеты. Сейчас мне все эти дебаты непонятны. Теперь я, как мусульманин, знаю только одно: чему быть, того не миновать.

Единственное, что меня интересует — это новости из дома, и мой взгляд всегда отдыхает на картине ваших пасторальных трудов. Как жаль, что у вас там зимой так холодно и мрачно»{109}.

Как средство против хронических болей в животе у него появилось теперь новое увлечение — фотография. Среди снимков, которые он сделал, были многочисленные сценки из местной жизни и портреты, в частности, служащих фирмы, а также автопортреты. Всё это он отправлял бандеролями в Шарлевиль. На одном из снимков он в белых брюках и тёмном пиджаке, отворот которого держит правой рукой, а левая лежит на балюстраде террасы его резиденции в Хараре. На другом автопортрете он со скрещёнными на груди руками, одетый в матросскую блузу и белые брюки, стоит на фоне тонкого ствола дерева и цветущего куста. Он выглядит отрешённым и покорным, почти как каторжник.

Он пытался приглушить свою хворь и с помощью некоторых инициатив. Так, в августе он снарядил коммерческую экспедицию, проведение которой поручил греку Константину Сотиро, единственному европейцу под его началом, человеку, известному своей смелостью, дипломатическими талантами и, что немаловажно, хорошим знанием Корана. Задача экспедиции состояла в поиске контактов с племенами Огадена — обширного полупустынного и полудикого пространства на юго-востоке

Абиссинии и части Сомали, которое перемежается полосами степей с высоким травостоем и каменистыми участками.

Экспедиция была небезопасна: египетские власти всегда косо смотрели на поездки в отдалённые углы их владений, особенно когда их затевали европейцы, а население Огадена было известно своей острой неприязнью к белым и крайней неприхотливостью в обиходе. Поговаривали, что некоторые из туземцев, живущих в разбросанных по степи глинобитных хижинах, — людоеды и большие любители белого мяса. В начале месяца итальянский исследователь Пьетро Саккони и трое из его попутчиков были убиты близ реки Вабаи (или Уэббе) группой туземцев. Правда, они сами спровоцировали их тем, что держались так высокомерно, словно были на завоёванной территории.

Совсем рядом с Вабаи, до которой Константин Сотиро дошёл беспрепятственно, он открыл народность пастухов-кочевников, никогда не видевших белого человека, и земли, где резвились крокодилы, слоны, жирафы, газели, гиппопотамы и целые стада страусов, — «настоящий охотничий рай»{110}. Он с удивлением узнал, что вожди местных племён особо заботились об этих страусах, их охраняли дети, а кормили их отдельно от других домашних животных. К счастью, Сотиро успешно завершил свою поездку, что позволило «Мазерану, Вианне, Барде и компании» открыть новый рынок сбыта. Вскоре были организованы ещё три экспедиции в Огаден, и каждая оказалась чрезвычайно удачной, даже при том, что во время одной из них Сотиро в течение двух недель находился в плену у воинов какого-то племени и был освобождён за выкуп. Рембо лично участвовал в третьей экспедиции.

В декабре, используя многочисленные заметки, сделанные Сотиро в Огадене, Артюр составил подробный и объективный отчет об экспедициях, в котором уделил внимание климату, флоре и фауне, а также нравам, обычаям и обрядам населения. По его словам, привычным занятием жителей Огадена было «сидение с оружием в руках группами под деревьями на некотором расстоянии от пастбища и бесконечное обсуждение их всевозможных пастушеских забот».

«Если не считать этих посиделок и выездов верхом на водопой или набегов на соседей, они совершенно праздны. Уход за скотом, изготовление домашней утвари, возведение хижин, снаряжение караванов — всё это лежит на женщинах и детях. <…>

Огаденцы не употребляют в дело никаких ископаемых.

Они фанатичные мусульмане. В каждом становище есть свой имам, который в определённые часы читает нараспев молитвы. В

каждом племени есть *водады* (грамотные); они знают Коран, арабское письмо, импровизируют стихи.

Семьи огаденцев весьма многодетны. У вождя, с которым имел дело г-н Сотиро, шестьдесят сыновей и внуков. Когда супруга огаденца родит ребёнка, муж воздерживается от сношений с ней до тех пор, пока ребёнок не научится самостоятельно ходить. Естественно, что он в это время берёт себе другую или несколько жён, но это ограничение всегда соблюдается»{111}.

Решив, что отчёт Рембо представляет научный интерес, Барде переслал его в Географическое общество в Париж. Получив такой стимул, Рембо утвердился в мысли, что его ожидает карьера географа. Но за то время, пока он собирался снова отправиться в Огаден, политическая обстановка резко изменилась.

После нескольких столкновений египетская армия собиралась оставить город и область Харар, которую оспаривали между собой Йоханн IV — король Тире и Амбары, с 1872 года император Абиссинии, поддерживаемый Великобританией, и его вассал король области Шоа — Менелик, родившийся в 1844 году в Анкобере.

Йоханн IV и Менелик оба были христианами (значительная часть Абиссинии была обращена в христианство после Халкедонского собора 451 года). Но из-за того, что эти два правителя были единоверцами, их братоубийственная борьба не стала менее жестокой, даже притом что на страну, на *их* страну постоянно посягали иноземцы: египтяне хедива Исмаила; суданские махдисты, сторонники Мухаммада Ахмада, прозванного Махди (Мессия), и фанатичные мусульмане-интегристы; итальянцы, которые пытались создать свои колонии как вдоль побережья Красного моря, так и на высоких плато; наконец англичане, стремившиеся укрепить мощь своей империи.

Рембо же больше волновало то, что фирма, на которую он работал, испытывала в Европе большие финансовые трудности и подлежала закрытию, хотя её отделения в Адене и Хараре приносили прибыль.

Двадцать третьего апреля 1884 года Рембо был уволен, но жалованье ему было выплачено до конца июля{112}. Он сразу же вернулся в Аден, где надеялся найти другую работу, желательно в фирме, от которой он мог бы путешествовать и открывать дальние страны. В то же время он подумывал, а не купить ли ему на собственные средства какую-нибудь плантацию в Хараре или его окрестностях. Он считал, что это было бы наверняка предпочтительнее для той молодой и скромной абиссинки высокого и тонкого телосложения, с которой он недавно сошёлся

и показывался вдвоём по вечерам. Обычно её видели одетой по-европейски и с египетской сигаретой во рту.

Альфред Барде просил его не покидать Аден. Он сказал ему, что намерен вновь учредить коммерческое предприятие в этом регионе Африки и что если у него это получится, он непременно обратится к его услугам.

Рембо в это не очень верил. Он боялся, что неспокойная обстановка, конфликты, постоянно вспыхивающие в заливе, помешают возможным инвестициям. Но в июне Барде, сумев собрать в Марселе необходимые фонды, вновь взял Рембо на службу сроком на полгода, предложив ему пост заготовителя кофе в его новой компании, которая теперь носила имя его брата Пьера Барде.

Артюр сообщил об этом своим арденнским *дорогим друзьям,* а заодно и рассказал о некоторых особенностях аденского климата:

«Прошёл месяц, как я в новой должности, и надеюсь пробыть в ней оставшиеся пять месяцев. Рассчитываю даже на последующее продление контракта.

Через два месяца, то есть в конце сентября, закончится лето. Зима здесь продолжается шесть месяцев с октября до конца марта. Зимой тут называют время, когда температура понижается до 25 градусов (выше нуля), то есть как у вас летом, и иногда за всю такую зиму совсем не бывает дождей.

Ну а летом здесь всегда 40 градусов. Это очень действует на нервы и ослабляет. Поэтому я ищу любого случая получить работу в каком-нибудь другом месте»{113}.

Дела, однако, шли плохо, и в последующие месяцы ожидалось полное разорение. Рембо понимал, что заниматься коммерцией в Аденском заливе — дело нелёгкое.

«Тот, у кого нет значительных фондов или кредита, а есть только небольшой капитал, рискует здесь скорее потерять его, чем приумножить, так как вокруг тысяча опасностей, а жизнь, если хочешь жить хотя бы с некоторыми удобствами, обходится дороже, чем зарабатываешь, потому что сейчас у служащих на Востоке содержание такое же скудное, как в Европе, а участь их ещё печальнее из-за ужасного климата и нервного образа жизни»{114}.

Политическая обстановка в регионе была неустойчивой. Шли разговоры о том, что в Хараре теперь новый сильный человек — эмир Абдаллахи, у которого жуткая навязчивая идея: перебить всех находящихся там христиан, — и белых, и цветных. Поговаривали также, что англичане в своих интересах ведут двойную игру, обхаживая по очереди то абиссинских правителей, то египетских. Во всяком случае, Рембо в письме родным от 30

декабря 1884 года обвинял их без обиняков:

«Это англичане своей абсурдной политикой разоряют всю торговлю на здешних берегах. Они хотели тут всё переиначить и добились того, что стало ещё хуже, чем при египтянах и турках, которых они разорили. Их Гордон — идиот, а Вулзли[46] осёл, и все их предприятия — бессмысленная череда нелепостей и хищничества»{115}.

Не жаловал Рембо и колониальную политику Франции в Красном море, называя её «глупой», так как, по его мнению, деньги были вложены в «проигрышное дело в самом неподходящем месте»{116}.

Десятого января 1885 года он с удивлением узнал, что фирма «Пьер Барде» продлила его контракт до 31 декабря того же года. Это его не слишком обрадовало. Он знал, что отныне из-за любого пустяка может потерять своё место, которое вовсе его не устраивает, и он был готов его оставить, если бы нашлось что-нибудь более привлекательное и *человечное* и не в таком климате.

Почему бы не в индийском Бомбее или не в Тонкине? Или даже в Америке, на Панамском канале, строительство которого, начатое в 1881 году, было ещё далеко до завершения?

Обдумывая эти вопросы, Рембо в начале октября встретил в Адене некоего Пьера Лабатю. Этот сорокатрёхлетний уроженец Гаскони сначала работал разносчиком во Франции и в Италии, потом стал предпринимателем в Египте, а в 1872 году обосновался в столице Шоа Анкобере, где женился на абиссинке. С тех пор он разбогател, продавая всё, что продавалось, включая мужчин, женщин, детей. Он владел землёй, табунами лошадей и мулов и множеством рабов, среди которых жил, как вождь какого-нибудь эфиопского племени. Он похвалялся своим близким знакомством с Менеликом, к которому вошёл в доверие и стал одним из самых авторитетных его советников.

Пьер Лабатю перешёл сразу к делу. Он предложил Рембо работу за комиссионные: закупать оружие, изготовленное в Бельгии и Франции, а потом с большой выгодой продавать его в Абиссинии.

С ОРУЖИЕМ НА РУКАХ

У Рембо была, по меньшей мере, одна веская причина для того, чтобы туг же, не сходя с места, принять предложение Пьера Лабатю: он чувствовал, что, работая на фирму «Альфред Барде», просто-напросто начинает опускаться. Но было ещё одно важное обстоятельство: в этом регионе мира, где пересеклись интересы крупнейших европейских держав, продажа средств ведения войны казалась многообещающим и высокоприбыльным делом. И раз уж представилась такая возможность, следовало ею воспользоваться. Кроме того, работая в Адене и Хараре, Рембо сумел скопить немалую сумму денег и готов был значительную их часть вложить в дело. Заключалось оно в том, чтобы поставлять оружие Менелику, который намеревался и вытеснить за пределы Шоа войска поддерживаемого англичанами императора Йоханна IV, и захватить провинцию Харар. Поставка оружия должна была происходить в Анкобере, одном из старинных городов Абиссинии с населением в десять тысяч человек и расположенном на высоте 2760 метров над уровнем моря.

Уволившись из фирмы Барде и став компаньоном Лабатю, Рембо поселился в гостинице «Вселенная», лучшей в Адене. Там обычно останавливались проезжавшие через город европейцы. Артюр ждал случая отправить с караваном до Анкобера партию старых ружей, которую сумел приобрести без особенных затруднений. Местом отправления экспедиции была выбрана Таджура, небольшой порт на сомалийском берегу, за год до того аннексированный французской колонией Обок. Но ожидать пришлось долго, только в декабре Рембо выехал в Таджуру, чтобы нанять там носильщиков, погонщиков верблюдов и снарядить караван. Он отправился туда один, решив расстаться с юной абиссинской подругой, которую в письме итальянскому исследователю и журналисту Аугусто Франдони назвал своим «маскарадом».

Пока оружие и боеприпасы не прибыли, он пытался освоиться на новом месте и вскоре понял, что угодил в ловушку: на берегу не было никакого причала. Поселение состояло из нескольких десятков глинобитных хижин, выбеленных известью мечетей чуть выше человеческого роста, небольших кладбищ да сплетённой из пальмовых ветвей крохотной резиденции местного султана. В укреплении, построенном когда-то египтянами, разместился пост из шестерых французских солдат под командованием сержанта. Единственным видом туземного промысла была работорговля. За щепотку соли можно было выменять молодую женщину.

Сообщив семье о том, как у него складываются дела, Рембо заметил, что в Таджуре под протекторатом французов «вывозу товаров препятствий не чинят» и что «так-то оно лучше»{117}.

В феврале 1886 года товар, наконец, прибыл. Но, по настоятельному требованию Англии и в соответствии с франко-английской конвенцией 1884 года, французские власти отменили лицензии на экспорт оружия в Абиссинию и больше разрешений не выдавали. Этот неожиданный удар привёл Рембо в негодование. По согласованию с Лабатю он написал в Париж, в министерство иностранных дел, длинное письмо с жалобой на такое положение и изъявлением надежды на его отмену.

В этом послании Рембо указывал, что Лабатю и он — «французские негоцианты, уже десятилетие ведущие дела в Шоа при дворе короля Менелика»{118}, и подробно изложил характер их предприятия и обстоятельства, в которых оно находится: закупка и хранение товара, издержки (включая потерю выплаченного аванса), налоги, выплаты рабочим, виды оплаты, дисконт. Не забыл он сообщить и число поставляемых ружей (2040) и патронов фирмы «Ремингтон» (60 тысяч), а также общую стоимость каравана в долларах (40 тысяч). Он подчёркивал: «Мы вложили в эту единственную сделку все наши капиталы, материалы и персонал, всё наше время и даже все виды на будущее»{119}.

Далее он упомянул, что не существует никакой связи между импортом оружия и экспортом рабов — промыслом, который продолжается «между Абиссинией и побережьем с античных времён в неизменных масштабах». «Наши сделки, — уточнял он, — совершенно независимы от сомнительных промыслов бедуинов. Никто не рискнёт утверждать, что какой-либо европеец когда-либо продал или купил, переправил или помог в переправке хотя бы одного раба на побережье или на материке». И добавлял: «К тому же запрет на импорт оружия в Шоа наверняка и немедленно приведёт к радикальному ограничению торговых связей колонии Обок с Абиссинией»{120}.

В мае он получил, наконец, запрошенное им разрешение и сразу же начал переговоры с туземцами и сбор каравана: наём проводников, погонщиков верблюдов, закупку верблюдов, мулов и продовольствия. Позаботился он и о вооружённой охране, поскольку караван в любое время дня и ночи мог натолкнуться в пути на банду местных дикарей. Он не мог позволить себе забыть о печальной участи французского исследователя Леона Барраля и итальянского Пьетро Порро, первый из которых в феврале, а второй в апреле минувшего года были убиты, попав в засаду.

В тот момент, когда Рембо был уже близок к договорённости

со всеми, из Адена пришло сообщение о том, что Лабатю серьёзно заболел и должен срочно возвращаться во Францию.

Этот новый удар поколебал решимость Рембо.

Идти одному в Анкобер?

Да, такую возможность он рассматривал. Но он не был знаком с Менеликом, про которого все говорили, что его надо остерегаться, так как человек он хитрый, двуличный, всегда готовый, если ему это выгодно, отказаться от данного им слова, изменить союзнику. Тогда Рембо подумал, а не присоединиться ли ему со своим караваном к каравану ещё одного француза, исследователя и коммерческого агента Поля Солейе, который тоже собрался идти в Шоа.

Солейе появился в заливе Таджуры в 1882 году, хорошо знал Африку, особенно этот регион, но главное — был одним из приближённых собеседников Менелика и его главным поставщиком военных материалов. За всё это король пожаловал ему дом и земли. Сверх того, он присвоил ему звание генерала.

Имея на руках официальное разрешение, Рембо полагал, что у его идеи хорошие шансы на успех. Но проблема была в том, что Солейе тогда находился в Адене и должен был вернуться в Таджуру только к концу августа.

Вновь Артюру пришлось запастись терпением и отложить начало экспедиции. Но в сентябре он узнал, что Солейе в возрасте сорока четырёх лет умер в Адене от эмболии. Беда никогда не приходит одна: вскоре стало известно, что и Лабатю умер, по странному совпадению, в том же возрасте, что и Солейе.

Всё это убедило Рембо в том, что у него остался один выход: самому повести караван. Иначе он на этом деле, которое поначалу, когда его предложил ему Лабатю, сулило немалые барыши, теперь мог потерять все свои деньги.

В октябре, то есть через десять месяцев по прибытии в Таджуру, он снарядил, наконец, свой караван с оружием и возглавил конвой, состоявший из доброй сотни мулов и верблюдов и тридцати четырёх вооружённых до зубов абиссинцев.

Дорога, которую он выбрал, оказалась адским испытанием, и не только из-за свирепых местных племён, например данакилей, для которых убийство человека было предметом гордости, и разбойничьих отрядов, которые, не переставая сражаться друг с другом, грабили и убивали путешественников и исследователей.

Была ещё жара, часто превышавшая 60 градусов. При таком жгучем солнце и большой влажности тысячелетия отложили пласты соли по берегам мёртвого озера Ассал, самого мрачного места в тех краях, «более ужасного в полдень, чем в любое другое время дня»{121}. А ещё каменистая неровная земля, на которой в

любой момент можно было потерять равновесие, крутые склоны, на которые надо было взбираться, огромные куски окаменевшей лавы и базальта, с которых приходилось скатываться.

А ещё жажда, превращавшая воду в драгоценное сокровище, которое везли в кожаных бурдюках, обмазанных внутри и снаружи прогорклым жиром. Из-за чрезмерного перегрева вода становилась липкой, тошнотворной и почти непригодной для питья жижей. В любой момент путника могла прихватить диарея.

Но хуже всего была тоска, которой нет названия, которая хватала за горло и не отпускала, не давала ночью сомкнуть глаза… Абиссинцы были всегда настороже, страшась внезапного появления вампиров, которые якобы способны уносить людей за горы…

Это Дантово хождение «по страшным дорогам, напоминающим предполагаемый ужас лунных ландшафтов»{122}, продолжалось около четырёх месяцев. Когда в феврале 1887 года караван дошёл до Фарре, а потом через двадцать километров до Анкобера, Рембо был совершенно истощён. Он похудел, с трудом передвигался, и у него страшно болело правое колено.

В довершение всего он с разочарованием узнал, что Менелик выехал из Анкобера в Шаланко, что километрах в шестидесяти от столицы в западной части Харара, — воевать против эмира Абдаллахи.

«Дело продолжалось не более четверти часа, у эмира было всего несколько сотен ремингтонов, а остальные сражались холодным оружием. Его три тысячи воинов были в мгновение ока посечены и наголову разбиты людьми короля Шоа. Вместе с галасами и сомалийцами погибли примерно двести суданцев, египтян и турок, оставшихся при Абдаллахи после египетской эвакуации. Это дало повод шоанским солдатам, которые раньше никогда белых не убивали, заявить при возвращении, что они привезли отрезанные мошонки всех *франги*[47], какие были в Хараре.

<…> Через несколько дней после этого Менелик вошёл в Харар, не встретив сопротивления, и разместил свои войска за пределами города, поэтому никаких грабежей не было. Монарх ограничился тем, что наложил на город и область контрибуцию в размере семидесяти пяти тысяч талеров[48] и, согласно абиссинским законам войны, конфискацию движимого и недвижимого имущества убитых в бою врагов, а сам вывез из домов европейцев и других жителей всё, что ему там приглянулось. Он приказал забрать всё хранившееся на городских складах оружие и боеприпасы, которые до этого считались собственностью египетского правительства, и отправился обратно

в Шоа, оставив три тысячи своих стрелков в лагере, разбитом на одной из соседних с городом высот, и поручив управление городом дяде эмира Абдаллахи Али Абу Бакру, которого англичане во время эвакуации пленным доставили в Аден, после чего отпустили, а племянник держал его у себя в доме на положении раба»[123].

В Анкобере никто не мог сказать, когда король вернётся. Это только усиливало досаду Рембо, и он уже ссорился со своими проводниками и погонщиками верблюдов, которые по праву требовали всего, что им причиталось, в звонкой монете и, чтобы получить её, пожаловались главному интенданту Менелика. Затем Рембо начала преследовать абиссинка госпожа Лабатю, вдова Пьера Лабатю. Она объявила ему, что её покойный муж должен был получить крупную сумму денег от продажи партии слоновой кости. Твёрдо уверенная в своих правах, она требовала, чтобы Рембо, как *партнёр* её мужа, заплатил ей эту сумму. Не имея никакого письменного документа, который бы доказывал его непричастность к этой сделке, он вынужден был ей уступить.

Вскоре он узнал, что Менелик возвращается с армией в Харар и намерен остановиться в Энтото, где у него летняя резиденция, что он планирует превратить это место в новую столицу своего королевства, хотя там пока всего около сотни домишек и оно защищено всего лишь плетнём. Энтото находился в 150 километрах от Анкобера. Рембо сразу же повёл туда свой караван. По счастью, этот переход был не таким трудным, хотя и приходилось для переправы через реки делать на скорую руку плоты, поскольку зыбкие мостки из стволов деревьев были ненадёжны.

Прибыв в Энтото, Рембо узнал, что государя там ещё нет, но его ожидают через несколько дней. Артюра познакомили со швейцарским инженером Альфредом Ильгом, который оказался его ровесником. Благодаря многочисленным работам, проведённым Ильгом с 1879 года вместе с двумя своими соотечественниками в разных местах Абиссинии (включая, например, прокладку городского водопровода), а также благодаря своей честности и уму этот европеец завоевал доверие Менелика. Помимо всего, у него был редкий талант к ведению переговоров.

Познакомившись с ним, Рембо почувствовал к нему симпатию, и впервые за долгое время у него возникло ощущение, что перед ним человек, с которым он может что-то обсудить, свободно обменяться мнениями, пусть даже не всегда с ним соглашаясь. Он рассказал ему о том, что прибыл с партией оружия для продажи, и попросил представить его Менелику. Альфред Ильг был готов оказать ему эту услугу.

Шестого марта король въехал в Энтото. Впереди процессии шли «музыканты, оглушительно дудевшие в египетские трубы, которыми они обзавелись в Хараре», а за королём двигалось «его воинство с трофеями, среди которых были две пушки Круппа, влекомые каждая восемью десятками человек»[{124}]. Король принял Рембо, сопровождаемого Ильгом, лишь спустя несколько дней. И, сказать откровенно, принял без особенного восторга. Оружия и боеприпасов он немало захватил в Хараре после победы над Абдаддахи. И среди прочего — партию ремингтонов, ружей более современного образца, чем те устаревшие стволы, что предлагал Рембо, с такими мучениями доставивший их из Таджуры.

Нет, такой товар Менелика совсем не интересовал. Разве что с большой скидкой. По бросовой цене.

И никаких уступок.

Выбора не было.

Рембо оказался в таком положении, словно ему приставили нож к горлу, и, не имея, в отличие от Лабатю и Солейе, опыта в коммерческих делах, вынужден был принять самые невыгодные условия. Произошло то, чего он так страшился: затеянное предприятие окончилось полным фиаско. Но и это было ещё не всё. Менелик, сопровождая свои слова двусмысленными гримасами и фальшиво-покровительственными жестами, сообщил Артюру, что оплата товара будет производиться не наличными, а векселями, каковые будет принимать к погашению его племянник Маконнен, которого он назначил губернатором Харара.

А напоследок добавил, что господин Пьер Лабатю остался ему должен и было бы в порядке вещей, если бы Рембо оплатил долги своего покойного партнёра.

«БЕДСТВЕННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ»

Готовясь отбыть в Харар, Рембо познакомился ещё с одним оказавшимся проездом в Энтото европейцем. Им был соотечественник, уроженец Марселя годом старше его, исследователь Жюль Борелли. Под патронажем министерства просвещения он предпринял экспедицию в Шоа, отправившись туда из Каира. До этого он побывал в Соединённых Штатах, в России на Беринговом проливе, в Сенегале, в Индии, на острове Маврикий. Как и Альфред Ильг, Жюль Борелли показался Артюру человеком симпатичным, и оба решили добираться до Харара вместе. По пути они смогли многое поведать друг другу: Борелли — о своих странствиях в разных частях света; Рембо — о своей досаде и разочаровании, которыми был обязан Менелику.

Дорога в Харар длиной в 500 километров также не была лишена опасностей. Помимо труднопроходимого ландшафта, она являла путнику следы кровопролитных сражений между войсками Менелика и махдистами, сторонниками Мухаммада Ахмеда, и мятежными племенами. Повсюду встречались разорённые или брошенные селения, разлагающиеся трупы, скелеты солдат, костяки лошадей и быков, оставшиеся от обильных пиршеств диких зверей.

В самом Хараре под палящим солнцем картина была ещё более печальная. Город то и дело подвергался разграблению и теперь представлял собой ужасающую клоаку, в которой среди мертвецов, развалин и зловонных куч мусора те, кто выжил, как могли, пытались оградить себя от грабежей, нападений и от чумы. Положение усугублялось тем, что окружавшие город высокие каменные стены препятствовали рассеиванию накопившихся миазмов. К тому же внутри этих стен не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. Те немногие европейцы, что ещё там оставались, забаррикадировались в своих жилищах и готовились к худшему.

Рембо решил поскорее обналичить свой вексель у Маконнена и уносить ноги из города. Пока он не знал — куда и за каким *приключением*. Но в одном он был уверен — в том, что пора кончать с этой затянувшейся ружейной коммерцией, которую он затеял с Пьером Лабатю и которая привела его к разорению.

Однако его ожидала новая неприятность: Маконнен, ссылаясь на нехватку наличности, погасил ему только часть долга Менелика. На оставшуюся сумму он выдал ему новый вексель, который можно было обналичить в порту Масауа, с 1884 года ставшем итальянским владением на эритрейском берегу Красного

моря. Тридцатипятилетний Маконнен был явно не столь хитёр и коварен, как его дядя, и к тому же был известен своими тесными контактами и сотрудничеством с иностранцами, но едва дело доходило до денег, он становился крайне несговорчивым.

Рембо чувствовал своё бессилие. Он распрощался с Жюлем Борелли и, не задерживаясь, снова отправился в путь в сопровождении одного семнадцатилетнего абиссинца по имени Джами Вадаи, который был в то время его слугой. В этот раз он направился в Аден, куда прибыл в июле, по пути остановившись в Джибути. В Адене он сразу же представил французскому вице-консулу отчёт о «ликвидации каравана покойного Лабатю». В нём он сообщил, что эта операция принесла ему огромные убытки (потеря более шестидесяти процентов капитала) и стоила двадцати одного месяца тяжких усилий.

«В Шоа переговоры об этом караване происходили в крайне неблагоприятных условиях: Менелик захватил весь мой товар и принудил меня продать его по сниженной цене, запретив мне продавать его по частям и угрожая отправить всё обратно на побережье за мой счёт! <…>

Обложенный бандой самозваных кредиторов покойного Лабатю, сторону которых всегда принимал король, тогда как мне так и не удалось ничего получить со своих кредиторов; преследуемый его абиссинским семейством, которое остервенело требовало от меня его наследство и отказывалось признать мою доверенность, — я испугался, как бы меня не ограбили окончательно, и решил покинуть Шоа, сумев получить у короля вексель для предъявления к оплате у губернатора Харара. <…>

Получение по векселю доброго Менелика в Хараре не обошлось без существенных потерь и трудностей, а некоторые из кредиторов добрались до меня и там»{125}.

После этого Рембо пересёк Аденский залив и прибыл в Обок, откуда на корабле отправился в Египет с промежуточной остановкой в Масауа.

Когда он высадился в этом порту, где были пришвартованы итальянские военные корабли, его задержали карабинеры, заподозрившие в нём шпиона, работающего на французское правительство. Чтобы доказать колониальным властям, представителям итальянского короля Умберто, свою благонадёжность, он предъявил полученный от Маконнена вексель, но это их не убедило, они потребовали письменного доказательства, что он является коммерсантом и прибыл в Масауа по делам, не связанным с политикой. Через десять долгих дней это затруднение разрешилось и Рембо смог предъявить свой вексель к погашению. То была цена его долгих и непрерывных

усилий, *выкуп* за опасную и печальную эпопею в негостеприимных землях Абиссинии.

В середине августа он прибыл в Каир, остановился в гостинице «Европа» и депонировал в местном отделении банка «Лионский Кредит» восемь килограммов золотых монет, которые всегда носил при себе зашитыми в пояс, что не умаляло риска быть обворованным.

Он был не в лучшем физическом состоянии. Волосы его совсем поседели. Он страдал от дизентерии и ревматизма в плечах и пояснице, а также от боли в левом бедре, которая часто лишала его возможности двигаться. Он считал, что влачит «бедственное существование»{126}. В письме родным он признавался:

«Я утомлён до крайности, теперь у меня нет работы и я боюсь потерять то немногое, что у меня есть… <…>

И всё же я по многим причинам не могу уехать отсюда в Европу. Во-первых, зимой я там помру, а потом, я слишком привык к бродячей, вольной жизни, и, наконец, у меня там больше нет положения.

Так что я обречён остаток своей жизни провести в скитаниях, лишениях и трудностях с единственной перспективой умереть в нищете.

Здесь я долго не задержусь; работы у меня нет, а стоит всё дорого, и мне поневоле придётся вновь повернуть куда-нибудь в Судан, Абиссинию или Аравию, может быть, отправиться на Занзибар, откуда можно начать дальние путешествия в Африку, в Китай, Японию, как знать»{127}.

В Каире единственным его утешением стала встреча со старшим братом Октава Борелли Жюлем Борелли, адвокатом, известным в городе под именем Борелли-бей. Он был одним из основателей «Египетского Босфора», еженедельной «политической и литературной» газеты на французском языке. При его содействии Рембо опубликовал в двух выпусках этой газеты свои заметки о путешествии в Шоа. Их предваряла краткая аннотация: «Г-н Рембо, известный французский путешественник, о прибытии которого в Каир мы сообщали, направил нам следующее письмо, которое представляет большой интерес и содержит ранее совершенно неизвестные сведения о Хараре и Шоа»{128}.

Текст этот был совсем не похож на «Одно лето в аду» или «Озарения». Он был написан уже не поэтом и вовсе не «ясновидящим», а добросовестным, объективным географом и одновременно хроникёром. Впрочем, кое-где он позволял себе высказать собственное суждение о происходившем, например заметил, что Менелик «остаётся в совершенном неведении (или

безразличии) относительно возможности эксплуатации ресурсов региона, которым управляет»{129}. Его публикация была высоко оценена, его хвалили за превосходное исследование предмета, и он отправил статью на родину в газеты «Время», «Фигаро» и «Арденнский курьер».

Тогда же Рембо решил предпринять новую экспедицию в Абиссинию, если получит на это средства от Географического общества. Маршрут предполагаемого путешествия он послал Альфреду Барде, которого попросил передать его заявку в Париже куда следует[49]. В маршруте значилось восемнадцать этапов от Энтото до Харара, каждый с точным указанием соответствующей местности и длины перехода в километрах. Попутно приводились характерные подробности, относящиеся к фауне и флоре и сельскому хозяйству. В местности Конелла им были отмечены «заросли кустов мимозы, населённые слонами и хищными животными», в Минджаре «многочисленные посевы хлопчатника», а в Херне — кофейные плантации и «великолепные долины, окаймлённые лесами, в тени которых проходят путники»{130}. Это было реальное, убедительное доказательство того, что автор знает всё, о чём пишет, и что он не какой-нибудь любитель, дилетант.

Его не удостоили ответом. Тогда он стал почти равнодушно слоняться по Каиру, осмотрел пирамиды Гизы, ходил к подножию горы Мокатан… А потом, после семи недель бесцельных блужданий вернулся в Аден и решил вновь взяться за дело, в котором теперь знал толк, хотя оно и доставило ему одни неприятности, — за торговлю оружием.

Теперь он намерен был действовать совершенно легально и поэтому 15 декабря написал письмо министру морского флота и колоний, в котором попросил официального разрешения на поставки во Францию с восточного побережья Африки материалов для производства оружия и патронов. В тот же день он попросил поддержки у депутата от Арденн Жана Батиста Фаго, одного из тех, кто давал средства на издание в Мезьере республиканской газеты «Северо-восток». Рембо не преминул сообщить ему, что он уроженец Шарлевиля.

В разрешении ему было отказано, и он уже было вновь затосковал, как вдруг получил заманчивое предложение от французского коммерсанта Армана Савуре: скрытно привести в Харар караван с товарами и оружием — три тысячи стволов и пятьсот тысяч патронов.

Савуре, невысокого роста тучный мужчина, в то время находившийся в Париже, был хорошо известен в Адене, где все отдавали должное его редкостному деловому чутью,

проницательности и хитрости.

Для Рембо операция, предложенная Арманом Савуре, была уже делом привычным: с середины февраля до середины марта 1888 года он привёл караван в Харар, где при Маконнене жизнь постепенно входила в норму, и вернулся на побережье.

Эта экспедиция навела его на некоторые мысли.

А не завести ли в Хараре собственное дело?

Что мешает ему основать там торговую факторию по образцу «Мазерана, Вианне, Барде и компании»? Ведь там не представлена ни одна французская коммерческая фирма. Не станет ли это эффективным средством избавления от *бедственного* существования»?

Он предпринял кое-что в этих целях и вскоре познакомился ещё с одним марсельцем, Сезаром Тианом. Тому было уже около пятидесяти, в Адене он находился с 1869 года, жил в большом и красивом доме. Он основал импортно-экспортную фирму, которая специализировалась в основном на торговле шкурами, страусовыми перьями, каучуком и кофе. Когда Рембо рассказал ему о своих намерениях, Тиан сразу увидел в них возможные выгоды и согласился с ним сотрудничать.

Они быстро договорились начать дело, прибыль от которого решено было делить поровну. Помимо этого, Рембо выговорил себе право работать за свой счёт и вполне самостоятельно.

В мае, прибыв в Харар, он снял небольшой дом, где открыл контору и занялся покупкой и продажей товаров, чаще всего в партнёрстве с Тианом, но также и с другими коммерческими фирмами, действовавшими на побережьях Красного моря и Аденского залива. Товары были весьма разнообразными: кофе и мелкие стеклянные изделия, слоновая кость, кожи, каучук, шёлковые и хлопчатобумажные ткани, точные инструменты.

Хотя дела шли неплохо, радости это ему уже не приносило. У него иссякла энергия. Он с горечью осознавал, что его существование «без семьи, без интеллектуальных занятий» не сулит ему никаких перспектив, что его коммерческие труды бесполезны и, «затерянный среди негров», он день ото дня будет превращаться в неврастеника.

«Я скучаю, — писал он родным 4 августа, — я даже никогда не знал никого, кому было бы так скучно, как мне». Но, продолжал он, «самое печальное ещё ждёт меня впереди, — это боязнь постепенно оскотиниться, находясь в изоляции от всякого интеллигентного общества»[131].

Страдал он и физически, особенно из-за боли в правой ноге. Он боялся, что, быть может, это то же страшное туберкулёзное воспаление, что в декабре 1875 года свело в могилу его сестрёнку

Витали…

Эти проблемы со здоровьем сказывались на его настроении, и люди, которые встречались с ним по торговым делам, как европейцы, так и местные, находили его всё более угрюмым и неприветливым. С ним было всё труднее иметь дело. Казалось, что его ничто уже не занимает помимо возможности получения барыша.

Изредка его навещали путешественники. В сентябре у него побывал обходительный Жюль Борелли, после него Арман Савуре, который задержался в Хараре на целый месяц, а вскоре появился вернувшийся из Европы Альфред Ильг. Он привёл в Харар караван с военным грузом для Менелика.

Этого швейцарского инженера Рембо считал уже своим другом и был с ним откровенен. В течение нескольких недель тот жил у него в доме. По вечерам они вели долгие разговоры, в которых иногда участвовали находившиеся в городе европейцы.

Благодаря Ильгу он углубил свои знания по истории Абиссинии со времён Античности. Слушая гостя, Артюр вспомнил о своём проекте книги про эту обширную и суровую страну, к которой стал, наконец, привыкать. Это будет, писал он родным, *«нечто добротное и полезное»*{132}. Вот только бы взяться за эту работу…

Одним ноябрьским утром 1888 года Харар был разбужен пугающим известием: Менелик и Йоханн IV объявили друг другу войну.

ГРОЗА СОБАК

В первые недели 1889 года до Харара доходили лишь отрывочные известия о войне, но торговля между ним, Шоа и побережьем уже была серьёзно нарушена. Все чувствовали, что ухудшается положение европейцев, которых Менелик и его сторонники стали сильно прижимать. Это происходило из-за того, что крупные европейские державы, покончив со своими спорами, подписали договор, по которому поделили между собой всё побережье, навсегда отказав Абиссинии в праве на выход к морю. Этот договор предусматривал, в частности, постепенный уход Франции из Обока и перенос всей её активности в Джибути. Менелик пощадил только итальянцев — по той простой причине, что у его противника Йоханна IV был с ними вооружённый конфликт и он их люто ненавидел за то, что они захватили прибрежные провинции его империи.

Несмотря на тяжёлую ситуацию, Рембо, как мог, пытался выстоять и продолжал вести дела, особенно с Арманом Савуре, который, со своей стороны, не прекращал поставлять в страну оружие и боеприпасы. При этом Рембо был настороже, зная, что малейшая ошибка может оказаться роковой.

Однажды он стал объектом нападок из-за того, что якобы отравил собак, которые гадили на кожи, лежавшие около дома, где он жил. Соседи считали, что это отравление, единственным виновником которого назвали его, было причиной падежа среди их овец. Они грозились посадить его в тюрьму, выслать из города и захватить все его товары. Впрочем, дело угрозами и ограничилось. Арман Савуре, вспоминая об этом случае, в одном из писем к Рембо назвал его в шутку «Грозой собак»[133].

Одиннадцатого марта ещё одна новость всколыхнула весь город и округу — смерть Йоханна IV. Император, который был на троне с семнадцатилетнего возраста, скончался от ран, полученных во время одного из сражений с махдистами на границе с Суданом. Менелик, находившийся тогда в Энтото, мог ликовать, так как отныне ничто не мешало ему стать следующим царём царей. Одержимый гордыней, злобный, хитрый и упрямый, он уже много лет мечтал об этом, и вот его надежды сбывались.

Провозгласив себя в июле негусом (императором) в Энтото (а не в Аксуме, что на северо-востоке страны, как это делали императоры — его предшественники), он сразу же стал проводить политику репрессий и принуждения. В частности, он обязал всех иностранцев, находившихся в Абиссинии, подписаться на государственный заём. Он вознамерился также вернуть

бесчисленные произведения искусства и священные рукописи, которые были захвачены англичанами в 1868 году, когда британские войска безнаказанно занимались систематическим разграблением культурного наследия страны. Он предполагал хранить их в городе, который собирался построить недалеко от Энтото и который должен был стать новой столицей империи, — в Аддис-Абебе.

В одном из писем Альфреду Ильгу Рембо жаловался:

«С установлением порядка мы здесь наблюдаем картину, подобную которой страна не видела ни во времена эмиров, ни во времена турок, — страшную, гнусную тиранию, которая надолго покроет амхаров[50] бесчестьем во всех этих районах и на всём побережье, и это бесчестье наверняка скажется на имени самого короля.

<…> Отнимают, лишают собственности, избивают, бросают горожан в застенок, чтобы выжать из них как можно больше денег. За это время каждый житель уже платил им трижды или четырежды. Этим налогом обложили всех европейцев и всех обращённых в ислам. С меня потребовали 200 талеров, из которых я выплатил половину, и боюсь, они выжмут из меня ещё 100 талеров, хотя сверх того они самым бесчинным, разбойничьим образом уже принудили меня дать им четыре тысячи взаймы. <…>{134}

Добиваясь своего, агенты и приспешники Менелика спуска никому не давали. Угрозами они заставляли всех, кто попадался им под руку, ссужать их деньгами, не выдавая при этом никаких расписок и не называя срока погашения этого принудительного займа.

Всё это приводило Рембо в полное отчаяние, и он стал задумываться, выдержит ли в таких условиях и не придётся ли ему отказаться от сделок с клиентами. Что это за жизнь, писал он Альфреду Ильгу, «с перспективой оказаться со дня на день с опустошённой кассой или быть принуждённым давать в долг властям, которые тебе уже и так должны»? «Я предпочитаю готовиться к возможной ликвидации дела и теперь ищу, куда сбыть оставшийся у меня импортный товар и вернуть кредиты». В то же время он убеждал себя, что надо как-то «переждать бурю королевского налога»{135}. Он ещё надеялся на лучшие времена.

Как обычно, Рембо был предоставлен самому себе. Он не посещал кафе, в которых собирались немногие оставшиеся в Хараре европейцы, а любил часами бродить вдали от города пешком или передвигаться верхом между крутыми горными склонами, преодолевая потихоньку километр за километром, иногда до полусотни в день.

Возвратившись вечером усталым и разбитым, он сразу ложился в постель. Это — когда за домом ещё мог присматривать его молодой слуга Джами Вадаи, который женился, и у него родился сын. Прислуга у Рембо часто менялась. Он не придавал этому значения. Он не знал, как ему побороть ту душевную хворь, что постоянно его грызла и которую он называл скукой.

Он уже не читал много. У него пропала та ненасытная потребность в усвоении разных наук и практик, которую он испытывал в самом начале своей африканской эпопеи. У него часто менялось настроение. То он был угрюм, избегал всякого общения с окружающими, подозревая всех в том, что они что-то против него замышляют; то, напротив, становился оживлённым собеседником, иной раз с едким темпераментом высмеивавшим поступки и жесты людей, о которых говорил. Или даже иногда — но это уже гораздо реже — изрекал каламбуры. Узнав однажды, что Маконнен отправился паломником в Иерусалим, он сказал Ильгу: «…и я русалимлю этому верить»{136}.

Единственное, к чему он проявлял некоторый интерес, был ислам. Он осознавал, что находясь бок о бок с мусульманами в течение многих лет, он, в сущности, мало что знал о их религии. Став изучать её вблизи, он нашёл в ней нечто для себя притягательное и даже подумывал о том, чтобы принять некоторые её правила. Во время своих перемещений за пределами города он был одет как бедуин. Поскольку лицо у него сильно загорело, никто не принимал его за европейца. И это ему нравилось. Он полагал, что, *сливаясь* таким образом с окружением, он сохраняет при себе всё самое для него дорогое.

1889 год заканчивался, и дела у Рембо шли не блестяще. Он снова жаловался Альфреду Ильгу, которому часто писал длинные письма, представляющие собой смесь дружеских и профессиональных сообщений, сетуя на то, что стало очень трудно, почти невозможно снарядить караван и отправить его с товаром, так как, несмотря на гегемонию Менелика, стремившегося объединить Абиссинию, в регионе было неспокойно. В декабре европейская община Харара была ошеломлена известием о том, что один конвой, вышедший из Зейлаха в английском Сомали, подвергся нападению туземцев района Энса, в результате чего двое французских монахов-капуцинов и двое греческих коммерсантов были убиты в своём шатре.

День за днём все только и говорили, что про вымогательства, грабежи и убийства. «С некоторых пор, — писал Рембо Альфреду Ильгу, — расхищение вошло здесь в порядок вещей, и будущее этого края видится всё более и более мрачным»{137}. Он

признался Ильгу, что если бы не вёл своё дело в Хараре, то без колебаний послал бы в парижскую газету «Время» «интересные подробности» тех радикальных способов, с помощью которых Менелик и Маконнен совершают свои «непотребства».

Сезар Тиан и Арман Савуре, со своей стороны, выступили с претензиями к Рембо. У них были обязательства перед своими клиентами, и они требовали, чтобы заказанные ими товары были им доставлены в оговоренные сроки. Пусть «Гроза собак» найдёт какое-нибудь решение.

В апреле 1890 года коммерция начала оживать и появились надежды на скорое улучшение дел. Благодаря Альфреду Ильгу, который хлопотал перед Менеликом за Рембо, тому даже выплатили те четыре тысячи талеров, что были у него почти силой вырваны правительственными чиновниками. С деловой точки зрения, положение как будто бы выравнивалось. Но подводило здоровье. Во время одного из своих привычных одиноких блужданий по окрестностям Рембо крайне неудачно упал, ударившись правым коленом — тем, которое его давно уже беспокоило.

Вскоре у него начались боли от расширения вен и обострились приступы ревматизма. Он был убеждён, что его плохое состояние связано не только с падением, но с теми тяготами, что ему пришлось перенести, шагая по горным тропам Харара, где было невозможно передвигаться верхом на лошади.

Он уже не мог спать. Боли не позволяли ему отправиться в Аден, куда он собирался несколько недель, чтобы встретиться там с Тианом и уточнить условия их договора о партнёрстве. Он почти не выходил из дома.

В ноябре ему пришлось убедиться в том, что улучшения, на которое он рассчитывал, не произошло и настало время закрывать лавочку. Это было трудное, но неизбежное решение, тем более что курс талера неуклонно снижался, неурожаи были такие, что опасались голода, да и политическая ситуация была всё ещё неопределённой. Говорили, что Менелик больше не ладит с итальянцами, несмотря на подписанный с ними в 1889 году договор о дружбе и сотрудничестве.

В начале 1891 года Рембо продолжал заниматься ликвидацией своих дел в Хараре. Он догадывался, что получит за них не много, а то и вовсе ничего. Годы тяжких трудов и лишений ради такого финала! Это было унизительно и крайне жестоко! Но хуже всего были страшные боли в ноге, которая стала опухать. Он уже не мог ни ходить, ни сгибать колено. И в таком жалком состоянии он ещё пытался привести в порядок свои рукописи и приглядывать за персоналом. О том, чтобы обратиться к врачу, не

могло быть и речи, так как в стране врачей не было. Когда туземцы заболевали, они прибегали к помощи колдунов, знахарей и фетишей. Но существовал ли такой фетиш, который мог хотя бы на несколько часов облегчить его страдания?

20 февраля он писал матери:

«Сейчас мне плохо. У меня на правой ноге *варикоз,* от которого сильные боли. Вот чего можно добиться в этих печальных краях. А варикоз осложняется *ревматизмом.* Это всё — из-за местного климата, хотя здесь и не холодно. Вот уже пятнадцатую ночь подряд я ни на минуту не сомкнул глаз из-за этих проклятых болей в ноге. Я отсюда уеду, думаю, что сильная аденская жара пойдёт мне на пользу. Но здесь мне много задолжали, и я не могу уехать, всё потеряв. Я заказал в Адене *противоварикозный чулок,* но сомневаюсь, что там его можно найти»[{138}].

Наконец 7 апреля Рембо решил ехать в Аден лечиться. Он заказал для себя носилки и нанял абиссинцев-носильщиков. Некоторые шли в сопровождении своих жён и детей. У них не было в этом деле никакого опыта, они не знали ни как управляться с носилками, ни как обходить бесчисленные дорожные препятствия. На неровном пути каждый метр мог стать камнем преткновения, каждый поворот — западнёй. Малейший толчок вызывал у Рембо стоны. Ему посоветовали ехать верхом на муле, но он уже не мог на нём держаться. Пришлось продолжать путь на этих, уже расшатанных носилках.

На второй день пути начался дождь. Носильщики стали плутать и делались всё более неуклюжими. А на следующий день началась сильная гроза, которая разогнала весь конвой. Артюру досталось от непогоды больше всех, и никто, за исключением Джами Вадаи, который сопровождал его в этой поездке, не пожелал помочь ему и не обеспокоился тем, что с ним станет.

Десятого апреля дождь лил как из ведра, что задержало дальнейшее продвижение. Верблюды отказывались принимать вьюки, а те, что несли палатки и провиант, то и дело недовольно фыркали. В течение шестнадцати часов невозможно было где-нибудь укрыться и поесть.

Когда Рембо, проделав адский трёхсоткилометровый переход, дней через десять добрался до Зейлаха на юге Джибути, он был совершенно вымотан. Собрав остатки сил, Артюр взошёл на борт парохода и прибыл на нём в Аден. Там он сначала несколько дней находился в доме Сезара Тиана, после чего был помещён в европейский госпиталь. Его осмотрел английский врач, который диагностировал воспаление коленного сустава в очень опасной стадии и сказал, что требуется немедленная ампутация ноги. Всё

же он решил подождать двое суток и попытаться разными средствами уменьшить опухоль.

Рембо рассказал о своих мучениях в одном из писем к матери.

«<…> В европейском госпитале есть всего одна палата для платных больных, и я её занял… <…> Судя по тому состоянию, в котором я был, когда прибыл сюда, нельзя надеяться, что я даже при самых благоприятных обстоятельствах поправлюсь раньше чем через три месяца… <…> Известно, что воспаление коленного сустава может быть наследственной болезнью или результатом несчастного случая, да и многих других причин. У меня это, наверняка, следствие долгой утомительной ходьбы и езды верхом в Хараре. Я лежу здесь с забинтованной, перебинтованной, перетянутой ногой, так, что не могу пошевелиться. Я превратился в скелет, и мне страшно. Спина у меня вся расцарапана постелью, я ни на минуту не могу заснуть. Теперь здесь уже очень жарко. Питание в госпитале, за которое я дорого плачу, скверное, и я не знаю, что мне делать. <…> Хочу, чтобы меня отнесли на какой-нибудь пароход и доставили во Францию на лечение, а в пути я хотя бы отвлёкся…<…> Но не пугайтесь всего этого. Настанут лучшие дни. И всё же какое жалкое вознаграждение за такие труды, лишения и мучения! Увы, до чего же убога наша жизнь!»{139}

После того как ему сделали первые процедуры, его навестил Сезар Тиан. Они договорились уладить все свои счёты и закрыть их коммерческий контракт.

Не видя никаких улучшений в состоянии пациента, врач посоветовал Рембо незамедлительно вернуться во Францию.

Девятого мая «Грозу собак», чувствовавшего себя хуже, чем когда-либо прежде, подняли на борт пакетбота «Амазонка», который уходил в Марсель.

МАРСЕЛЬ, ПОСЛЕДНЯЯ ОСТАНОВКА

Двадцатого мая 1891 года после двенадцати дней жестоких мучений на борту «Амазонки» Рембо высадился в Марселе и сразу же был доставлен в больницу Непорочного Зачатия, которую называли также больницей Зачатия и Материнства. Построенная в 1852–1857 годах, а в 1876–1879 годах значительно расширенная, она располагалась на улице Святого Петра, недалеко от тюрьмы, монастырской богадельни и психиатрической лечебницы. Больница имела восемь корпусов, каждый на сто коек. Рембо, у которого были деньги, скряжничать не стал и оплатил отдельную палату, по десять франков вдень.

Врачи, ассистенты доктора Антуана Трастуля, один сорокалетний практикант, санитары и сёстры были поражены. Им никогда не доводилось видеть столь чудовищно распухшего органа. Правое колено Рембо было похоже на огромную тыкву. Опухоль увеличивалась и становилась угрозой для жизни, если в кратчайший срок не ампутировать ногу.

Рембо, как всегда в несчастье, обратился к семье, своей *дорогой* маме и *дорогой* сестрёнке Изабель. Он умолял их приехать. Ведь речь шла о его жизни или смерти. Скорее — о смерти, в чём он был совершенно уверен и прямо сказал об этом в письме, отправленном матери. Он сообщал ей, что «превратился в скелет»{140} и что ампутация правой ноги неизбежна. Он также вполне сознавал, что ему надо, не мешкая, урегулировать свои дела, включая обналичение в парижской Национальной учётной кассе векселя на 36 800 франков.

Госпожа Рембо прибыла в Марсель 25 мая и увидела сына впервые за последние десять лет. Она заметно постарела, но все испытания, которые ей довелось в жизни перенести, не смягчили её характера. Она осталась той же, какой была всегда: твёрдой, уверенной в себе, непреклонной и неуступчивой.

Несмотря на критическое состояние больного, операцию сделали только 27 мая. Проводил её доктор Анри Никола. Ногу ампутировали очень высоко, почти на уровне паха. Выбрав такое решение, хирурги пошли на риск, по-видимому, оправданный, поскольку рана после операции довольно быстро затягивалась. В последующие дни казалось, что к Артюру понемногу возвращаются силы. Обнадёженная этим, мать решила вернуться в Арденны, так как, по её словам, на ферме в Роше без неё обойтись не могли.

Когда состояние Рембо несколько улучшилось, у него появилась надежда. Он написал Маконнену и Тиану, сообщив им,

что пошёл на поправку и намерен вернуться в Харар как только выздоровеет. Тиан в ответном письме поспешил отговорить его от такого намерения: в июне кофе и шкуры на местном рынке сильно поднялись в цене, что не сулило никакой прибыли от экспорта их в Европу, да и политическая обстановка в Абиссинии оставалась крайне неблагоприятной для ведения дел. Если у Рембо есть свободный капитал, то целесообразнее инвестировать его во Франции. И почему бы не доверить это дело членам семьи?

Рембо кое-что сказал об этом сестре, с которой, будучи прикованным к больничной койке, переписывался всё чаще и которой поверял свои мысли. Он с нетерпением ждал от Изабель каждого письма. Притом что даже не мог себе представить, как она сейчас выглядит. Ведь он видел ее последний раз десять лет назад, ещё юной, робкой и застенчивой девушкой, совсем не похожей на теперешнюю тридцатилетнюю и всё ещё незамужнюю особу с малопривлекательным лицом. Впрочем, то, как она выглядит, для него не имело никакого значения! Ему было так необходимо поддерживать общение с кем-нибудь, не имея при этом ни задней мысли, ни расчёта, и читать обращённые к нему слова утешения!

В конце июня Изабель имела неосторожность сообщить ему, что жандармерия завела на него дело в связи с тем, что он так и не исполнил свою воинскую повинность, и его теперь разыскивают как не подчинившегося закону.

Эта новость Рембо ошеломила. Разве в 1874 году он не получил освобождение от военной службы? Его стал преследовать призрак тюремного заключения. Он испугался, что за ним придут в больницу, что военные власти не разберутся с его случаем и не признают его освобождение действительным. Он знал, что его инвалидность для военного ведомства ничего не значит, что им плевать на то, здоров человек или он калека. Да будь он хоть на пороге смерти — им всё равно. Что за невезение! Какая несправедливость! Какая тоска!

Никогда в жизни ему не было так тоскливо.

То была настоящая смертная тоска.

Отныне он обречён со своей одной ногой ковылять на костылях.

Одноногий!

Какое беспросветное, жалкое существование теперь его ожидает!

Разве для этого он появился на свет? Разве для этого живёт? Какой толк от калеки? К середине июля после многочисленных неудачных попыток он смог подняться и пройти какое-то расстояние, опираясь на костыли. Он попробовал также

передвигаться с протезом.

«Нога у меня отрезана очень высоко, и мне трудно сохранять равновесие. Я успокоюсь, только когда смогу ступать на протез, но ампутация вызвала *невралгические боли в оставшейся части ноги,* и до тех пор, пока они не прекратятся, ходить с протезом невозможно. У некоторых это продолжается 4, 6, 8, 12 месяцев! Мне сказали, что меньше чем за два месяца такие боли не проходят. Если у меня это продлится всего два месяца, я буду счастлив. Я проведу всё это время в больнице, а потом смогу выйти из неё на двух ногах. В ходьбе на костылях я не вижу смысла. Ни подняться, ни опуститься — страшное дело. И при этом рискуешь упасть и покалечить себе что-нибудь ещё. Я было подумал приехать к вам на несколько месяцев, пока не смогу ходить на протезе, но теперь вижу, что это невозможно.

Ну да ладно, я принимаю свою участь. Я умру так, как будет угодно судьбе»{141}.

Что касается врачей, которые им занимались, то они были довольны, полагая, что самое страшное для Рембо миновало и у них нет никаких оснований держать его дальше в больнице. Он же ничего иного и не желал. Ему опостылело лежание в этой мертвецкой, где он в течение двух месяцев каждый день рисковал «подцепить оспу, тиф или какую-нибудь ещё заразу из тех, что там поселились»{142}.

Артюр вышел из больницы, его довели до вокзала Сен-Шарль, где он купил билет на поезд до Вонка, небольшой вокзал которого, принадлежавший Арденнской компании, находится в каких-нибудь трёх километрах от Роша.

Помимо членов семьи он никого, даже Эрнеста Делаэ, не известил о своём возвращении.

Прежде всего ему хотелось видеть Изабель, единственное существо, которое протянуло ему руку и по-своему разделило его страдания.

Поездка была крайне утомительной, и Рембо приехал в Вонк измученным, с высокой температурой. На перроне его встретила Изабель. Он её сразу же узнал и крепко прижал к груди. Свою мать он никогда так не обнимал. Изабель помогла ему подняться в коляску, которая довезла их до семейной фермы.

Комната Артюра на втором этаже в его отсутствие заметно изменилась. Изабель повесила там новые занавески, постелила простыни из тонкого полотна, поставила букеты цветов.

Широко раскрыв от удивления глаза, он воскликнул: «Да это прямо Версаль!»{143}

Да уж какой там Версаль! По правде говоря, в Роше, этом глухом кантоне Арденн, прозванном землёй волков, делать было

нечего, разве что оставаться наедине со своей смертной тоской, долгими часами лёжа в постели смотреть в пустоту, перебирать в уме впечатления детства, прежние обиды, горькие мысли. Иногда он доставал из сундука несколько листов бумаги, на которых были записаны его заметки о Хараре, и, шевеля губами, подолгу читал их про себя. Он заменял в них некоторые слова, исправлял написание какого-нибудь названия, заканчивал недописанную фразу, записывал ряды цифр.

Он уже не переносил дневной свет. Приходилось закрывать ставни на окнах и дверь его комнаты.

Но самое страшное — у него начались сильные боли в низу живота и в культе. Сначала он подумал, что это — из-за протеза, который он привёз из Марселя, и решил его заменить. Потом консультировался с несколькими сельскими и шарлевильскими врачами, поглощал большими дозами прописанные ими микстуры, прибегал к «простым народным средствам»{144}, пил маковый отвар, делал растирания, массаж. Всё было впустую — боли не утихали. Эти страдания вызвали у него приступы отчаяния, слёзы, припадки гнева, проклятия, богохульства. По ночам он не мог заснуть. И всё это убедило его в том, что единственное средство, способное облегчить его жуткие муки, — это вернуться в Харар.

Харар, Харар, Харар… Теперь от него слышали только одно это слово.

Двадцать третьего августа 1891 года, сопровождаемый Изабель, Артюр опять оказался на вокзале Вонка. Теперь — для того, чтобы ехать, в этот раз с сестрой, на юг. Если позволит здоровье, сесть в Марселе на корабль, который доставит его в Аденский залив. Из справочника Жоан он узнал, что до побережья Восточной Африки — на Александрию, Порт-Саид, Суэц, Обок и Аден — судно отправляется 12-го числа каждого месяца. Стало быть, он отплывёт из Марселя 12 сентября…

Эта поездка в Марсель оказалась ещё более утомительной и тяжёлой, чем предыдущая — из Марселя. При каждом толчке вагона лицо Артюра искажалось гримасой, он хватался за живот, начинал растирать культю и стонать. Пытаясь приглушить боль, выпил несколько капель какой-то тошнотворной бромистой микстуры, но едва задремал, как поезд прибыл в Амань и надо было выходить из вагона, садиться в кресло на колёсах и пересаживаться в другой поезд.

Поездка в нём — до Страсбургского вокзала в Париже — стала непрерывной пыткой. Никакая поза не давала Артюру успокоения. Спина, поясница, плечи, руки и особенно живот, правое плечо и подмышка были, со слов Изабель, «очагами

жестокой боли»{145}.

А может быть, в столице лечение будет более эффективным, чем в Марселе?{146}

Изабель робко задала ему этот вопрос, но Артюр только покачал головой. Нет, он не намерен был задерживаться в Париже. По прибытии туда он потребовал, чтобы фиакр немедленно вёз его на бульвар Дидро к вокзалу Париж — Лион — Марсель.

Как было этому противиться?

В экспрессе, который шёл в направлении Прованса, он попытался немного поесть, но не смог. Нервное перевозбуждение и жар перешли в бред. Погружённый в бархатное кресло, служившее ему ложем, бледный и исходивший потом, он вдруг засмеялся, увидев офицера в униформе, но боль тут же пресекла этот печальный смех.

После того как проехали Лион, за окном замелькали вдоль берегов Роны города и селения, виноградники, жнивья, стога соломы. По словам Изабель, купе было похоже на «адскую тюрьму», из которой «невозможно бежать»{147}. Артюр продолжал бредить, но его истерзанные болью члены ещё кое-как двигались.

Когда поезд прибыл на вокзал Сен-Шарль в Марселе, стоял тяжёлый средиземноморский зной августа 1891 года. Отчаявшаяся Изабель приняла единственно возможное решение: как можно скорее отвезти брата в экипаже в ту самую больницу, где его в мае оперировали, — в больницу Непорочного Зачатия на улице Святого Петра. Из опасения, что военные власти будут Артюра разыскивать, она записала его там под именем Жан Рембо.

Врачи были удивлены, увидев его снова. Они собрали консилиум, который заключил, что раковая опухоль, потребовавшая ампутации ноги, успела дать метастазы через костный мозг, и пациент обречён.

Изабель не хотела оставлять брата и поселилась с ним в больнице. Сильно исхудавший, кожа да кости, с ввалившимися глазами, он выглядел вдвое старше своих лет. Лишь изредка ему удавалось немного поесть: раскрывая рот, чтобы принять пищу, он стонал от боли. Иногда он говорил сам с собой, иногда с сестрой. К нему приходили какие-то смутные, давние воспоминания, он называл имена, которые ничего не говорили Изабель, и она не могла понять, существовали ли эти люди в действительности или были плодом его галлюцинаций и кошмаров. Верлен, Кабанер, Форен, Нуво…

Пятого октября Изабель написала матери:

«Зачем говорить ему, что из-за горячки, кашля и особенно от

беспокойства за него я не смогла отдохнуть: ему хватает своих мучений.

Он стал рассказывать мне невероятные вещи про то, что с ним будто бы произошло в больнице прошлой ночью, и это единственное, что он запомнил из своего бреда, но он упрямо это повторяет по нескольку раз на день, рассказывая мне одну и ту же несуразицу, и сердится, когда я ему не верю. Поэтому я слушаю его и стараюсь переубедить. Он обвиняет санитаров и даже сестёр в разных мерзостях, которые невозможны; я говорю, что всё это ему привиделось во сне, но он продолжает твердить своё и смотрит на меня как на дурочку»{148}.

По примеру матери, Изабель была ревностной католичкой, и её огорчала та мысль, что Артюр может скончаться, не успев исповедаться больничному священнику и принять от него последнее причастие. Но каждый раз, когда она начинала разговор об этом, брат отказывался. Артюр говорил, что он убеждённый безбожник, не верит ни в Бога, ни в святых, не верит Церкви. Чтобы подкрепить свой отказ, он ругался и богохульствовал. И всё же к концу октября согласился на встречу со священником. Он пошёл на это не только ради того, чтобы успокоить сестру, которую очень любил, но и потому, что ещё надеялся. Возможно, после всего, что он перенёс, покинув Абиссинию, после ампутации ноги Бог, или Аллах, или какая-то другая высшая сила дарует ему исцеление.

Его раковая опухоль, шедшая от бедра к животу и похожая на огромный вздувшийся гнойник, стала привлекать к себе любопытные взгляды. Посетители больницы Непорочного Зачатия, пациенты и врачи, которые заходили в его палату, «в ужасе замолкали, глядя на такой странный рак»{149}. Так на ярмарке разглядывают какое-нибудь чудо природы. Так с некоторым смущением они смотрели бы на экспонаты Большого анатомического и этнологического музея доктора Шпитцнера, выставленные в ту пору в Марселе.

Артюр уже не осознавал, что с ним происходит. Но 9 ноября, собрав последние силы, он резко приподнялся, позвал сестру и продиктовал ей очень странное письмо, адресованное какой-то таинственной мореходной компании:

«Один лот: всего один зуб.

Один лот: два зуба.

Один лот: три зуба.

Один лот: четыре зуба.

Один лот: два зуба.

Господин директор.

Я хотел бы спросить, не оставил ли я чего-нибудь на вашем

счёте. Я желаю теперь поменять заказ на обслуживание у компании, названия которой даже не знаю, во всяком случае, это обслуживание от Афинара. Здесь повсюду эти службы, а я в моём жалком положении, обессиленный, не могу ничего найти, вам скажет это первая попавшаяся на улице собака. Итак, сообщите мне цены на услуги фирмы Афинар в Суэце. Я полностью парализован и хочу как можно скорее оказаться на борту, скажите мне, в котором часу меня должны доставить на борт…»{150}

На следующий день в два часа пополудни Артюр Рембо скончался на больничной койке. Ему было тридцать семь лет.

Он умер, так и не узнав, что за три дня до этого в Париже, в издательстве Леона Женонсо вышла 180-страничная книга его стихотворений под названием «Реликварий».

Так как все они были написаны между 1869 и 1872 годами, это *юношеские произведения.*

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Похоронили Артюра Рембо на шарлевильском городском кладбище в семейной могиле, над которой стоят две одинаковые мраморные стелы — одна с именем сестры поэта Витали, умершей в семнадцатилетнем возрасте, вторая — с его именем.

Мать Артюра пережила сына на 16 лет и скончалась в 1907 году. Она была свидетельницей его признания как поэта, но, по-видимому, так и осталась при убеждении, что из него ничего путного не вышло и виной тому были дурные наклонности, приобретённые им в школьные годы. По некоторым сведениям, она якобы даже отказалась присутствовать при торжественном открытии в Шарлевиле бронзового бюста её сына.

Сестра Артюра Изабель написала несколько очерков о жизни и творчестве брата, которые в 1923 году вышли отдельной книгой под названием «Реликвии». Её перу принадлежит подробное, исполненное драматизма описание его последних месяцев жизни. Вместе с тем она упорно старалась «очистить» образ брата от всего, что, по её строгим католическим убеждениям, привитым ей матерью, бросало тень на его репутацию. Она решительно ставила под сомнения все свидетельства о нём, которые расходились с её собственной версией событий его жизни. Так, она называла «оскорбительными выдумками» появлявшиеся в печати сведения о приключениях брата в Нидерландской Индии, Адене и Эфиопии. Она твёрдо стояла на том, что он якобы никогда не находился под арестом, не нанимался в нидерландский иностранный легион, не водил караваны, не торговал хлопком и шкурами, а служил кабинетным клерком в солидных торговых компаниях. Что касается его амбиций исследователя, то она подчёркивала заинтересованность парижского Географического общества в трудах Артюра Рембо. Подобно Верлену, она находила в творчестве Артюра мотивы богоискательства и утверждала, что перед смертью брат пришёл к Богу и примирился с Церковью. Более того, даже в тех его поступках, которые сама же находила предосудительными, она усматривала Промысел Божий:

«Рембо, хотя его и заносило в сферы заповедные, хотя он отведал запретного плода, всегда умел избегать большой пагубы. Я бы даже сказала, что, покоряя вершины, он исполнял некую миссию, предназначенную ему Провидением. <…> Я абсолютно убеждена в том, что его высокая душа облеклась на земле в мишуру неверия, дабы убедительнее доказать людям тщетность их бунта против Высших сил».

Мотивы, которые побуждали её отстаивать перед публикой именно такой образ брата, вполне понятны, но нередко её претензии на исключительное владение всей правдой об Артюре Рембо вызывали раздражение почитателей поэта и писавших о нём авторов.

Несмотря на многочисленные нелестные высказывания Рембо о своём родном Шарлевиле-Мезьере и его частые попытки бежать из него куда-нибудь подальше, горожане не остались в обиде на своего земляка, благодаря которому их город получил мировую известность. Едва ли не все туристы, посещающие его, едут туда не ради его архитектурных памятников, а для того, чтобы увидеть места, где прошли детство и юность поэта. В наши дни всё в городе напоминает о его гениальном сыне. В 1901 году к десятилетию смерти Рембо на площади перед вокзалом был установлен его бронзовый бюст. В 1977 году в шарлевильском сквере появился другой памятник Рембо. Скульптор Эрве-Тонгле представил юного поэта погружённым в свои грёзы. На постаменте воспроизведены слова Рембо: «Надо быть абсолютно современным».

На набережной Артюра Рембо (набережная с таким же названием, но не речная, а морская, существует в городке Сен-Сиприен на Французской Ривьере) в старинном, похожем на большой парковый павильон здании бывшей водяной мельницы размещён литературный музей Рембо, где экспонируются принадлежавшие ему вещи, документы, рукописи, среди которых есть автограф сонета «Гласные».

На той же набережной, на втором этаже дома, в котором с 1869 по 1875 год жила с четырьмя детьми госпожа Рембо, теперь находится оригинальный музей под названием «Дом дальних мест». Его экспозиция даёт возможность совершить путешествие вслед за Рембо по городам, странам и континентам. В каждой комнате на полу изображена географическая карта с указанием маршрутов, по которым посетитель «переходит» из Штутгарта в Лондон, из Шарлеруа в Брюссель, из Адена в Харар, а на оконные стёкла проецируются соответствующие дорожные картины. Во внутреннем дворе дома оборудовано помещение для собраний литераторов и художников.

Летом 2010 года в арденнских СМИ появилось сообщение о том, что в Шарлевиле в заброшенном карьере неподалёку от городской ратуши найдена пещера, в которой когда-то любили уединяться приятели-подростки Эрнест Делаэ и Артюр Рембо. Там они играли в отшельников, делились своими фантазиями, курили трубки… Местные почитатели поэта не сомневаются в том, что это именно та пещера, о которой говорится в одном из

писем Делаэ Артуру, где нарисован и её план. Сообщалось также, что пещера не оборудована, не ограждена и потому опасна для посещения. Автор одного из откликов на это предупреждение некий Ж. Л. Люмен довольно едко заметил: «Итак, подростки в 1870-е годы и наверняка ещё раньше “укрывались” в этом месте… Но сейчас, в 2010 году, доступ туда опасен, там нет ограждения, и потому оно только для опытных спелеологов. Короче, по мнению нынешних умных голов… современная молодёжь уже ни на что не годится, не способна сделать то, что было по плечу ребятам прошлых поколений… Я предлагаю этим умникам запереть своих детей за толстыми стенами, оградить их там от всего на свете, особенно от свободы… даже от свободы дышать. Но только позвольте другим ребятам расти на воле».

В селении Рош в Арденнах, где находилась ферма матери поэта, открыта небольшая постоянная экспозиция, посвящённая Рембо. Там же туристам предлагается семикилометровый кольцевой маршрут «По стопам Рембо».

Память о Рембо хранит и Париж. На площади Тейяра де Шардена напротив здания библиотеки Арсенала в 1984 году был установлен памятник поэту работы скульптора Ж. Р. Ипостеги, исполненный по заказу тогдашнего президента Франции Франсуа Миттерана. Идею монумента подсказало прозвище, которое дали Артюру его знакомые (его авторство приписывают Верлену), — «Человек в башмаках, подбитых ветром». Пародируя его, скульптор создал фигуру «Человека с башмаками впереди». То и другое выражения по-французски звучат совершенно одинаково и едва отличимы на письме (*L’Homme aux semelles de vent — L’Homme aux semelles devant)*.

В июне 2012 года на улице Феру рядом с площадью Сен-Сюльпис на глухой кирпичной ограде здания налоговых служб, в котором располагался когда-то ресторан, где 30 сентября 1870 года Рембо прочитал «Пьяный корабль», появился полный текст этого стихотворения, написанный от руки нидерландским каллиграфом Виллемом Брейнсом: 100 строк стихотворения заняли около 300 квадратных метров стены.

В Марселе на здании больницы, где скончался Рембо, прикреплена памятная доска с надписью: «Здесь 10 ноября 1891 года по возвращении из Адена закончил своё земное странствие поэт Жан Артюр Рембо». А в городском приморском парке Прадо высится памятник поэту под названием «Пьяный корабль», который издали похож на скалистый утёс.

В Брюсселе установлена памятная доска на месте, где когда-то находилась гостиница и в одном из её номеров Верлен стрелял в Рембо.

В лондонском районе Кемден на стене дома 8 на Роял Колледж-стрит, где в мае — июне 1873 года жили Верлен и Рембо, установлена памятная доска.

Память о Рембо жива и вдали от Европы. В эфиопском Хараре дом, где когда-то он жил и вёл свои торговые дела, переоборудован под читальный зал, в котором экспонируются интересные фотографии.

В 1991 году к столетию со дня смерти поэта при французском консульстве в Адене был открыт культурный центр под названием «Дом Рембо».

В разных странах и городах, обычно прибрежных, встречаются гостиницы и рестораны с названием «Пьяный корабль».

Собрания стихотворений и писем Рембо постоянно издаются и переиздаются на многих языках, включая все европейские. Непрерывно множится число всевозможных публикаций о нём — от серьёзных научных исследований до популярных, а иной раз и примитивных очерков и заметок. Не прошёл мимо фигуры Рембо и кинематограф. В 1995 году вышел англо-франко-бельгийский фильм-мелодрама польского режиссёра Агнешки Холланд «Полное затмение», в центре которого история отношений Рембо и Верлена. Роль Рембо исполнил в ту пору двадцатилетний американский актёр Леонардо Ди Каприо.

Представители самых разных направлений современной поэзии, как, впрочем, и других видов искусства, оспаривают между собой право называть его своим предтечей.

Таким образом, слава «ясновидца», творца, на которую когда-то так самоуверенно претендовал гордый подросток из провинции и от которой так решительно и бесповоротно вскоре отказался, не только щедро вознаградила его редкостный поэтический дар и творческую дерзость, а заодно и пережитые им испытания, но и утвердила его особое место в мировой культуре.

Посмертная судьба Поля Верлена оказалась не менее завидной, чем у его когда-то близкого друга. В золотой книге французской поэзии их имена стоят рядом. Как и у Рембо, последние годы жизни Верлена оказались далеко не безоблачными. Но мытарства, которые он претерпел, были совсем иного рода, нежели те, что выпали на долю оставившего Европу Рембо. Вернувшись из полуторалетнего тюремного заключения в Бельгии, Верлен оказался в положении парии даже среди своих бывших собратьев по перу. В 1876 году он уехал в Англию, где в частных школах преподавал латынь, французский и рисование. Оттуда он послал в Париж в редколлегию «Современного Парнаса» для публикации подборку своих последних

стихотворений, но там печатать их отказались.

После развода с женой, в результате которого он, по решению суда, лишился всего и ещё вынужден был платить алименты, он безуспешно пытался восстановить с ней отношения. Спустя несколько лет после развода Матильда вышла замуж и была счастлива во втором браке, что вызвало искреннее негодование Верлена. Некоторое время он воздерживался от употребления спиртного, но потом снова запил. В 1877 году Верлен вернулся во Францию и устроился преподавателем в католическом лицее в Ретеле. Там он познакомился с Люсьеном Летинуа, юношей из крестьянской семьи, к которому сильно привязался, а позднее даже стал выдавать его за своего приёмного сына. В 1879 году, узнав о судимости Верлена, руководство коллежа отказалось от его услуг. Вместе с Летинуа он уехал в Лондон.

В 1880 году Верлен купил ферму в Жюнивиле. Попытка заняться сельским хозяйством оказалась неудачной, и ферма была продана за долги. В 1882 году Верлен вернулся в Париж, чтобы восстановить там литературные связи. Между тем его ожидал новый удар. В апреле 1883 года умер от тифа Люсьен. Верлен тяжело переживал эту потерю. Памяти юноши он посвятил 25 лирических стихотворений, которые включил в сборник «Любовь». А год спустя он выступил как литературный критик, опубликовав статью о творчестве Артюра Рембо, Тристана Корбьера и Стефана Малларме под названием «Прбклятые поэты». С лёгкой руки автора это выражение широко распространилось в литературной критике. Так стали называть поэтов, бросающих вызов обществу. В очерке о Рембо Верлен чрезвычайно высоко оценил его талант, отдав должное его виртуозному поэтическому мастерству: «Муза г-на Рембо берёт все ноты, щиплет все струны арфы, скребёт все струны гитары, искусно ласкает смычок скрипки…»

Всё это время Верлена материально поддерживала его мать. В 1883 году она купила для него у родителей Люсьена Летинуа ферму в Куломе и переехала туда с ним. Но и там он продолжал пьянствовать, что приводило к частым ссорам. В феврале 1885 года один из скандалов закончился тем, что мать, потеряв терпение, подала на него в суд, и он вновь угодил в тюрьму, в этот раз на месяц, и был оштрафован на 500 франков. Летом того же года, продав дом в Куломе, он вернулся с матерью в Париж и возобновил литературные занятия. В январе следующего года мать умерла, а всё её наследство отошло к Матильде в счёт погашения алиментов. После этого Верлен стал называть бывшую жену «гнусной мерзавкой», «воровкой», «бессердечной и вздорной бабой», словно позабыв о том, что когда-то посвятил ей немало

прочувствованных лирических стихов.

Какое-то время он продержался за счёт небольшого наследства (2400 франков), полученного после смерти его тётки. Он прожил его вместе с проституткой Мари Гамбье, с которой сошёлся в то время. Когда деньги кончились, она от него ушла.

Тем временем ширилось его признание как поэта. В сентябре 1886 года в манифесте символистов, опубликованном Жаном Мореасом в газете «Фигаро», он был назван предшественником новой поэтической школы. Но здоровье его было уже сильно подорвано. Из-за обострившегося артрита он с трудом ходил и часто отлёживался в больницах, даже там продолжая работать. В 1888 году вышло второе издание его «Проклятых поэтов», которое он дополнил очерками о Марселине Деборд-Вальмор, Вилье де Лиль-Адане и о самом себе (под анаграммой Бедный Лилиан, которую придумал для него Рембо). Вскоре вышла книга Шарля Мориса «Поль Верлен».

На известие о смерти Рембо Верлен откликнулся сонетом, который был включён в сборник «Посвящения». Стихотворение начинается с прямого обращения к близкому когда-то собрату по искусству:

> Ты умер, умер, но — таким, как ты хотел, —
> Как белый негр, цивилизации дитя,
> Почти полмира вдоль и поперёк пройдя,
> Ты умер, но во мне ты жив восторгом тем,
> Что озаряет память в тусклой пустоте
> Сильней, чем свет живых примет, хотя
> И не забытых… Нынче, столько лет спустя,
> Не меркнет та любовь, подобная мечте…

Если в этих стихах прорывается память о страсти, которая за два десятилетия до того соединяла их воедино, вела по дорогам Европы, по мостовым её городов, и так некрасиво закончилась, то на публике Верлен неизменно отстаивал сугубо духовный характер своей близости с Рембо.

В последующие пять лет Верлен, несмотря на участившиеся хвори и недомогания, напряжённо работал, выпускал новые циклы стихотворений, автобиографическую прозу (например, очерки «Мои тюрьмы» и «Мои больницы»), сочинял пьесы для театра, устраивал литературные «среды», читал лекции по литературе в Голландии, Бельгии и Великобритании. В 1894 году друзья поэта учредили для него ежемесячную пенсию (150 франков), а министерство народного просвещения назначило ему пособие (сначала в размере 200, а потом 500 франков), что

свидетельствовало об официальном признании его места в культуре страны. Его избрали Принцем поэтов. Однако попытка баллотироваться в члены Французской академии, предпринятая им в 1893 году, успеха не имела. Очевидно, академики сочли Верлена недостаточно для них респектабельным персонажем. Впрочем, поэт был не первым из гениев, отвергнутым этим почтенным собранием. Дважды, в 1836 и 1849 годах, туда не был избран Оноре де Бальзак, долго и страстно желавший академического кресла. Можно считать, что за них обоих уже в XX столетии с Французской академией по-своему рассчитался великий бард Франции Жорж Брассенс. В 1967 году несколько «бессмертных», в том числе писатель Марсель Паньоль и кинорежиссёр Рене Клер, решив выдвинуть Брассенса в академики, обратились к нему за согласием баллотироваться. Тот деликатно, но решительно от предложенной чести отказался, шутливо сославшись на свою нелюбовь к мундирам. Академия довольствовалась присуждением ему Высшей поэтической премии.

Интенсивное творчество и вконец расстроенное здоровье не могли вытеснить у Верлена желания любить и быть любимым. Теперь он утолял его связями с профессиональными «жрицами любви». С одной из них, Филоменой Буден, он сошёлся в 1887 году. Три года спустя он поменял её на её же приятельницу, бывшую танцовщицу Эжени Кранц, которая сумела быстро его разорить, после чего он сразу же её бросил. Позднее он возобновил связь с Филоменой, а затем вновь поменял её на Эжени, которая была при нём вплоть до его смертного часа.

В 1896 году, 8 января, Верлен скончался от воспаления лёгких. 10 января состоялись отпевание в старинной церкви Сент-Этьен-дю-Мон, что находится рядом с парижским Пантеоном, и торжественные похороны на Батиньольском кладбище. То не были грандиозные «национальные похороны», но всё же проститься с поэтом пришло множество его почитателей. Поль Фор, ещё один Принц поэтов, получивший это звание в 1912 году, написал стихотворение «Похороны Верлена». Во второй половине прошлого века оно стало довольно популярным благодаря тому, что его положил на музыку и исполнял как песню Жорж Брассенс, который обожал стихи Верлена и сочинил превосходную вокальную миниатюру на слова его «Коломбины». В стихотворении П. Фора есть такие строки:

Все ворчуны, друзья его нетрезвых лет,
Шли в гололёд, дрожа и спотыкаясь вслед
За тем отчаяньем, что уносил уныло

Наш Первый соловей теперь уже в могилу…

В Париже в Люксембургском саду установлен беломраморный памятник Верлену.

Эрнест Делаэ, земляк, однокашник и многолетний друг Артюра Рембо, пережил его почти на 40 лет. Дружен он был и с Верленом. Тот посвятил ему стихотворение, в котором отметил, вероятно, самые привлекательные его свойства: добродушие и юмор, каковые поэт причислял и к собственным достоинствам:

Сдружились мы с тобой так крепко потому,
Что Бог задумал нас создать весельчаками:
Хохочем, не держа за пазухою камень,
Над всеми, не чиня обиды никому.

Одним из подтверждений этих слов могут служить шутливые рисунки Делаэ, которые он имел обыкновение помещать в письмах друзьям. Особенно часто он изображал своего друга Рембо, показывая его в разных смешных ситуациях — и тех, которые наблюдал сам, и вымышленных или взятых из рассказов Артюра о его приключениях, например о том, как в Вене у него вытащили бумажник, когда он, будучи не совсем трезвым, заснул в фиакре. Эрнест очень метко передавал характерные черты внешности и жесты друга. Эти рисунки и знаменитый фотопортрет работы Этьена Каржа дают нам представление о том, как выглядел юный Рембо.

Со слов Делаэ, который постоянно вёл переписку с Артюром, многие, включая и Верлена, узнавали об основных событиях в жизни Рембо после того, как тот покончил с литературой и годами пропадал в дальних краях. Делаэ опубликовал несколько биографических и мемуарных книг и очерков, посвящённых Рембо и Верлену. В книге о Рембо, изданной в 1923 году, он безоговорочно принимает на веру рассказ сестры поэта Изабель о том, что брат её в свой последний час пришёл к Богу и скончался как добрый католик. Книга содержит интересный, до сих пор не потерявший значения разбор произведений Рембо, но особая её ценность в том, что написана она человеком, ближе и лучше, чем кто-либо другой, знавшим поэта в его отроческие и юные годы, когда проявился и так быстро возмужал его талант.

Владислав Зайцев
Москва, 2012

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АРТЮРА РЕМБО

1854, 20 октября — в Шарлевиле, в доме 12 на улице Наполеона родился Артюр Рембо, второй сын Фредерика Рембо и Витали Кюиф (1825 года рождения).

1858, 15 июня — родилась Витали Рембо, сестра Артюра.

1860, 1 июня — родилась Изабель, младшая сестра.

1861, октябрь — Артюр поступает в школу Росса в Шарлевиле. Проявляет незаурядные способности к учёбе.

1865, апрель — Артюр и его старший брат Фредерик (1853 года рождения) зачислены в коллеж Шарлевиля. Дружба с Эрнестом Делаэ.

1868, 8 мая — Артюр втайне от всех сочиняет латинскую оду.

1869 — три латинских стихотворения Рембо опубликованы в журналах: два в «Вестнике среднего образования», официальном органе академии Дуэ, третье — в популярном парижском еженедельнике «Журнал дня всех».

1870, 2 января — в «Журнале для всех» опубликовано первое стихотворение Рембо на французском языке «Новогодние дары сирот».

14 января — в коллеж Шарлевиля назначен преподавателем риторики Жорж Изамбар, который производит сильное впечатление на Рембо и становится его литературным наставником.

29 августа — Рембо без ведома родных едет поездом в Париж; за безбилетный проезд арестован, помещён в тюрьму Мазас; освобождён через два дня.

2 октября — снова бежит из дома. Через Сиве, Шарлеруа, Брюссель добирается в бельгийские Арденны, откуда через Дуэ возвращается в Шарлевиль.

1871, февраль — уезжает в Париж, где задерживается на две недели.

19 апреля — новая поездка в Париж, где коммунары сражаются с версальцами; вскоре возвращается домой.

15 мая — Рембо посылает поэту Полю Демени, другу Изамбара, поэтическую декларацию, позднее названную «Письмом ясновидящего».

Август — отправляет письмо с несколькими своими стихотворениями Полю Верлену.

Около 10 сентября — приезжает в Париж к Верлену; живёт в доме родителей его жены, потом в дешёвых меблированных

комнатах.

Октябрь — декабрь — посещает вместе с Верленом литературные клубы, в том числе кружок «Скверных парней» и «Кружок чертыхателей»; в последнем короткое время работает.

1872, март — возвращается в Шарлевиль.

Июнь — снова приезжает в Париж.

7 июля — покидает Париж вместе с Верленом, который оставляет жену и сына.

9 июля — Рембо и Верлен останавливаются в Брюсселе.

8 сентября — приезжают в Лондон и снимают жильё на Хоуленд-стрит.

Конец ноября — Рембо возвращается в Шарлевиль.

1873, январь — по просьбе Верлена Рембо едет в Лондон; их совместная жизнь возобновляется.

12 апреля — Рембо приезжает в Рош на ферму матери.

26 мая — вновь отправляется в Лондон вместе с Верленом.

3 июля — после ссоры с Рембо Верлен уезжает в Брюссель.

8 июля — Рембо приезжает в Брюссель к Верлену.

10 июля — Верлен дважды стреляет в Рембо из револьвера и ранит его в левую руку. Рембо подаёт на Верлена жалобу в полицию, потом отзывает её, но Верлена приговаривают к двум годам тюремного заключения.

20 июля — Рембо возвращается в Рош. Пишет «Одно лето в аду».

Октябрь — «Одно лето в аду» издано на средства автора Типографским альянсом в Брюсселе.

Ноябрь — Рембо приезжает в Париж, но в литературных кругах от него отворачиваются.

1874, конец марта — Рембо с Жерменом Нуво уезжают в Лондон, поселяются на Стэнфорд-стрит. Рембо сочиняет «Озарения».

Июнь — Жермен Нуво возвращается во Францию.

Октябрь — ноябрь — Рембо в поисках работы помещает в лондонских газетах объявления.

Декабрь — возвращается в Арденны.

1875, 13 февраля — Рембо поселяется в Штутгарте, где даёт уроки.

Март — вышедший из тюрьмы Верлен посещает Рембо в Штутгарте и пытается обратить его на путь веры.

Конец апреля — Рембо покидает Штутгарт и предпринимает долгое путешествие до Милана. Пешком совершает переход через Альпы, затем отправляется в Ливорно. Солнечный ожог заставляет Рембо вернуться во Францию.

Июль — в Париже встречается с некоторыми писателями и

артистами, знакомыми по кружкам «Скверных парней» и «Чертыхателей».

Октябрь — возвращается в Шарлевиль. Усердно обучается игре на пианино.

18 декабря — умирает сестра Рембо Витали.

1876, март — Рембо приезжает в Вену, где его обворовывают. Пешком возвращается во Францию.

Май — нанимается в колониальные войска Нидерландской Индии; некоторое время живёт в казарме в городе Хардевейке (Нидерланды).

10 июня — на корабле «Принц Оранский» отплывает в Батавию.

Июль — оказывается в военном лагере на острове Ява.

30 августа — дезертировав, отплывает на борту шотландского судна в Великобританию.

Декабрь — прибывает в Гавр, откуда возвращается домой в Шарлевиль.

1877, апрель — путешествует по Германии и Скандинавским странам.

19 мая — в Бремене подаёт заявление в консульство Соединённых Штатов Америки с просьбой о зачислении в американскую армию, но безрезультатно.

Июнь — работает с передвижным цирком в Стокгольме и Копенгагене.

Сентябрь — приезжает в Марсель; садится на борт судна, следующего в Александрию. По пути заболевает, сходит на берег в Италии, посещает Рим и возвращается домой.

1878, август — сентябрь — работает на ферме матери в Роше.

20 октября — отправляется пешком в Италию.

17ноября — в Дижоне умирает отец Рембо.

19 ноября — из Генуи отправляется морем в Египет.

Декабрь — в Ларнаке на острове Кипр нанимается бригадиром во французскую строительную фирму.

1879, июнь — заражается тифом; возвращается в Арденны.

1880, март — прибывает на Кипр; нанимается на службу британской администрацией острова.

20 июля — неприятности вынуждают Рембо покинуть остров. Добравшись до Александрии, направляется в сторону Красного моря.

Август — находит работу в Адене во французской экспортно-импортной фирме «Мазеран, Вианне, Барде и компания».

2 ноября — командирован фирмой в Абиссинию в город Харар.

13 декабря — прибывает в Харар.

1881, январь — в письме просит мать купить для него «фотографический багаж».

Сентябрь — собирается покинуть Харар.

1882, 22марта — возвращается в Аден, где работает в той же фирме.

Сентябрь — принимает предложение занять пост директора отделения фирмы в Хараре.

1883 — устраивается в Хараре, но в Абиссинии начинаются междоусобные военные действия и положение фирмы становится шатким.

1884, январь — фирма «Мазеран, Вианне, Барде и компания» разоряется.

Апрель — братья Пьер и Альфред Барде создают новую экспортно-импортную компанию и нанимают Рембо сроком на шесть месяцев.

Июнь — Рембо переводят в Аден.

1885, 10 января — Рембо подписывает с братьями Барде новый контракт сроком на один год; ему поручена закупка кофе.

Октябрь — Рембо увольняется из компании и становится партнёром негоцианта Пьера Лабатю в экспедиции по поставке оружия в Шоа (правитель которого Менелик вступил в вооружённый конфликт со своим сюзереном императором Иоханном IV).

Ноябрь — Рембо прибывает в Таджуру для подготовки экспедиции по доставке оружия.

1886 — всевозможные затруднения, в том числе болезнь Лабатю, задерживают отправление каравана.

Апрель — Рембо вступает в партнёрские отношения с другим негоциантом — Полем Солейе, но тот неожиданно умирает.

Октябрь — Рембо решает сам возглавить караван с оружием и отправляется с ним в столицу Шоа Анкобер.

1887, 6 февраля — после долгого и трудного перехода прибывает в Анкобер. Узнаёт, что Менелик находится в Энтото, и решает идти туда. Менелик покупает у него оружие по бросовой цене.

1 мая — Рембо покидает Энтото и направляется в Харар в сопровождении исследователя Жюля Борелли. *Июль* — в Адене садится на судно, идущее в Александрию.

25–25 августа — газета «Египетский Босфор», выходящая на французском языке, публикует путевые заметки Рембо о Хараре и Шоа.

Октябрь — Рембо возвращается в Аден.

1888, апрель — готовит новую экспедицию с оружием в Харар.

Собирается завести собственное дело.

Май — заключает в Адене договор с коммерсантом Сезаром Тианом и поселяется в Хараре.

1889, 11 марта — император Йоханн IV погибает на суданской границе в сражении против исламских повстанцев.

Июль — Менелик наследует трон Йоханна IV.

1890 — справившись с делами самостоятельно, Рембо решает разорвать контракт с Тианом. При падении повреждает правое колено и начинает испытывать сильные боли.

1891, февраль — боли в колене становятся невыносимыми.

7 апреля — Рембо покидает Харар на носилках; его доставляют на побережье для консультации с врачами.

Начало мая — Рембо помещают в европейский госпиталь в Адене. Врач советует ему вернуться во Францию.

20 мая — Рембо прибывает в Марсель, где его помещают в больницу Непорочного Зачатия. Врачи настаивают на ампутации правой ноги.

23 мая — госпожа Рембо приезжает в Марсель и навещает сына в больнице.

27 мая — Рембо ампутируют ногу.

8 июня — мать уезжает домой.

23 июля — Рембо выходит из больницы и выезжает поездом в Арденны. Живёт на ферме матери в Роше; испытывает жестокие боли в культе и животе.

23 августа — в сопровождении сестры Изабель возвращается в Марсель; надеется сесть на корабль, отправляющийся в Красное море, чтобы добраться до Харара.

25 августа — в полубессознательном состоянии снова помещён в больницу Непорочного Зачатия. Врачи находят состояние Рембо безнадёжным.

25 октября — по просьбе Изабель соглашается принять больничного священника.

9 ноября — диктует сестре последнее письмо.

10 ноября — в два часа пополудни Артюр Рембо умирает, так и не узнав, что три дня назад в Париже издательство Леона Женонсо выпустило книгу его юношеских стихотворений «Реликварий».

БИБЛИОГРАФИЯ

Прижизненные издания сочинений Рембо

Une saison en enfer. Bruxelles, Alliance typographique, 1873. Les Illuminations. Notice de Paul Verlaine. Paris, La Vogue, 1886. (Издано без ведома автора.)

Reliquaire. Préface de Rodolphe Darzens. Paris, Genonceaux, 1891. (Издано без ведома автора.)

Посмертные издания сочинений Артюра Рембо

Poèmes. Les Illuminations. Une saison en enfer. Vanier, 1892. Poésies complètes. Préface de Paul Verlaine. Vanier, 1895. Œuvres de J.-A. Rimbaud. Mercure de France, 1898.

Lettres de J.-A. Rimbaud. Mercure de France, 1899.

Œuvres à'A. Rimbaud, Vers et prose. Préface de Paul Claudel. Mercure de France, 1912.

Correspondance inédite: 1870–1875. Présentation de Roger Gilbert-Lecomte. Éditions des Cahiers libres, 1929.

Lettres de la vie littéraire de Rimbaud. Présentation de Jean-Marie Carré. Gallimard, 1931.

Vers de collège. Introduction de Jules Mouquet. Mercure de France, 1932.

Album zutique. Préface de Pascal Pia. Cercle du livre précieux, 1961.

Œuvres complètes. Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1972 et 2007.

Correspondance. Fayard, 2007.

Литература[51]

Bonnefoy Yves. Rimbaud par lui-même. Le Seuil, coll. «Écrivains detoujours», 1961.

Borer Alain. Un sieur Rimbaud se disant négociant. Lachenal et Ritter, 1984.

Rimbaud en Abyssinie. Le Seuil, coll. «Fiction et Cie», 1984. Rimbaud, l'heure de la fuite. Gallimard, coll. «Découvertes», 1991.

Rimbaud d'Arabie. Le Seuil, coll. «Fiction et Cie», 1991. *Bousmanne Bernard.* Reviens, reviens, cher ami. Calmann-Lévy, 2006.

Briet Suzanne. Madame Rimbaud. Minard, coll. «Avant-siècle», 1968.

Brunei Pierre. Rimbaud. Le Livre de Poche, coll. «Références», 2002.

Brunei Pierre, Letourneux Matthieu, Boudou Paule-Elise. *Rimbaud. Paris, ADPF, 2004.*

Butor Michel. Improvisations sur Rimbaud. La Différence, 1989.

Carre Jean-Marie. La Vie aventureuse de Jean-Arthur Rimbaud.

Pion, 1926.

Castelnau Jacques. Rimbaud. Tallandier, 1944.

Charnel Jean. L'Aventure terrestre de Jean Arthur Rimbaud. Seghers, coll. «L'Archipel», 1971.

Chavot Pierre, Villandry François de. L'Abécédaire de Rimbaud. Flammarion, 2001.

Collectif. Parade sauvage. Charleville-Mézières. 21 numéros. 1984–2006.

Collectif. Rimbaud. Europe. № 107. 1954; № 529–530.1973. Collectif. Rimbaud. Hachette, coll. «Génies et Réalités», 1968.

Collectif. Rimbaud. Magazine littéraire. № 73. 1973.

Coulon Marcel. Le Problème de Rimbaud, poète maudit. Nîmes, Gomez et Paris, Crès, 1923.

La Vie de Rimbaud et de son œuvre. Mercure de France, 1929. *Delahaye Ernest.* Rimbaud, l'artiste et l'être moral. Messein, 1923.

Dhotel André. Rimbaud et la révolte moderne. Gallimard. 1962. *Étiemble René.* Le Mythe de Rimbaud. Gallimard. Tome I: Genèse du mythe. Tome II: Structure du mythe. 1954 et 1952.

Le Sonnet des voyelles. Gallimard, coll. «Essais», 1968. *Étiemble René, Gauclere Yassu.* Rimbaud, Gallimard, 1936. *Fondane Benjamin.* Rimbaud le voyou. Denoël et Steele, 1933. *Fontainas André.* Verlaine — Rimbaud. Paris, Librairie de France, 1932.

Gascar Pierre. Rimbaud et la Commune. Gallimard, coll. «Idées», 1971.

Goffin Robert. Rimbaud vivant. Bruxelles, Les Cahiers du Journal des poètes, 1937.

Hackett C.-A. Rimbaud l'enfant. Nizet, 1938.

Autour de Rimbaud. Klincksieck, 1967.

Izambard Georges. A Douai et à Charleville. Kra, 1927. (На обложке автором указан Рембо.)

Jeancolas Claude. Les Voyages de Rimbaud. Balland, 1991.

Le Dictionnaire Rimbaud. Balland, 1991.

Rimbaud, l'album d'une vie. Textuel, coll. «Passion», 1998.

Lefrere Jean-Jacques. Rimbaud. Fayard, 2001.

Rimbaud le disparu. Buchet-Chastel, 2004.

Magny Claude-Edmonde. Arthur Rimbaud. Seghers, coll. «Poètes d'aujourd'hui», № 12. 1949 et 1966.

Matarasso Henri, Petitfils Pierre. Vie d'Arthur Rimbaud. Hachette, 1962.

Album Rimbaud. Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1967.

Melera V. Marguerite-Yerta. Rimbaud. Firmin-Didot et C/e, 1930.

Résonances autour de Rimbaud. Éditions du Myrte, 1946.

Miller Henry. Rimbaud. Lausanne. Mermod, 1952.

Mondor Henri. Rimbaud ou le génie impatient. Gallimard, 1955.

Mouquet Jules. Rimbaud raconté par Paul Verlaine. Mercure de France, 1934.

Musso Frédéric. Rimbaud. Charron, coll. «Les Géants», 1972.

Noulet Emilie. Le Premier Visage de Rimbaud. Bruxelles, Académie royale de langue et de littérature françaises de Belgique, 1973.

Perrier Madeleine. Rimbaud, chemins de la création. Gallimard, coll. «Essais», 1973.

Petitfils Pierre. L'Œuvre et le visage d'Arthur Rimbaud. Nizet, 1959.

Rimbaud. Julliard, coll. «Les Vivants», 1982 et 1991.

Rimbaud au fil des ans. Charleville-Mézières, Musée-bibliothèque Rimbaud et Centre culturel Rimbaud, 1984.

Rimbaud Isabelle. Reliques. Mercure de France, 1921.

Riviere Jacques. Rimbaud. Kra, 1930.

Rolland de Renéville André. Rimbaud le voyant. Au Sans Pareil, 1929.

Ruchon François. Rimbaud. Genève, Cailler, coll. «Documents iconographiques», 1946.

Segalen Victor. Le Double Rimbaud. Fata Morgana, coll. «Bibliothèque artistique et littéraire», 1986. (Впервые текст был опубликован в еженедельнике «Mercure de France» в 1906 году.)

Starkie Enid. Rimbaud en Abyssinie. Payot, 1938.

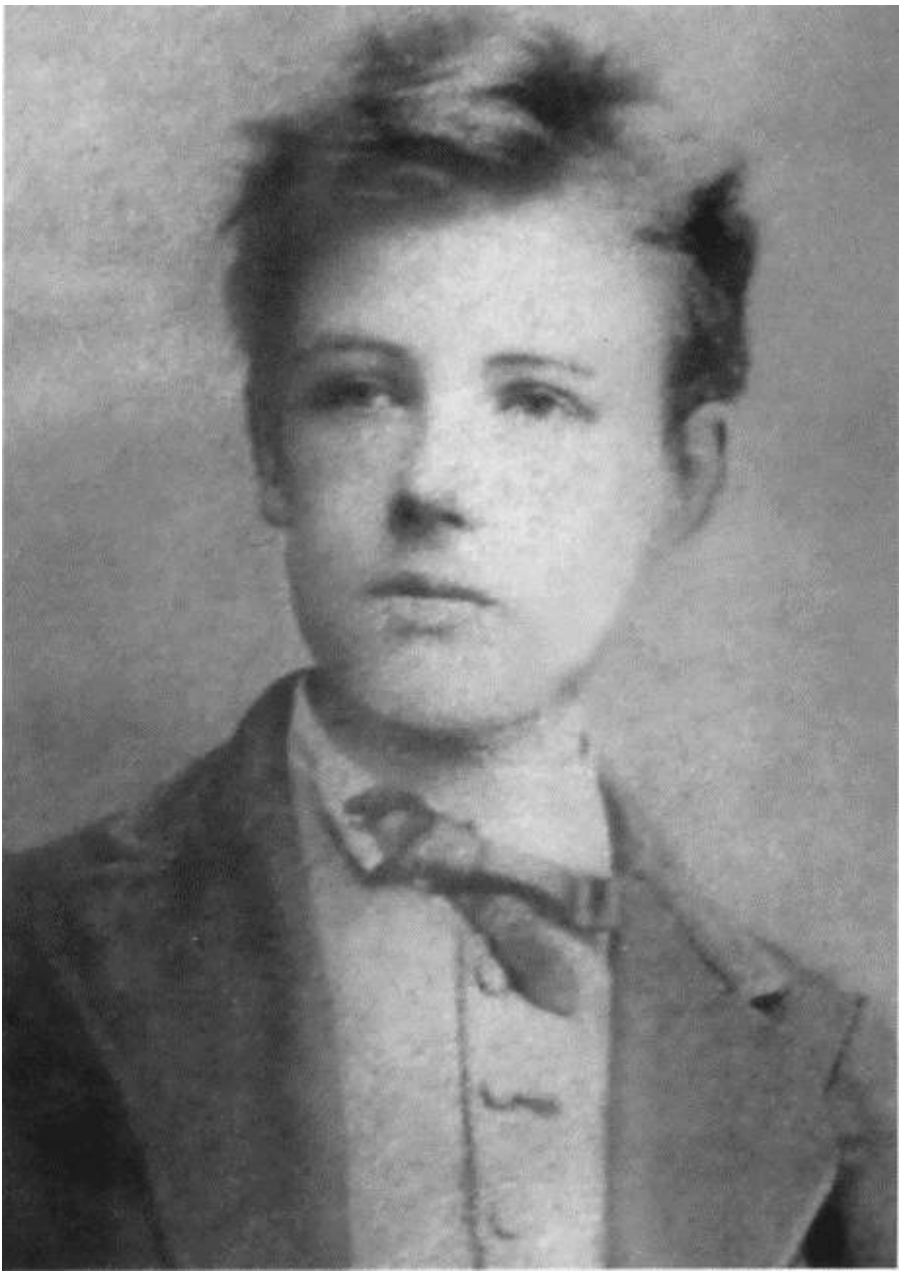
Arthur Rimbaud. Flammarion, 1982.

Steinmetz Jean-Luc. Les Femmes de Rimbaud. Zulma, 2000.

Thines Georges. Rimbaud maître du feu. Amay, L'Arbre à paroles, 2004.

Verlaine Paul. Arthur Rimbaud. Vanier, coll. «Les Hommes d'aujourd'hui», № 318.1888.

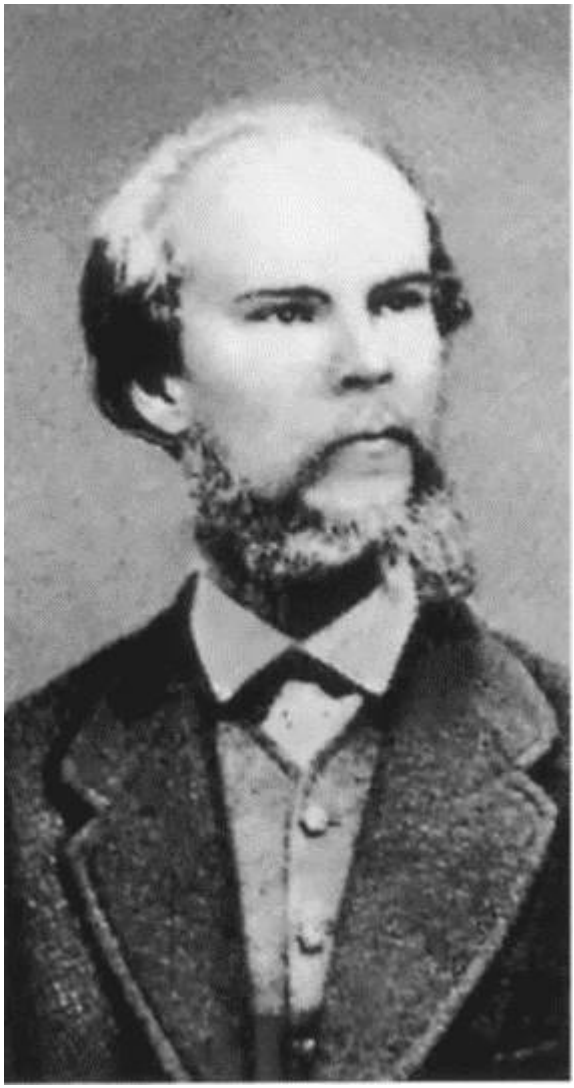
ИЛЛЮСТРАЦИИ



Братья Артюр и Фредерик Рембо в день первого причастия

Артюр Рембо (отмечен крестиком) среди учащихся школы Росса в Шарлевиле

Жорж Изамбар, преподаватель риторики в коллеже города Шарлевиля



Поль Верлен

Артюр Рембо. Рисунок Поля Верлена

Матильда Мотe-Верлен, жена Поля Верлена

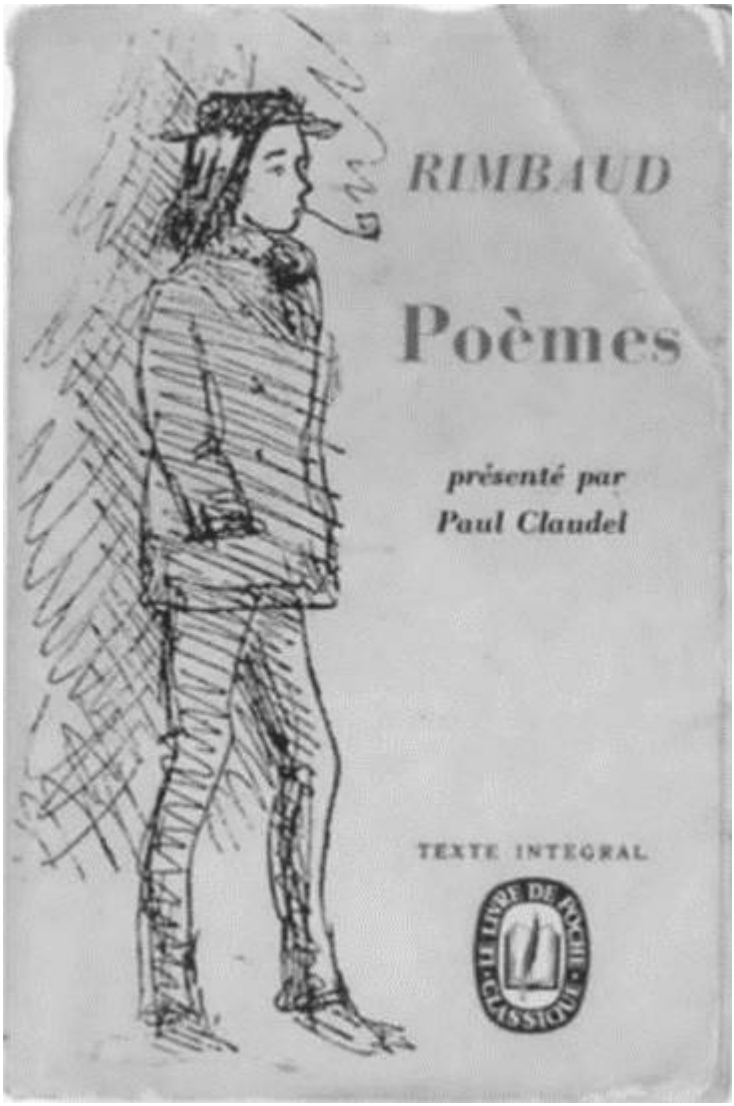
Артюр Рембо в Париже. Рисунок А. Казальса. 1871 г.

«Угол стола». Картина А. Фантен-Латура. 1872 г. Поль Верлен и Артюр Рембо сидят крайние слева

Артюр Рембо. Рисунок Эрнеста Делаэ

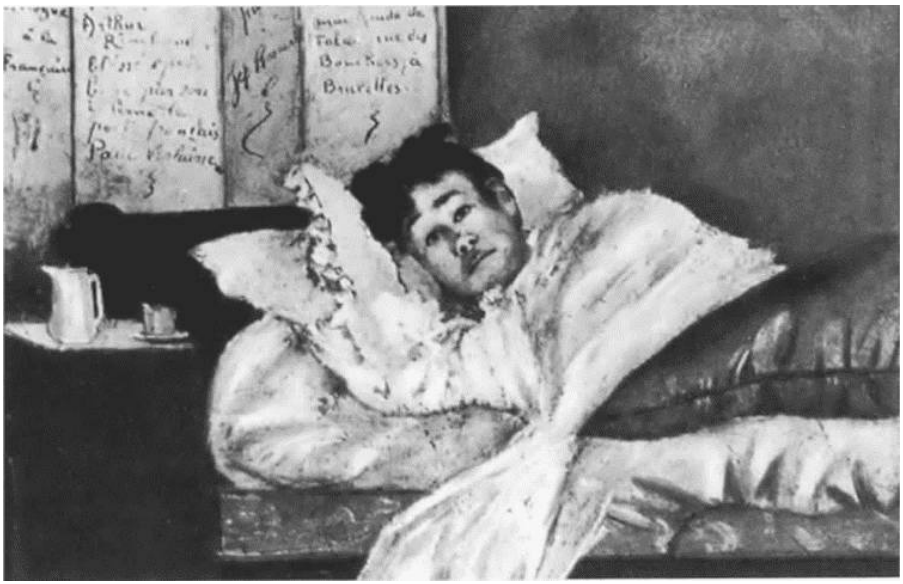
Поль Верлен и Артюр Рембо в Лондоне. Рисунок Ф. Регаме

Артюр Рембо. Рисунок Поля Верлена с надписью: «Путешествия воспитывают молодёжь»

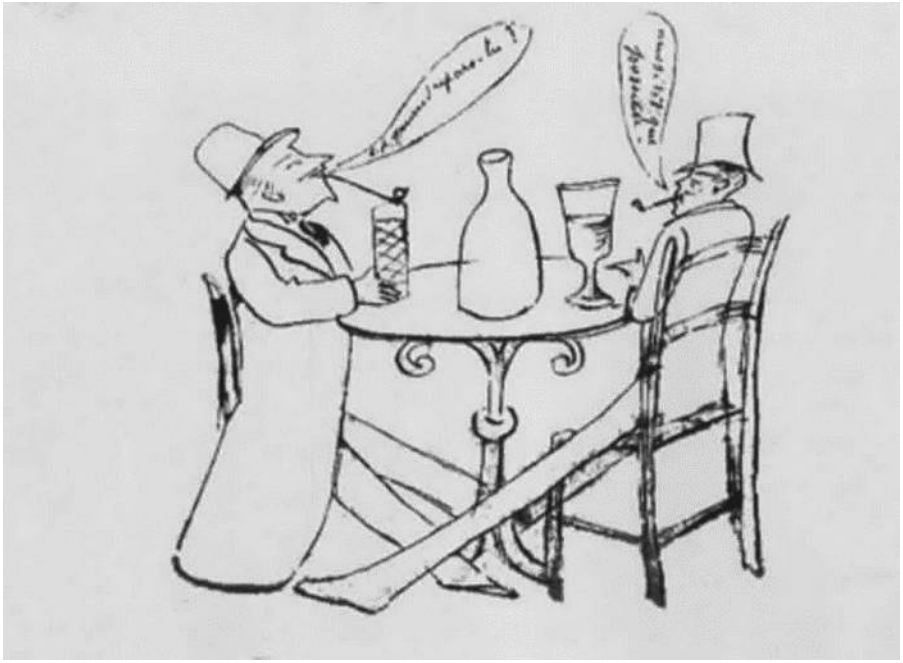


Обложка сборника стихотворений Артюра Рембо. Рисунок Поля Верлена

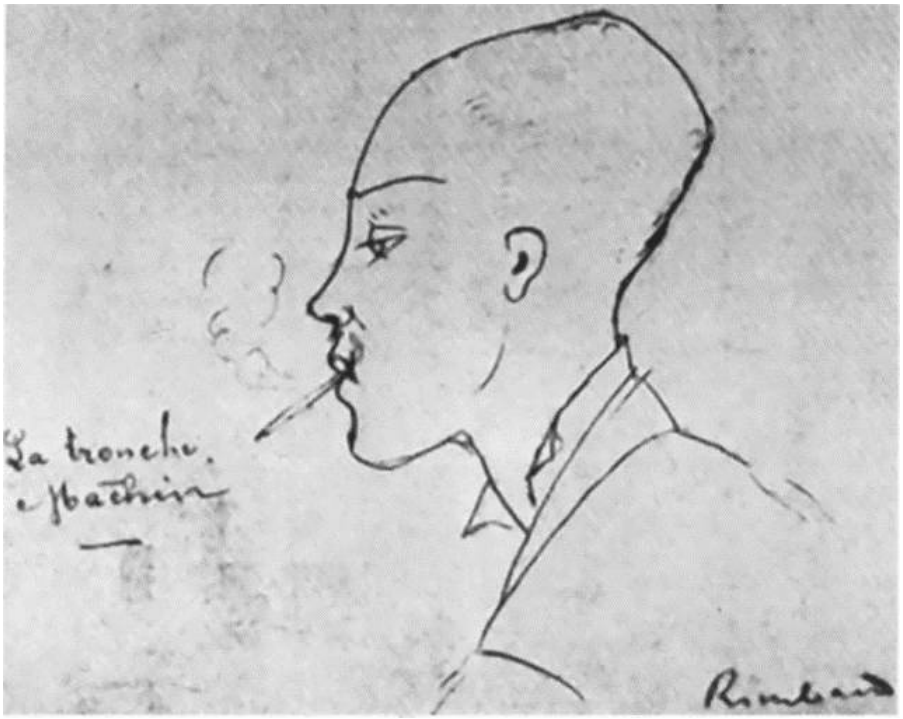
Памятная доска с надписью: «Здесь стояла гостиница "Виль-де-Куртре", где 10 июля 1873 года Поль Верлен ранил Артюра Рембо выстрелом из револьвера». Брюссель



Раненый Рембо. Художник Ж. Росман



Эрнест Делаэ и Артюр Рембо в кафе. Рисунок Эрнеста Делаэ



Артюр Рембо в 1875 году. Рисунок Эрнеста Делаэ

Перед обедом с шейхом Османом у дома Хасана Али. Артюр Рембо стоит крайний слева. Аден. 1882 г.

Артюр Рембо в Адене

Изабель Рембо, сестра поэта. Рисунок П. Беррюшона

Артюр Рембо. Рисунок П. Беррюшона по наброску Изабель Рембо

Артюр Рембо — король негров. Рисунок Эрнеста Делаэ

Изабель Рембо

Памятная доска с надписью: «В этом доме 20 октября 1854 года родился поэт и землепроходец Жан Никола Артюр Рембо». Шарлевиль

Памятная доска на стене больницы в Марселе, где скончался Артюр Рембо

Бюст Артюра Рембо в Шарлевиле

Памятник Артюру Рембо в Париже

Скульптура в память Артюра Рембо на вокзале в Вонке

Памятник Артюру Рембо в Шарлевиле

Музей Артюра Рембо в Шарлевиле

Памятник Артюру Рембо в Марселе

Нидерландский каллиграф В. Брейнс пишет текст стихотворения Артюра Рембо «Пьяный корабль» на стене. Париж, улица Феру. 2012 г.

Указатель на дороге в Рош: «По стопам Рембо»

Место упокоения Артюра Рембо на кладбище Шарлевиля

notes

Примечания

1

Все стихи французских поэтов цитируются в переводе Владислава Зайцева.

2

Жан Батист Баронян (р. 1942) родом из армянской семьи, член бельгийской Королевской академии французского языка и литературы, автор биографий Шарля Бодлера и Поля Верлена, а также многих книг прозы, эссеистики, критики.

3

Арденны — западное продолжение Рейнских Сланцевых гор на территории Бельгии, Франции, Люксембурга. Речь идёт о французских Арденнах. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

4

Имеется в виду Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873), племянник Наполеона I (1769–1821); в 1848–1852 годах глава Французской республики, в 1852–1870 годах император Франции Наполеон III.

5

То есть строк (в современной обиходной речи слово «стих» нередко употребляется в значении «стихотворение»), — *Прим. ред.*

6

О природе вещей *(лат.)*.

7

«Верю в Единого» *(лат.)* — более ста шестидесяти александрийских стихов.

8

На самом деле ему было тогда пятнадцать с половиной лет.

9

И я (*ит.*).

10

Франко-прусская (или Германо-французская война; 1870–1871), спровоцированная прусским канцлером Бисмарком и формально начатая французским императором Наполеоном III, шла между Французской империей и германскими государствами во главе с Пруссией, по сути, за гегемонию в Европе и закончилась поражением Франции.

11

В томе собрания сочинений Рембо это стихотворение будет названо «Ответы Нины», а «Credo in Unam…» превратится в «Солнце и плоть».

12

Солдаты республиканской Франции, павшие в сражениях 1792–1793 годов с армиями европейских монархий.

13

Вальми — селение, близ которого в сентябре 1792 года французские генералы Дюмурье и Келлерман выиграли сражение у прусских войск. Флерюс (Хайнаут) — город в Бельгии, у которого в 1794 году французы разбили австрийцев.

14

Французские журналисты и политические деятели Бернар Адольф Гранье де Касаньяк (1806–1880) и его сын Поль Адольф Гранье де Касаньяк (1843–1904) были убеждёнными бонапартистами.

15

Парижская коммуна — первая в истории пролетарская революция и первое правительство трудящихся, существовавшее в Париже 18 марта — 28 мая 1871 года. Позорное поражение монархии Наполеона III во Франко-прусской войне 1870–1871 годов, внутренняя и внешняя политика пришедшего ему на смену правительства Третьей республики усилили массовое недовольство во Франции и привели к восстанию парижских трудовых низов, 18 марта свергнувших правящий режим. 28 марта была провозглашена Парижская коммуна. В состав революционного правительства вошли представители пролетариата и радикально настроенной мелкой буржуазии. Коммуна была одновременно и законодательным, и исполнительным органом. Регулярную армию заменило всеобщее вооружение народа (Национальная гвардия). Церковь была отделена от государства. Коммуна действовала в условиях борьбы с низложенным правительством А. Тьера, которое бежало в Версаль и пользовалось прямой поддержкой прусских интервентов. Руководители Коммуны, проявляя нерешительность в борьбе с политическими противниками, версальцами, придерживались тактики пассивной обороны. 21 мая войска версальцев вступили в Париж. До 28 мая коммунары сражались против них на баррикадах. Подавив их сопротивление, власть развязала массовый террор. Тысячи французов были казнены, брошены в тюрьмы и отправлены в ссылку. Тьер стал президентом Республики и был объявлен «спасителем отечества».

16

Адольф Тьер (1797–1877) — французский политический деятель, в феврале 1871 года заключил унизительный для Франции договор с Пруссией; возглавил силы версальцев, с исключительной жестокостью подавивших Парижскую коммуну. *Эрнест Пикар* (1821–1877) — министр внутренних дел в правительстве Тьера.

17

Камиль Коро (1796–1875) — французский живописец, мастер пейзажа.

18

«Гран Трюк» («Большой Трюк») — в названии, возможно, пародируется прозвище одного из персонажей комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» — Большой Турок (Grand Turc — Grand Truc); упомянутая в стихотворении троица политиков Тьер — Пикар — Фавр представлена в виде «трёх граций» — трёх шлюх большого политического борделя: здесь, вероятно, содержится намёк на «Большой шестнадцатый» (Grand Seize) — самый роскошный из залов парижского ресторана «Кафе Англе» (в 1802–1913 годах), который любили посещать дорогие кокотки.

19

Жюль Фавр (1809–1880) — французский государственный деятель, был министром иностранных дел в правительстве Национальной обороны; вёл крайне неудачные для Франции переговоры о заключении мира с победившей Пруссией: получил скандальную известность из-за связи с чужой женой, с которой прижил нескольких детей.

Напомним, что французский предлог *de,* стоящий перед фамилией, обычно обозначает принадлежность к дворянству.

21

Сара Бернар (Sarah Bernhard — театральный псевдоним Розины Бернар, 1844–1923) — известная актриса и куртизанка.

22

Фиваидские аскеты — раннехристианские монахи из Фиваиды на юге Египта.

23

Святой Грааль — чаша, которая, по преданию, служила Иисусу Христу во время Тайной вечери; в неё же Иосиф Арифамейский собрал кровь распятого Спасителя, вытекавшую из раны, которую нанёс ему римский центурион. Во многих рыцарских романах XII и XIII веков рассказывается о поисках Грааля рыцарями короля Артура.

24

Бегемот — здесь библейский образ, упоминаемый в Книге Иова: огромное таинственное животное; в традиционном богословии считается воплощением демонических сил.

Примечательно, что от буйной выходки нетрезвого Артюра пострадал человек, который создал лучший и поныне самый известный портрет юного Рембо. В отместку за это Коржа уничтожил негативы всех сделанных им снимков поэта. Уцелели лишь восемь отпечатков, среди которых и портрет, породивший множество копий, подражаний, всевозможных вариаций, стилизаций и коллажей, составляющих ныне львиную долю всей «иконографии» Рембо.

26

Франсуа Видок (1775–1857) — известный французский авантюрист, бывший каторжник, ставший главой тайной полиции.

27

Альмея — восточная танцовщица и певица.

Полоумных, бесноватых (брюссельский диалект фламандского языка).

29

Госпожа Рембо обычно подписывалась В. Рембо, что означало одновременно и Витали Рембо, и Вдова Рембо. Бельгийская полиция могла принять это за подпись мужчины.

30

В письме, направленном 6 августа 1872 года старшим комиссаром полиции в Управление общественной безопасности, он уточняет: «…в компании молодого человека по имени Верлен Поль». При этом слова «молодой человек» были перечёркнуты.

31

Прерафаэлиты — течение в английском искусстве второй половины XIX века, провозглашавшее ориентацию на стилистику раннего Ренессанса.

32

Хэмптон-Корт (XVI–XVII века) — бывшая летняя резиденция английских королей, расположенная на берегу Темзы в предместье Ричмонд-на-Темзе.

33

«Вселенная» — название одного из кафе в Шарлевиле.

34

Себастьен Вобан (1633–1707) — маршал Франции, генеральный комиссар фортификации; укрепил многочисленные французские крепости, руководил осадами.

35

Семоа — река, протекающая по территории Франции и Бельгии, приток Мааса.

36

Кедрон — название ручья в Иерусалиме, протекающего между центральной частью города и Масличной горой.

Спаси, Господи *(лат.)*.

38

Хайнаут — провинция Бельгии.

39

Очень любезной *(ит.)*.

Etrange *(фр.)* — странный.

41

Батавия — старое название Джакарты.

42

Нидерландская Индия — с 1798 года колония Нидерландов на островах Малайского архипелага; в 1942–1945 годах находилась под японской оккупацией; с августа 1945 года — независимая Республика Индонезия.

43

Ачех — мусульманский султанат, сформировавшийся на севере острова Суматра в XII веке; с XVI века Ачех занимал значительное место среди султанатов Суматры и вёл борьбу с португальскими, английскими и голландскими колонизаторами. Нидерланды с 1873 года вели против Ачеха войну, которая длилась до 1904 года и закончилась покорением бывшего султаната.

44

Йост ван ден Вондел (1587–1679) — нидерландский поэт и драматург.

45

В те времена фотографическое оборудование было настолько громоздким, что слово «багаж» вполне ему соответствовало.

46

Чарлз Гордон — британский генерал-губернатор Судана. *Джозеф Вулзли* — генерал, служивший в Египте.

47

Франги (фаранги), франки — так жители некоторых стран Передней Азии и Северной Африки называли европейцев. В данном случае египтян и турок причислили к франкам, очевидно, по цвету их кожи.

48

Эти серебряные монеты с профилем австрийской императрицы Марии Терезии в 80-е годы XIX века имели хождение на берегах Красного моря и в Абиссинии. Один талер стоил примерно 13 нынешних евро.

49

Географическое общество, основанное в 1821 году, располагается в Париже по адресу: бульвар Сен-Жермен, 184.

50

Амхара — наиболее многочисленный народ в Эфиопии.

51

Биографическая и исследовательская литература об Артюре Рембо обширна. Ниже приводится краткая библиография изданий только на французском языке.

comments

Ссылки

1

Rimbaud Arthur. Proses et vers français de collège. Œuvres complètes. Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 2007. P. 173.

2

Ibid. P. 173 et 174.

3

Rimbaud Arthur. Invocation à Vénus, in Œuvres complètes. Op. cit. P. 174 et 175.

Rimbaud Arthur. Correspondance. Fayard, 2007.

Izambard Georges. A Douai et à Charleville/ Kra, 1927.

6

Ibid.

Rimbaud Arthur. À la musique, in Œuvres complètes. Op. cit. P. 22.

Rimbaud Arthur. Correspondance. Op. cit.

Ibid.

Izambard Georges. À Douai et à Charleville. Op. cit.

Rimbaud Arthur. Correspondance. Op. cit.

12

Rimbaud Arthur. Poésies, in Œuvres complètes. Op. cit. P. 25.

Rimbaud Arthur. Correspondance. Op. cit.

Rimbaud Arthur. Correspondance. Op. cit.

15

Rimbaud Arthur. Poésies, in Œuvres complètes, op. cit. P. 20 et 21.

Rimbaud Arthur. Correspondance. Op. cit.

17

Rimbaud Arthur. Poésies, in Œuvres complètes, op. cit. P. 29.

Izambard Georges. À Douai et à Charleville. Op. cit.

19

Rimbaud Arthur. Poésies, in Œuvres complètes, op. cit. P. 31 et 32.

Danval Marc. «Rimbaud au Cabaret Vert à Charleroi». Rimbaud vivant. № 46, juin 2007.

21

Rimbaud Arthur. Au Cabaret Vert, in Œuvres complètes. Op. cit. P. 32 et 33.

22

Rimbaud Arthur. Poésies. Œuvres complètes. Op. cit. P. 35.

23

Gautier Théophile. Tableaux de siège. Paris, Charpentier, 1871.

Rimbaud Arthur. Poésies. Œuvres complètes. Op. cit. P. 32.

Rimbaud Arthur. Correspondance. Op. cit.

26

Ibid.

Rimbaud Arthur. Les Corbeaux. Œuvres complètes. Op. cit. P. 36.

Rimbaud Arthur. Poésies. Œuvres complètes. Op. cit. P. 39 et 40.

Mêlera Marguerite-Yerta. Rimbaud. Firmin-DidotetCie, 1930.

Rimbaud Arthur. Poésies. Œuvres complètes. Op. cit.

Rimbaud Arthur. Correspondance. Op. cit.

32

Izambard Georges. Lettre à Arthur Rimbaud du 15 (?) mai 1871. Arthur Rimbaud. Correspondance. Op. cit.

33

Ibid.

Ibid.

Verlaine Paul. Correspondance générale I (1857–1885). Fayard, 2005.

Ex-Madame Paul Verlaine. Mémoires de ma vie, Flammarion, 1935.

Régamey Félix, Eferlaine dessinateur. Paris, Floury, 1896.

Rimbaud Arthur. Poésies. Œuvres complètes. Op. cit.

Delage Roger. Emmanuel Chabrier. Fayard, 1999.

Pia Pascal. Introduction à l'Album zutique. Pauvert, 1962.

41

Rimbaud Arthur. Les Lèvres closes. Œuvres complètes. Op. cit. P. 208.

Ibid. P. 209.

Huysmans Joris-Karl. Certains. Stock, 1889.

Rimbaud Arthur. Le Bateau ivre. Œuvres complètes. Op. cit. P. 67 et 68.

Ibid. P. 68 et 69.

Cité par Pierre Petitfils. Rimbaud. Nizet, 1959.

47

Rimbaud Arthur. Alchimie du verbe. Œuvres complètes. Op. cit. P. 106.

Rimbaud Arthur, Voyelles. Œuvres complètes. Op. cit. P. 53.

Verlaine Paul. Correspondance générale I (1857–1885). Op. cit.

Ibid.

51

Rimbaud Arthur. Une saison en enfer. Œuvres complètes. Op. cit. P. 94.

Rimbaud Arthur. Jeune ménage. Œuvres complètes. Op. cit. P. 81.

53

Verlaine Paul. Mes prisons. Œuvres en prose complètes. Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1972. P. 326.

Ibid.

Rimbaud Arthur. Vers nouveaux et anciens. Œuvres complètes. Op. cit. P. 88.

Rimbaud Arthur. Poésies. Œuvres complètes. Op. cit. P. 82 et 83.

Ex-Madame Paul Verlaine. Mémoires de ma vie. Op. cit.

Verlaine Paul. Birds in the Night, Romances sans paroles. Œuvres poétiques complètes. Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1962. P. 133.

Ex-Madame Paul Verlaine. Mémoires de ma vie. Op. cit.

Rimbaud Arthur. Correspondance. Op. cit. P. 109.

Rimbaud Arthur. Les Illuminations. Œuvres complètes. Op. cit. P.

Underwood V. P. Verlaine et l'Angleterre. Nizet, 1956.

63

Rimbaud Arthur. Vagabonds. Les Illuminations, Œuvres complètes. Op. cit. P. 137.

Castelnau Jacques. Rimbaud. Paris, Tallandier, 1944.

Rimbaud Arthur. Villes. Les Illuminations, Œuvres complètes. Op. cit. P. 137.

Ibid. P. 138.

67

Rimbaud Arthur. Lettre à Ernest Delahaye (mai 1873). Correspondance. Op. cit.

Mouvement. Les Illuminations. Op. cit.

Porche François. Verlaine tel qu'il fut. Flammarion, 1933.

70

Rimbaud Arthur. Lettre à Paul Verlaine du 4 juillet 1873. Correspondance. Op. cit.

71

Rimbaud Arthur. Lettre à Paul Verlaine du 5 juillet 1873. Ibid.

Rimbaud Arthur. Correspondance. Op. cit.

Rimbaud Arthur. Faim, in Une saison en enfer, Œuvres complètes. Op. cit. P. 109 et 110.

Ibid. P. 93.

Bousmanne Bernard. Reviens, reviens, cher ami. Calmann-Lévy, 2006.

76

Déposition de Rimbaud devant le juge d'instruction t'Serstevens, in Arthur Rimbaud. Correspondance. Op. cit.

Bousmanne Bernard. Reviens, reviens, cher ami. Op. cit.

Rimbaud Arthur. Correspondance. Op. cit.

Verlaine Paul. Parallèlement. Œuvres poétiques complètes. Op. cit. P. 387.

Bousmanne Bernard. Reviens, reviens, cher ami. Op. cit.

81

Rimbaud Arthur. Une saison en enfer. Œuvres complètes. Op. cit. P. 93.

Ibid. P. 94.

83

H. de Bouiliane de Lacoste, appendice à l'édition critique d'Une saison en enfer. Mercure de France, 1941.

Vérane Léon. Humilis poète errant. Grasset, 1929.

85

Journal de Vitalie Rimbaud, in Arthur Rimbaud, Œuvre: I complètes. Op. cit. P. 827.

Ibid. P. 828.

Ibid.

Ibid. P. 829.

Ibid. P. 830.

Ibid. P. 832 et 831.

91

Lettre à Ernest Delahaye du 5 mars 1875, in Arthur Rimbaud. I Correspondance. Op. cit.

92

Verlaine Paul. Sagesse, in Œuvres poétiques complètes. Op. cit. P. 161.

Verlaine Paul. Arthur Rimbaud «1884». Œuvres en prose complètes. Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1972. P. 802.

94

Lettre à Ernest Delahaye du 14octobre 1875. *Rimbaud Arthur*. Correspondance. Op. cit.

Rimbaud Arthur. Parade. Les Illuminations. Œuvres complètes. Op. cit. P. 126.

Ibid. P. 129.

Ibid. P. 145 et 146.

Propos rapportés par Louis Pierquin. Lettres de la vie littéraire d'Arthur Rimbaud. Gallimard, 1931.

Rimbaud Arthur. Correspondance. Op. cit.

100

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille de novembre 1878. Correspondance. Op. cit.

101

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 24 avril 1879. Ibid.

Delahaye Ernest. Rimbaud. Paris et Reims, Éditions de la Revue de Paris et de Champagne, 1906.

103

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 2 novembre 1880. Correspondance. Op. cit.

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 15 février 1881. Ibid.

105

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 4 mai 1881. Ibid.

106

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 3 novembre 1882. Ibid.

107

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 8 décembre 1882. Correspondance. Op. cit.

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 6 mai 1883. Ibid.

109

Ibid.

Starkie Enid. Rimbaud en Abyssinie. Pâyot, 1938.

111

Rimbaud Arthur. Rapport sur l'Ogaden, Correspondance. Op. cit.

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 24 avril 1884. Ibid.

113

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 31 juillet 1884. Ibid.

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 10 septembre 1884. Ibid.

115

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 30 décembre 1884. Ibid.

Ibid.

117

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 3 décembre 1885. Correspondance. Op. cit.

118

Lettre du 15 avril 1886. Ibid.

119

Ibid.

120

Ibid.

Starkie Enid. Rimbaud en Abyssinie. Op. cit.

122

Rimbaud Arthur. Lettre au directeur du Bosphore égyptien du 25 août 1887. Correspondance. Op. cit.

123

Ibid.

Ibid.

125

Rimbaud Arthur. Lettre à Emile de Gaspary du 30 juillet 1887. Correspondance. Op. cit.

126

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 23 août 1887. Correspondance. Op. cit.

127

Ibid.

128

Rimbaud Arthur. Lettre parue dans Le Bosphore égyptien des 25 et 27 août 1887. Correspondance. Op. cit.

129

Ibid.

130

Rimbaud Arthur. Lettre à Alfred Bardey du 26 août 1887. Correspondance. Op. cit.

131

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 4 août 1888. Correspondance. Op. cit.

132

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 10 novembre 1888. Correspondance. Op. cit.

133

Rimbaud Arthur. Lettre à Alfred 11g du 7 septembre 1889. Ibid.

Ibid.

135

Rimbaud Arthur. Lettreà Alfred 11g du 20 décembre 1889. Ibid.

136

Rimbaud Arthur. Lettre à Alfred 11g du 7 octobre 1889. Ibid.

Rimbaud Arthur. Lettreà sa mère du 20 février 1891. Ibid.

Rimbaud Arthur. Lettre à sa mère du 30 avril 1891. Ibid.

139

Ibid.

140

Rimbaud Arthur. Lettre à sa famille du 21 mai 1891. Correspondance. Op. cit.

141

Rimbaud Arthur. Lettre à sa sœur Isabelle du 24 juin 1891. Correespondance. Op. cit.

142

Rimbaud Arthur. Lettre à sa sœur Isabelle du 20 juillet 1891. Correspondance. Op. cit.

Rimbaud Isabelle. Reliques, Mercure de France, 1921.

Ibid.

145

Ibid.

Ibid.

Ibid.

148

Rimbaud Isabelle. Lettreà sa mère du 5 octobre 1891. Arthur Rimbaud. Correspondance. Op. cit.

Rimbaud Isabelle. Reliques. Op. cit.

Ibid.